

ХРИСТΙΑΝΟΣ

XXVIII

АЛЬМАНАХ

РИГА

2019

ФиАМ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2019

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ЛЕГКОЕ БРЕМЯ ХРИСТОВО

Открыв Содержание альманаха 2019 года, который перед нами, мы увидим в названиях почти всех текстов имена: Зоя Крахмальникова, Александр Огородников, Сандр Рига, Григорий Померанц и Зинаида Миркина, Анастасия Дурова, митр. Антоний Сурожский, Сергей Аверинцев, Василий Сидин, Бруно Розенталс, Оливье Клеман, Энцо Бьянки, архимандрит Виктор (Мамонтов).

Почему эти люди, многие из которых широко известны христианской аудитории (и не только по опубликованным трудам, а, возможно, кому-то и лично выпало знать их), некоторые же известны менее широко, а с кем-то из наших героев знакомство ещё только предстоит, – почему они встречаются читателя на страницах «Христианоса-XXVIII»?

Когда в 1989 году, 30 лет тому назад, мы с отцом Александром Менем – одновременно – впервые заговорили о христианском периодическом издании (тогда это была очень дерзкая мысль!), то сразу задумывали его, как журнал, обращенный прямо к нашему современнику. И, обсуждая круг вопросов и тем будущего журнала, отец Александр говорил, что, помимо богословия, проповедей, лекций, – непременно будем публиковать материалы о наших современниках – людях XX века. И мы внесли это в наше Кредо, чему и следуем в каждом выпуске, начиная с первого номера «Христианоса». То есть, затрагивая конкретные темы и проблемы, рассматриваем их не сами по себе, а сквозь судьбы, личности, вопрошания христиан нашего времени.

«Христианос-XXVIII» посвящен «ходившим по водам», тем (как живым, так и ушедшим), кого можно

определить, как свидетелей христианства, свободы мысли и духа, носителей веры и верности – в наше время, в XX–XXI вв.

Не все из задуманного удалось воплотить, – еще два человека, две судьбы, два прекрасных лица должны были войти в пространство этого номера...

Вчитываясь в описание жизни, пути наших героев, понимаешь, что они таинственным образом сроднились на страницах альманаха.

«Чем сильнее ненависть к свидетелям Христа, чем бессмысленней причина гонений, чем свирепей гонения, тем крепче и непоколебимей вера... Я не знаю, как это случилось, но уже в первый день суда, я удивилась радости, наполнившей меня. Мои судьи свидетельствовали своей ненавистью о Боге, свидетельствовали, что Он истинен... “Радуйтесь! Господь победил мир”, – сказала я в последнем слове себе, своим родным, своим судьям.

Слушай, тюрьма! – Кричу я у “решки” – Христос воскрес!» – пишет Зоя Крахмальникова в своей книге «Слушай, тюрьма! Лефортовские записки. Письма из ссылки»¹.

Александр Огородников, отсидевший за веру 9 лет в лагерях строгого режима, передает невероятный опыт Радости, переживания реальности Божьего присутствия, Царства Небесного – в средоточии зла, греха. Они осуществили в адских условиях Заповеди Блаженства. Они учат нас надежде, мужеству веры, и только в этом защита от цинизма и отчаяния. Честертон говорил, что святой – противоядие от пороков своей эпохи. Времена исповедничества и подвига никогда не проходят. «Как

¹ См. С. 22–23 настоящего издания.

икона – богословие в красках, так мученичество – икона и богословие христианина в час безумия мира»².

Так как же нам научиться быть христианами?..

«Иисус Христос предлагает Своим ученикам идти по воде. Действительно, самый надежный путь святости – это идти по воде. Апостолы пошли за Христом, как по воде», – говорит в своей проповеди «Путь святости» отец Виктор (Мамонтов)³.

А шестнадцатилетний латышский парень из лютеранской семьи, рискуя жизнью, помогал спасать в оккупированной нацистами Риге евреев. Их семья спасла 36 человек. Позднее Бруно Розенталс, признанный Праведником народов мира, вспоминал: «Я знал, что мы должны спасти евреев... Я чувствовал их боль как свою...»⁴.

Ну, а мы все спрашиваем, как жить по-христиански в этом обезбоженном мире?.. У Христа есть точный ответ, на все времена, в Евангелии от Матфея Он говорит: «Кто хочет следовать за Мной, пусть забудет о себе, пусть возьмет свой крест – и тогда следует за Мной».

Так и поступил молодой итальянский студент Энцо Бьянки, искавший жизни по Евангелию и открывший в себе призвание к монашеству. В пустынном местечке Бозе, в полуразрушенной хижине, без воды и электричества, Энцо живет в полном одиночестве, в посте, молитве и чтении Писания в течение трех лет, после чего к нему присоединяются несколько человек, тоже ищущих монашеской жизни. Из этого подвижничества одного человека, имевшего мужество пойти по пути

² Курбатов Валентин. Соль и крапива. // Христианос-XXV. Рига: ФИАМ, 2016. С. 329.

³ См. С. 303 настоящего издания.

⁴ См. С. 214 настоящего издания.

открытия себя воздействию Духа Святого, родилась плодотворная монашеская община.

И когда мы читаем о жертвенном служении актера и режиссера из Харькова, Василия Сидина, отдавшего всего себя детям, сиротам-инвалидам, полностью изменившем, преобразившем их жизнь, – у нас не возникает сомнения, что перед нами тоже рыцарь веры, взявший на свои плечи легкое бремя Христово...

Завершает XXVIII номер рубрика «Вера и культура», содержащая в себе размышления о человеческих отношениях, об истинной дружбе («единственном виде любви, лишенном вожделения») между человеком и человеком; между человеком и Богом. «Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин 15:15). И все это на основе французского фильма «Неприкасаемые», который, в русском переводе известен под названием «1+1», в статье «Вместе от земли до Небес». А также в этой рубрике опубликован опыт искусствоведов-медиевистов в области изучения и восприятия христианского искусства и связанных с ним вопросов веры современного человека.

«Религиозная культура вырастает из веры и без веры распадается, как тело, из которого ушла жизнь; но и вера без религиозной культуры остается, так сказать, невоплощенной. Даже самые бесспорные явления общей истории культуры, например, памятники религиозного искусства, скажем, готический собор, икона Андрея Рублёва или грегорианская мелодия, по существу, закрыты для нас, если у нас нет достаточного понимания вдохновившей их веры»⁵.

Наталья Большакова-Минченко

⁵ *Аверинцев Сергей*. На вершине горы – Крест. // Христианос-IX. Рига: ФИАМ, 2000. С. 19.

ВЕСТНИКИ СВОБОДЫ

Сергей Серов

Родился в 1952 году в городе Советске Калининградской области. Окончил Московский электротехнический институт связи и Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Кандидат искусствоведения.

Автор ряда книг, альбомов и статей по дизайну и искусству.

Президент Московской международной биеннале графического дизайна «Золотая пчела».

В настоящее время профессор, заведующий кафедрой дизайна Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Кавалер Золотого почетного знака «Общественное признание», лауреат Премии Родченко и др.

Крещен в 1977 году в Богоявленском соборе (г. Москва) протоиереем Герасимом Ивановым.

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Памяти Зои Александровны Крахмальниковой

...Не представляю, как подступиться. Мой друг, иеромонах, клирик Элладской Церкви, Иосиф (Киперман), вместо благословения только хмыкнул: «Я бы не взялся». Между тем это именно он подарил мне дружбу с Зоей Александровной, уезжая в начале 90-х навсегда из России. Вернее – передал. Потому как собственную дружбу с ней считал подарком от Господа.

Чем больше проходит времени, тем величественней предстает фигура Зои Александровны, тем непосильней

представляется задача, за которую взялся. Однажды кто-то в Фейсбуке написал мне в комментариях, практически ни с того, ни с сего: «Вы были знакомы с Зоей Крахмальниковой, вы должны написать о ней». Можно сказать, потому и взялся. К тому же в этом году – 90 лет со дня ее рождения.

Но что я могу? Собрать обрывки воспоминаний, сохраняющих слабые отсветы божественного огня. Да составить калейдоскоп цитат из ее книг и статей, которые чем дальше, тем значительней кажутся. Воспоминания удерживают лучше чувства, чем слова. Зою Александровну Крахмальникову лучше цитировать дословно, потому что она была литератором, мастером слова. А еще потому, что порой слова ее звучали поистине с пророческой силой и библейской мощью.

Последний путь

Я знал Зою Александровну в последние годы ее жизни. Поэтому начну с конца.

Хоронили ее одиннадцать лет назад, перед Пасхой, на Вход Господень в Иерусалим. Отпевали в «Косье», храме Космы и Дамиана в Шубине, в Столешниковом переулке. Меньше чем за год до этого на том же самом месте стоял гроб с телом отца Георгия Чистякова. Как и Зоя Крахмальникова, он тоже исповедовал и проповедовал пламенное, огненное, а не тепло-хладное христианство. Он и сам признавал родство их душ. А однажды сказал мне внезапно: «Зою я люблю!». Даже не сказал, а как-то выдохнул. Еще раньше, за десять лет до этого, отец Георгий Чистяков отпевал в этом храме Булата Окуджаву, который тоже ее любил...

Когда вышла последняя книга Зои Крахмальниковой «Монологи о любви» (1), которую я оформлял как дизайнер и помогал с ее изданием, она попросила меня оставить у себя часть тиража, чтобы раздать на ее похоронах. Я выполнил ее волю, привез книги в Косьму, четыреста экземпляров. И после отпевания каждый, выходя из церкви, держал в руках эту книгу с оранжевым иерусалимским закатом на обложке, который вспыхивал ясным огнем в тот серый, безнадежно хмурый день. Книг всем не хватило.

Путь на кладбище оказался мучительно долгим. Дождь то моросил, то усиливался. Два ритуальных автобуса и несколько легковых машин тяжело пробирались по Москве по бесконечным пробкам. Потом почти час мертво стояли на повороте на Ленинский. Наконец, покатали, миновали МКАД. Но тут дорогу к Хованскому кладбищу преградил милицейский кордон. Такая вот последняя встреча Зои Крахмальниковой с родной милицией. Оказывается, московские власти организовали бесплатные автобусы до кладбищ, почему-то решив, что москвичи отправятся поминать покойников на Вербное воскресенье. Большие Икарусы шли один за другим – совершенно пустые, их пропускали. А ритуальный транспорт с гробами милиция разворачивала обратно в Москву, направляя всех в дальний объезд по Старо-Калужскому шоссе.

Это мое шоссе, дальше – деревня Десна, «родовое гнездо» отца. Не доезжая – знакомый правый поворот на Хованское кладбище. По этой дороге я возил на своей машине Зою Александровну на могилу ее сына, моего тезки, он был артистом, рано ушедшим из жизни. Теперь рядом с сыном мы должны были положить и ее.

Как только подъехали, дождь прекратился. Солнце пробило облака, и гнетущая тягость в один миг улетучилась. Весенний воздух наполнили «Святый Боже» и пасхальные стихиры. А когда опускали гроб – курлыканье неизвестно откуда взявшихся журавлей, косой клин которых пролетел низко над березами.

Женщины, среди них Людмила Улицкая, Наталья Бруни, кто-то в монашеском облачении, принялись украшать могилу цветами. Белыми розами одели сплошным покровом могильный холм, красными – выложили огромный крест. Красивее могилы я не видывал.

Серебряная нить

Одна из этих «жен-мироносиц» сказала потом на поминках, что, когда прощались, в ушах у нее неотступно звучало: «Женщины той очарованный лик слит с твоим празднеством вечным...» – песня, которую Булат Окуджава посвятил Зое Крахмальниковой.

Недавно я наткнулся в Интернете на лекцию Дмитрия Быкова с разбором этой песни – «Прощание с новогодней елкой» (2). Он приходит к выводу, что скрытый ее смысл – реквием по Серебряному веку, прощание с праздником русской культуры. Быков утверждает, что

Зоя Крахмальникова. Москва, 1969 г.

песня написана «на смерть прекрасной женщины, чья судьба была одним сплошным крестным путем». Это — Анна Ахматова, скончавшаяся в марте 1966 года, когда и была создана песня. Быков не мог не знать, что песня имеет посвящение Зое Крахмальниковой, но даже не упомянул об этом факте. Однако, литературоведческий анализ, проведенный им, довольно убедителен. Текст действительно наполнен аллюзиями на Серебряный век и ахматовскими образами, спорить с этим сложно. Но вот что интересно. Окуджава посвятил Зое Крахмальниковой уже готовое произведение, она сама мне про это рассказывала. Сыграл ей песню и спросил: «Хочешь, я тебе ее посвящу?». И тогда событие это становится еще более примечательным. Посвящая «ахматовскую» песню Зое Крахмальниковой, Окуджава

как бы соединяет ее с Серебряным веком, связывает оборвавшуюся нить времен.

Возможно, он видел в ней образ Прекрасной Дамы Серебряного века. Отец Иосиф (Киперман) как-то называл Зою Александровну «пришелицей из легендарных времен Серебряного века». А может, по «обычному тайноведению поэтов», Окуджава прозревал ее собственный будущий крестный путь. Зоя Светова, дочь Зои Александровны, именно так и думает, считает песню пророческой (3).

Мне кажется, то время – конец 60-х, наступавшие 70-е – имело с Серебряным веком нечто общее. Драматические духовные и культурные поиски, спонтанное восхождение из тьмы безбожия, своего рода новое «богоискательство и богостроительство». Я был тогда студентом и хорошо помню эту атмосферу. Религия пребывала если не под запретом, то под строжайшим присмотром. Церковь превратилась в настоящую резервацию, православное гетто, отделенное от современной жизни жестко охраняемой оградой. Священникам не разрешалось проповедовать, духовной литературы не было, распространение Библии было запрещено. Однако то тут, то там самопроизвольно зарождались очаги культурного сопротивления фальши и бездуховности, бесчеловечности и несправедливости. Возникло диссидентское движение, в творческой среде появлялись яркие, харизматические личности, духовные лидеры и авторитеты, отдельные священники пытались выйти из-под контроля антихристианской власти.

Зоя Александровна находилась в гуще культурной жизни. Она была яркой, заметной личностью, необыкновенно красивой и умной. «Зеленоглазой красавицей»

назвал ее в своей книге Владимир Войнович, с которым они дружили семейно (4). Зоя Крахмальникова занималась интенсивным литературным и литературоведческим трудом, защитила диссертацию в Институте мировой литературы, работала старшим научным сотрудником в Институте философии, потом Институте социологии Академии наук, публиковалась в «Новом мире», «Знамени», «Литературной газете», в лучших журналах и газетах того времени.

На ее обращение к христианству определенное влияние оказал театральный режиссер, мистик и богослов Евгений Шифферс, притягивавший к себе многих в среде творческой интеллигенции, и священник Дмитрий Дудко, осмелившийся тогда читать проповеди и вести духовные беседы с прихожанами в своем храме на Преображенском кладбище.

Но это были лишь внешние толчки. Внутренняя работа шла давно. «Ответить на вопрос, как я пришла к Богу, очень трудно, потому что это – тайна. Вера – это “иное бытие”. Таинственное ощущение присутствия чего-то иного – оно пришло ко мне очень рано, в каких-то еще ранних снах, мыслях, встречах. Это чувство может промелькнуть и исчезнуть. А потом опять появиться. Моя вера началась с того, что я поняла, что смерти нет. Мне часто снилось, что все люди, которых я хоронила, живы... До того, как я уверовала, картина жизни была как плоская фанерная декорация. Когда уже взрослым человеком я пробудилась к настоящей жизни, я увидела небо – в себе. Только тем видением, которое почти невозможно определить на нашем языке» (5).

В 1971-м Зоя Крахмальникова приняла крещение. Ставшего на некоторое время ее духовным отцом

Дмитрия Дудко церковные власти вскоре запретили в служении «за нарушение церковной дисциплины», то есть за его проповеди и беседы. Потом разрешили, но сослали в подмосковный деревенский храм. А Зоя Александровну, прознав в конце концов о ее крещении, уволили с работы светские власти.

Надежда

«Надежды маленький оркестрик под управлением любви...». «Надежда, я останусь цел, не для меня земля сырая...». Надежда – один из главных лейтмотивов творчества Булата Окуджавы. «Надежда» была любимое словом и у Зои Александровны.

Она и сама никогда не расставалась с ней, и в других умела ее вселять. Бывало, окажешься у нее в гостях унылый, в растрепанных чувствах, нагруженный бременем неразрешимых своих проблем. Попьешь с ней чайку на кухне, – уходишь, как на крыльях, получив от немощного и уже очень старого, как тогда казалось, человека заряд бодрости и надежды. Как это происходило – загадка...

Потеряв работу, Зоя Крахмальникова начала работать на Бога. Сборник христианского чтения, который она принялась составлять и издавать, со всей страстью, литературным опытом и талантом вкладываясь в него, Зоя Александровна так и назвала – «Надежда».

За духовной поддержкой и благословением на свое дело она ездила в Латвию, в Спасо-Преображенскую пустынь под Елгавой, к старцу Тавриону (Батозскому). Зоя Александровна говорила, что она не встречала «ни одного священника, вера которого была бы так проста и чиста» (6).

Христианской литературы тогда не было вовсе, выжженная пустыня. Все под запретом. Но какими-то неведомыми путями к Зое Александровне стали стекаться ручейками письма репрессированных священников и иерархов из мест заключения, свидетельства новомучеников, святоотеческие творения. Публиковались в «Надежде» и ее собственные статьи. Одна из них называлась «Есть ли надежда у России?». Она потом будет фигурировать в ее деле и приговоре отдельной строкой.

«Надежду» тайно передавали из рук в руки. Машинописные сборники через некоторое время попали на Запад, и «самиздат» на тонких машинописных страничках стал превращаться в «тамиздат», в аккуратные малоформатные, желтые томики с хорошим дизайном. На обороте титула значилось: «“Надежда” собирает малоизвестные в России творения Св. Отцов, духовные наставления православных пастырей, свидетельства о жизни во Христе, истории обращения к вере, рассказывает о судьбах русских святых, подвижников, праведников, мучеников за веру, разрабатывает отдельные проблемы развития современной христианской культуры в России, публикует стихи, рассказы, воспоминания. Издание “Надежды” не может преследовать никаких целей коммерческого или политического характера. Составитель – Зоя Крахмальникова» (7).

Разумеется, любой «самиздат», деятельность «по изданию и распространению» – само по себе преступление. «Самиздат» на религиозную тему – тем более. Любая религиозная активность была вне закона. «Тамиздат» увеличивал опасность на порядок. Конечно, было страшно. Но Зоя Александровна не считала возможным

делать это дело анонимно или скрываться под псевдонимом.

В августе 1982 года ее арестовали.

Слушай, тюрьма!

Духовная канва того, что последовало дальше, описана в ее книге «Слушай, тюрьма! Лефортовские записки. Письма из ссылки». Впервые она была издана, когда еще СССР был жив, в 1990-м году, как «тамиздат», в далекой Австралии (8). Туда доходили сборники «Надежда», там Зою Александровну знали, молились за нее, когда она оказалась в тюрьме. В 1993-м, вскоре после нашего знакомства с ней, я был неожиданно приглашен на дизайнерскую конференцию в Мельбурн, и Зоя Александровна снабдила меня контактами и подарками для ее заочных австралийских друзей. Ее там безмерно уважали и почитали как праведницу и исповедницу веры...

После ареста Зоя Александровна провела в Лефортово, в собственной тюрьме КГБ, целый год. Целый год ее пытались сломать. В 1983-м состоялся, наконец, суд. В обвинительном заключении было записано: «Предварительным расследованием установлено, что Крахмальникова на протяжении 1975–1982 годов в целях подрыва и ослабления Советской власти проводила в Москве антисоветскую агитацию и пропаганду путем изготовления и размножения клеветнических, порочащих советский государственный и общественный строй материалов... Крахмальникова изготовила 10 выпусков сборника «Надежда». Наряду с религиозными текстами, она помещала в них клеветнические матери-

алы, представляющие историю становления и развития социалистического государства как период массовых гонений, пыток и издевательств над священниками и верующими за их религиозные убеждения, а также материалы, порочащие внутреннюю политику КПСС и Советского правительства, марксистско-ленинскую идеологию, многонациональную культуру и искусство... Она распространяла их на территории СССР, а также направила на Запад для их широкого использования антисоветскими и клерикальными организациями в проведении идеологических диверсий против нашей страны и формирования у западного читателя враждебного отношения к Советскому Союзу...» (9).

«Маленькие книжечки Христианского чтения, в которых собраны творения святых Отцов, учения о духовной жизни, молитве, смирении, любви, терпении скорбей, письма мучеников за веру, мои статьи о христианской культуре... Это – наваждение, мне кажется, что я слепну и глохну, может быть, это – сон? Возможно ли, чтобы благоговение перед Пресвятой Богородицей, предание Церкви, творения святых Отцов, христианская проповедь смирения и любви могли заинтересовать разведывательные управления иных миров и подорвать могучую державу? Зачем же этими маленькими книжечками с крошечным тиражом занимается эта огромная махина – Комитет государственной безопасности?» (10).

Следователь угрожал ей расстрелом за измену Родине, 12-ю годами лагеря за подрыв власти. «Обвинения в сотрудничестве с какими-то неизвестными мне даже по названиям организациями в целях подрыва власти звучат для меня как обвинения в сотрудничестве

Зоя Крахмальникова в ссылке в Усть-Коксе, 1983 г.

с инопланетянами. Я не понимаю этого абсурда, но это и хорошо. Мой обвинитель именно этого и ждет: чем абсурдней, тем страшней. Меня надо напугать, смять, уничтожить» (11).

«Это – недоразумение, – говорю я следователю, словно очнувшись от абсурда, от бреда, в который мы погружены не по нашей воле... Слезы растопили мое жесткое сердце, и мне жалко его. Слава Тебе, Господи! Мне, наконец, стало жалко своих обвинителей! И они – Твое создание» (12).

За нее боролись и молились не только в Австралии, во всем мире. Сразу после ареста Запад признал ее «узником совести». Возможно, благодаря всему этому, приговор суда был жесток, но не беспредельно: шесть лет лишения свободы. Год тюрьмы и пять лет ссылки.

«Чем сильнее ненависть к свидетелям Христа, чем бессмысленней причина гонений, чем свирепей гонения, тем крепче и непоколебимей вера... Я не знаю, как это случилось, но уже в первый день суда, я удивилась радости, наполнившей меня. Мои судьи свидетельствовали своей ненавистью о Боге, свидетельствовали, что Он истинен... “Радуйтесь! Господь победил мир”, – сказала я в последнем слове себе, своим родным, своим судьям» (13).

«Слушай, тюрьма! – кричу я у “решки” – Христос Воскресе!» (14).

Огонь

В Лефортофской тюрьме, в пяти пересылочных тюрьмах, в пяти годах ссылки в Алтайском крае огонь ее веры разгорался только сильнее.

– Тюрьма была для меня великой милостью. Тюрьма сделала меня свободной. Именно там я начала любить Бога по-настоящему, – признавалась Зоя Александровна (15).

Этот небесный огонь помог ей преодолеть, изжить, уничтожить навсегда собственный страх, даруя мужество, смелость, радость и внутреннее спокойствие. «Преблагословенный покой», как она любила говорить.

В тюрьме и ссылке Зоя Александровна прожила еще одну жизнь, вторую, вернее – третью. «Я стою у тюремного окна. Огонь уже вошел в меня. Каждая минута моего стояния вмещает в себя две мои жизни. Нет, три мои жизни: ту, долгую, до крещения, вторую жизнь – дорогу веры, дорогу к тюрьме, и третью – вот это стояние у тюремного окна» (16).

«Я стою у тюремного окна. Мне надо войти в огонь. Он уже пылает. Я боюсь. Страх не только проник в меня, он накрыл меня с головой. Я обессилена. Все, что осталось во мне, все силы брошены на то, чтобы спрятать страх... “Мы не будем пока трогать ваших родных”, – говорили мне. Всего лишь это. Или: “У нас в руках ваша записная книжка, и вы, если не назовете сами, кто, когда, зачем и где читал творения св. Отцов и духовных писателей, собранных в Христианском

чтении “Надежда”, вы развяжете нам руки”. Боже мой! Что они сделают с моими родными и друзьями, с моими детьми? Что значит “вы развяжете нам руки”?» (17).

«Я прикасаюсь к огню. Избежать этого нельзя. Он окружает меня. И чтобы выйти из него, я должна прежде всего войти в него. Если я сейчас, в этом времени, не войду в него, я знаю, что буду сжигаемая вечным огнем там, где нет времени» (18).

«Авраам должен был бросить своего сына в огонь. Он так любил Бога, что не мог Его послушаться» (19).

Слово «огонь» без конца повторяется на страницах ее книги. Она постигает, принимает, переживает всем своим существом библейскую мудрость и евангельскую весть. «Я собираю огонь, он очень важен для меня, каждое упоминание в Библии об огне обращено ко мне. Я оказалась лицом к лицу с этой реальностью, сейчас или никогда я должна выбросить все это опошленное ложью “христианство”, навязанное мне князем мира сего» (20). По мере вхождения в огонь Священного Писания, Бог открывается ей все больше, укрепляя и преображая ее. «Кто близ Меня, тот близ огня» (21).

«Христос пришел низвести огонь на землю, огонь веры, огонь, которым очистится всякий принявший Его» (22).

«Человечество опошлило христианство, “исключив” из него огонь» (23).

«На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь. Езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда», – пел ей Булат Окуджава. Он прислал ей в ссылку огромные вязаные варежки. На известной фотографии Зои Александровны в Усть-Коксе, месте отбывания наказания, она как раз в них...

«Огонь» – модное меткое словечко из нынешнего сленга. Так объясняется сегодня молодежь, выражая свое восхищение и одобрение. В конце 90-х годов неожиданно для себя самого я занялся дизайнерским образованием. При Московском художественном училище прикладного искусства возникла Высшая академическая школа графического дизайна. Зоя Александровна прониклась не просто вниманием, а деятельной заботой и участием в этом деле. Чтобы поддержать меня, она составила курс «Основы духовной культуры». Я спросил недавно выпускников того набора, помнят ли они ее двадцать лет спустя? «Как это можно забыть? – ответили они. – Это же огонь!».

Света Катаргина, одна из бывших студенток, добавила: «Яркая светлая личность! Интеллигентная, спокойная, красивая. Но за внешней мягкостью чувствовался очень сильный характер. Тогда мы ничего не знали о ее судьбе. Только гораздо позже поняли, что не случайно Вы пригласили именно ее вести этот курс. Мы к таким темам были не готовы, но внимали ее лекциям, рассуждениям на темы, о которых до этого не было времени задуматься».

*Зоя Крахмальникова
в ссылке в Усть-Коксе,
1983 г.*

Горькие плоды сладкого плена

Отец Дмитрий Дудко, просвещавший в 70-е множество людей, ищущих Бога, в январе 1980 года был арестован. Несколько месяцев, проведенных в Лефортовской тюрьме, сломали его. Накануне Московской олимпиады он выступил по телевидению, в программе «Время» на первом канале, с покаянием перед безбожной властью. Потом написал статью, злорадно распространявшуюся всеми средствами советской массовой информации. Отступничество и лжесвидетельство отца Дмитрия потрясло тогда весь мир.

Оказавшись в той же тюрьме, Зоя Александровна мучительно пытается понять, как это могло случиться, что заставило отца Дмитрия пойти на предательство себя, друзей и Бога. «“Ты не был там!” – крикнул [отец Дмитрий Дудко] первому из духовных чад своих, осмелившемуся упрекнуть его во лжи. Теперь я там, где был он. Я пройду его дорогой, теми же коридорами и с теми же конвоирами. Я должна понять его, простить его, помочь ему»... (24).

Я вспоминаю рассказ одного друга, который я услышал значительно позже, про своего одиннадцатилетнего сына, который однажды задумчиво произнес:

– Вы знаете, а я бы хотел встретиться с Сатаной.

Православные родители в ужасе остолбенели...

– Я бы подошел бы к нему, – продолжил ребенок, – обнял его и сказал ему одно слово...

– Какое же?! – спросили они, замерев.

– Вернись!!!

Спустившись в лефортовский ад, Зоя Александровна во время долгих, изнурительных допросов, на которые

ее вызывали из камеры по три раза в день, с такой же детской непосредственностью проповедует Христа. Кому? Не самому Сатане – его верным слугам, следователям КГБ по особо важным делам.

А отец Дмитрий Дудко выступил на ее суде в качестве свидетеля. Вернее, лжесвидетеля. «На нем были облачение и крест, когда он пришел на мой суд. У нас были общие коридоры и общие конвоиры. Проходя по нашим коридорам, я жалела его, больного, старого, просидевшего уже один срок еще до рукоположения. ...Он ничего не читал, не видел, не знал, хотя два эпизода из семи, приведенных в обвинительном заключении (потом, естественно, и в приговоре), были связаны с ним. Меня судили за то, что я подписала письмо в его защиту и подарила его книгу своему сыну. Облачение, которое ему вернули, и крест не помешали ему лжесвидетельствовать. «Обвиняемая, у вас есть вопросы к свидетелю?» – «Нет, у меня нет вопросов». Нам запрещено судиться друг с другом у неверных... Нас ждет другой суд» (25).

Еще трижды в своей книге Зоя Александровна повторяет на разные лады: «Это не подлежит человеческому суду, потому что это подлежит Суду Бога» (26).

Она боится осудить человека, тем более священника. Тем более – первосвященников Русской Православной Церкви. Но ясное видение исторического пути Церкви и ее нынешнего состояния приводит Зою Александровну к грозным как гром выводам: «На протяжении нескольких десятилетий наши иерархи, в том числе и патриархи, лжесвидетельствовали... Тело Христово не может быть разорвано, оно распинается вместе с его Главой, если же оно уходит от креста, значит, это уже не Церковь Христова» (27).

«Мир, в котором удержалась Русская Православная Церковь, стал для нее убежищем, и чтобы сохраниться, ей надо было принять условия мира. Так решил митрополит Сергей (Страгородский), ставший по разрешению Сталина первым советским патриархом. Вместе с ним декларацию 1927 года о «симфонии» со сталинизмом подписали несколько епископов. В средние века Церковь спасалась от мира в пустыне. Теперь было решено остаться в мире, приняв его условия» (28).

«Господь сказал: И на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. Следовательно, если врата ада одолели Церковь, то это уже не Церковь, а вид ее, ибо и сатана принимает вид Ангела света. Эта тема слишком горька, в ней не может прозвучать ни единой осуждающей ноты. Это наша вина, наша беда, это наша вторая смерть, если мы не откажемся от лжи, ибо Суд начинается с Дома Божия, с Церкви» (29).

Ее определения чеканны и остры. Иногда казалось, что чересчур. Как-то я спросил отца Иосифа (Кипермана), не слишком ли Зоя Александровна резка в своих оценках? Он ответил: «Но кто-то же должен был сказать это именно так, отчетливо и твердо».

Мы – не Церковь, мы должны стать Церковью

Тюрьма и ссылка не только укрепили веру Зои Александровны, превратив ее сердце в неопалимую купину. Еще одним плодом этого горького плена стало и обновление чувства Церкви Христовой, давшего глубокое понимание и ясное видение ее судьбы, места и роли в истории, вечности, современной жизни. «Мы пришли ко Христу уже взрослыми людьми... Мы пришли в

Церковь в ту пору, которую назвали религиозным возрождением. В интеллигенции возник впервые за долгие годы интерес к Церкви» (30).

Не за годы – за десятилетия. Почти как в самом начале двадцатого столетия, в Серебряном веке. Интеллигенция, пришедшая в 70-е годы в Церковь, в Русскую Православную Церковь, веруя в нее как в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую, по большей части не была причастна к церковной традиции, почти полностью уничтоженной. Ей все пришлось открывать для себя заново, обращаясь к Евангелию, святоотеческим писаниям и церковному преданию, а, главное, к Первоисточнику. «Мы пришли в Церковь, потому что так было угодно Ему...» (31). Это было твердое убеждение Зои Александровны.

После выхода на свободу Зоя Александровна написала несколько статей и книг, отчетливо и твердо формулировавших выводы о нынешнем состоянии Русской Православной Церкви.

Блаженнейший митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Виталий, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, написал в 1988 году в предисловии к статье «Горькие плоды сладкого плена»: «Провозглашенная Горбачевым “гласность” вернула Зое Александровне Крахмальниковой свободу. Но для этой русской православной женщины, смиренной подвижницы и кроткой исповедницы, свобода имеет единственный смысл, единственную цель, – проповедовать Слово Божие, которое огнем горит в ее сердце, не может вместиться в ее душе и рвется наружу. ...Это даже совсем не статья, это некий манифест, выражающий соборные чувства и мысли лучших русских верующих людей. Слова ее сильные, правдивые и честные,

слова, обжигающие совесть, в какой-то степени героические в наше лихое время. Лик Зои в нашем духовном взоре сливается с ликами древних первохристианских исповедниц, величественно и одиноко стоявших пред сильными века сего; ибо Московская патриархия, облекшись в тогу политическую, стала силой века сего. Но Зоя не одинока, за ней стоит Христос» (32).

Сама же Зоя Александровна считала, что она не отвечает на проклятые вопросы, ее долг – ставить их. «Каков же духовный смысл беспримерных гонений, переживаемых христианством XX века? Что за урок дан Господом человечеству и для чего? В чем промыслительный смысл его и какие плоды принесла и должна еще принести кровавая жатва XX века? Для меня было бы постыдной дерзостью пытаться ответить на эти вопросы. В России раньше говорили, да и теперь повторяют: важно поставить вопрос. Ответ на него будет дан тогда, когда наступят для этого сроки» (33).

«Где Дух Господень – там свобода. Там, где Церковь уступает миру, там она утрачивает свою свободу, ибо она есть столп и утверждение Истины и призвана утверждать в сем мире Истину» (34). Зоя Александровна искала остатки или ростки этого духа в разных конфессиях и ветвях христианского древа – и у ортодоксальных «зарубежников», и в новейших церковных инициативах, вроде Апостольской Православной Церкви, в которой состоял отец Глеб Якунин, с которым она дружила.

«В Церкви правота остается не за теми, кто выживает путем компромисса с совестью, а за теми, кто идет по стопам Христа» (35) – вот был ее главный критерий.

Несколько раз Зоя Александровна была на Святой Земле. В последний ее приезд отец Иосиф (Киперман),

который в то время оказался там, познакомил Зою Александровну с католическим монахом отцом Даниэлем Руфайзенем, создавшим в Израиле уникальную христианскую общину, стремившимся к возрождению первохристианской Церкви, к возвращению к апостольской традиции здесь, в непосредственном ощущении ее местных корней.

«Твердый дух отца Даниэля, его детская чистота, обаяние его личности, его святая душа произвели колоссальное впечатление на Зою Александровну. И в этом они были с Зоей Александровной как родные брат и сестра» – вспоминал об этом отец Иосиф (Киперман) (36).

Грех антисемитизма

Бесстрашно и твердо Зоя Александровна выступала и против «разорителей и разрушителей России, объявляющих себя “патриотами” и пытающихся выдать идеи национал-большевизма и антисемитизма за христианские ценности». В 1994 году она составила и опубликовала сборник статей «Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм» (37).

«Книга задумана как христианская альтернатива угрозе русского фашизма, которая может обрести форму не изжитого Россией тоталитаризма, на сей раз оснащенная агрессивной националистической идеей», – пишет Зоя Александровна во введении, словно заглядывая на 25 лет вперед (38).

Она говорит о «трагической опасности религиозных представлений и чувствований, ведущих не к завещанной Богом человечеству любви, а к ненависти» (39), и как всегда ставит вопрос ребром: «Виновно ли христи-

анство как общность людей, исповедующих веру в Христа, и каждый отдельный христианин в том, что в центре европейской христианской цивилизации произошло злодеяние грандиозного масштаба: убийство шести миллионов ни в чем не повинных людей, среди которых более полутора миллионов детей» (40).

В историческом разделе она собрала прекрасные, редкие статьи, посвященные религиозной судьбе России и Израиля: Георгия Федотова «О национальном покаянии», Владимира Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» и отца Сергея Булгакова «Гонения на Израиль». В современном разделе «Христианство после Освенцима и ГУЛАГа» – статьи шести авторов, среди которых и она сама – с обширными «заметками» о крушении Третьего Рима «Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет». Книга как бы продолжила ее сборники «Надежда», только напечатана она была не «тамиздатом», издательством «Посев», а в Москве, в издательстве «Наука».

Скверна греха антисемитизма, поразившая все христианство, должна быть изжита покаянием. «Изменяя себя, человек изменяет мир, – пишет она в своей статье. – Очищая себя от скверны, он очищает мир. Если мир не очищается покаянием, Бог очищает его огнем».

Каждое слово самой Зои Александровны – огонь. «Антисемитизм есть сугубый грех. Он внушен сатанинской ненавистью не только к народу, который Бог назвал избранным, но и к Самому Богу. Этот грех люциферический, грех зависти и гордости... Антисемитизм – крест не только для гонимых. Он опасен для гонителей. Это – риск. Так рисковал Фараон, который вступил в поединок с Богом, пожелавшим вывести

Свой народ из египетского рабства... Израиль избран Богом для исхода из рабства... Путь человечества из рабства начинается в Египте и будет длиться до конца этого мира. Антисемитизм есть “комплекс Фараона”, ожесточение сердца против Израиля, избранного Богом»... (41).

Совершенно неожиданно для меня Булат Окуджава занял в этих записках заметное место, вот и в связи с этой темой всплывает одно из воспоминаний Зои Александровны о нем. «Окуджава был шутником», – говорила она. Он любил подшучивать над собой и никогда не обижался, если кто-либо подшучивал над ним. Самоирония не умолкала в нем. Но однажды я увидела его плачущим. В то лето, как обычно, я жила в переделкинском Доме творчества, и, как обычно, Булат или его жена Ольга приезжали за мной и везли меня к ним на дачу. В тот день мы оказались с ним вдвоем в его кабинете. Я вспомнила, что как раз в это время должен быть показан по телевидению фильм «Список Шиндлера». Булат включил телевизор. В тот вечер мы ни о чем не говорили, мы сидели в полутемной комнате, смотрели фильм и плакали...

Ваш монастырь – Россия

В храме Космы и Дамиана Зою Александровну Крахмальникову отпевали как Зою. Но тайное стало явным – в гробу она лежала в монашеском облачении. Давно уже, за двадцать лет до этого, она приняла тайный постриг. Я об этом узнал только перед самой ее смертью, когда Зоя Александровна неожиданно попросила молиться за нее как за монахиню Екатерину...

В ее комнате всегда стоял церковный аналой с Евангелием, псалтырью или молитвословом. Почему-то это не казалось странным. Иконы в углу были самые обычные. Выглядело это все не нарочито, а довольно просто и органично.

Она уходила сравнительно долго. Так тогда казалось. Теперь – что слишком быстро. Все время, когда я ее знал, у Зои Александровны болели ноги. Тюрьма и мерзлые годы ссылки не прошли бесследно для здоровья. Потом ей стало невмоготу ходить, она слегла. Подоспели другие напасти. Тогда вдоль постели, на стене и на диванной доске, был устроен иконостас из нескольких маленьких иконок, чтобы можно было молиться лежа.

Чем для нее было это тайное монашество, можно немного понять из ее книги «Русская идея матери Марии», которая вышла в свет в 1997 году (42). Она посвящена «праведнице, явившей новый вид русской святости» (43), матери Марии (Скобцовой), судьба которой – еще одна ниточка в Серебряный век.

Я листал эту небольшую, прекрасно оформленную и хорошо напечатанную, книжечку, которую Зоя Александровна мне подарила, и чуть ни на каждой странице видел, как близки автору мысли и чувства матери Марии. Начиная с этого признания: «Теперь мне ясно, что христианство или огонь или его нет» (44).

А вот Зоя Александровна пишет как будто о своей «Надежде»: «Мать Мария отказывается от “уставного” монашества и выбирает свой путь. И не оставляет творчества: стихи и статьи, где собраны ценнейшие мысли, прозрения, важные для нее цитаты известных богословов, ссылки на Святых Отцов Церкви, помогающие начать свое служение Богу и миру. Мир,

который она воспринимает как свой монастырь» (45).

Мать Мария «мучалась Россией», как и Зоя Александровна – всю свою жизнь. «Мать Мария считала, что наступило время, когда мир является для монаха монастырем. И слова, написанные когда-то Николаем Гоголем: “Ваш монастырь – Россия”, стали пророческими» (46).

«Мать Мария, это видно из ее статей, – пишет Зоя Александровна, – бесспорно, обладала тем даром, который она обозначила как “пророческое слово”. Все, что она пишет о церковной свободе, имеет непосредственное отношение к “церковной несвободе” в России ленинско-сталинского периода, оставившего тяжелейшие духовные, нравственные, социальные и политические последствия в постперестроечном времени. Времени, характерном устойчивым реваншизмом в любых сферах жизни» (47).

Надежда – это оптика, позволявшая Зое Александровне разглядеть ее везде: «Образ России как оснащенного и гибнущего корабля, завершивший в 1936 году очерк об Александре Блоке, словно бы присутствуя в других статьях и стихах матери Марии, постепенно дополняется и обогащается надеждой. Надеждой на то, что корабль может быть спасен» (48). И внутренняя брань, которая ведется в сердце независимо от внешних условий, – одно из главных средств этого спасения. «...В лагерях и тюрьмах советского ГУЛАГа исповедники веры уходили в сердечные пустыни». И в них «не прекращалась и сейчас не прекращается духовная борьба» (49). Тайная молитва за Россию, несомненно, творилась в сердцах и матери Марии и... матери Екатерины.

Истина и Жизнь

Меня все время поражало, как Зоя Александровна вникала во все мои дела, даже сугубо профессиональные, дизайнерские. Специально для меня она написала статью в журнал «Союз дизайнеров», где я был главным редактором, которая называлась «Духовный смысл дизайна» (50). Потом ее напечатала «Литературная газета».

Зоя Александровна раскрывала смысл дизайнерской деятельности как дар и поручение Творца по освоению пространства мира в формах, противостоящих серости и пошлости. «Российский мир открылся дизайну, духу творчества жизни. Дизайн – дитя света и цвета, дитя устройства и красоты. Потому он так быстро развивается в последние годы, словно хочет наверстать утраченную жажду жизни и гармонии», – писала она. А заканчивалась статья опять-таки надеждой: «Россия слишком консервативна. Всегда была такой. Большевики же “заморозили” ее на долгие годы. Следует, однако, надеяться, что дизайн поможет разморозить ее, меняя дух, стиль и пейзаж нашей жизни» (51).

В 1994 году Зоя Александровна привела меня в качестве дизайнера в христианский журнал «Истина и Жизнь». Учредителем и главным редактором его был католический священник отец Александр Хмельницкий, монах-доминиканец. Редакция состояла, в основном, из православных, духовных чад отца Александра Меня. В редакционный совет «Истины и Жизни» входили – Екатерина Гениева, Леонид Василенко, Тамара Жирмунская, Петр Сахаров, Наталья Трауберг, отец Георгий Чистяков, Ирина Языкова и другие. На пятнадцать лет

этот ежемесячный журнал стал для меня очень важным и дорогим делом.

К 60-летию главного редактора в 2002 году мы сделали специальный поздравительный номер, тиражом один экземпляр. Зоя Александровна в статье «Низкий поклон» написала в нем: «Журнал “Истина и Жизнь” появился тогда, когда еще была свежа память о годах и десятилетиях страшных религиозных преследований, да они к тому времени толком и не прекратились. В этих условиях решиться начать выпуск независимого христианского журнала – это был настоящий подвиг. Подвиг священника. Мы, авторы журнала, обязаны ему за возможность выразить нашу веру, нашу надежду на то, что Россия возродится со Христом» (52).

Регулярные публикации Зои Александровны в журнале во многом определяли его лицо. Она писала об открытом и бесстрашном исповедании веры, которого ждет от нас Христос. О тайне Гефсимании как тайне божественной любви (53). О пьянстве как грехе, ведущем к смерти, убивающем реальность, которая наследует Царство Небесное – образ Божий в человеке (54). Об исповедниках и праведниках потаенной Церкви России (55). О композиторе Николае Каретникове (56), художнице Лидии Шульгиной (57) и многих других людях искусства, близких ей по духу.

О поэте Владимире Корнилове она написала, что он «был человеком нежным и суровым одновременно. Так случается с людьми, обостренно чувствующими ложь и бегущими прочь от нее. Он обладал особым зрением, рождающим чувство постоянного “гражданского беспокойства”, потаенной нежности и тревоги – не за себя, за другого». (58). Зоя Александровна видела это в других потому, что сама была точно такой же, нежной

и строгой одновременно. И сама обладала таким же «особым зрением».

И вот опять об Окуджаве. «Творчество Окуджавы вместило в себя сострадание и любовь, чувство человеческой общности, жажду Истины и ненависть ко злу, лжи, корысти. ...Он тайно предан Богу и тем ценностям, которые лежат в основании христианства... В обществе, в котором были уничтожены пророки и священники, должны были явиться утешители» (59).

Статья о монахине в миру Елене (Каземирчак-Полонской) называлась «Особый подвиг». Такой была и ее собственная жизнь – особым подвигом (60).

«Он был Божиим человеком, – писала она об отце Сергии Булгакове, философе Серебряного века, одном из деятелей движения богоискательства. – Так издавна называли людей, обладающих чувством Бога и чувством Церкви. Что же это за чувства? Вера? Не только, веруют многие, но чувство Бога, ощущение Его всеприсутствия обретают избранные, те, кого Христос называет “солью земли”» (61). Безусловна, она тоже принадлежала к ним.

Я благодарен отцу Иосифу (Киперману) и Богу за то, что и в моей судьбе была эта встреча, ясно показавшая, что и в наше смутное время можно, не страшась, идти путем Истины и Жизни. Путем веры, надежды и любви. Веры в Бога, надежды на Господа, любви ко Христу.

*Москва
Апрель 2019*

Библиографические ссылки

- (1). Зоя Крахмальникова. Монологи о любви. – М., 2000. – ISBN 5-239-01993-2. (ББК 84.Р7-4 К78).
- (2). Дмитрий Быков. Окуджава. «Прощание с новогодней ёлкой» // Просветительский проект об истории культуры Arzamas / Русская литература XX века. Сезон 5. – 2017. – Код доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cHi9REw1LUM>
- (3). Наследница по прямой. Зоя Светова // Радио «Свобода» / Культ личности. – 2017, 25 марта. – Код доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vaPBR9Tzrp0>
- (4). Владимир Войнович. Автопортрет: Роман моей жизни. – М.: Эксмо, 2011.
- (5). Наталия Мазо. Дело Зои Крахмальниковой // Истина и Жизнь, 1999, № 9. – С. 4.
- (6). Зоя Крахмальникова. Монологи о любви. – С. 4.
- (7). Надежда. Христианское Чтение. / Составитель Зоя Крахмальникова / Выпуски сборника распространялись с 1976 года в «самиздате», затем в «тамиздате». Издательство «Посев» (Possev-Verlag), Франкфурт-на-Майне. Обложка работы художника Адама Русака. После выхода 10-го выпуска составитель был арестован. Во время отбывания наказания Зоей Крахмальниковой анонимно вышло еще три сборника – № 11, 12 и 13, на обороте титула которых значилось «Собрано и составлено верующими в СССР».
- (8). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – Томастаун: Издательство Братства «Православное дело» в Австралии, 1990. – ISBN 0-646-01908-2.
- (9). Зоя Светова. 36 лет спустя. Чем похожи дела православной диссидентки Крахмальниковой и ростовской активистки Шевченко // Эхо Москвы / Блог Зои Световой. –

- 2019, 11 февраля. – Код доступа: https://echo.msk.ru/blog/zoia_svetova/2368971-echo/
- (10). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 23.
 - (11). Там же.
 - (12). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 33.
 - (13). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 61.
 - (14). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 67.
 - (15). Наталия Мазо. Дело Зои Крахмальниковой. – С. 10.
 - (16). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 18.
 - (17). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 17.
 - (18). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 14.
 - (19). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 18.
 - (20). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 14.
 - (21). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 93.
 - (22). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 14.
 - (23). Там же.
 - (24). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 20.
 - (25). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 21.
 - (26). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 43, 48.
 - (27). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 43.
 - (28). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 41.
 - (29). Там же.
 - (30). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 38.
 - (31). Там же.
 - (32). Митрополит Виталий. [Предисловие] // З. А. Крахмальникова. Горькие плоды сладкого плена. – Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1989. – С. 5–6.
 - (33). З. А. Крахмальникова. Горькие плоды сладкого плена. – Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1989. – С. 8.
 - (34). Зоя Крахмальникова. Слушай, тюрьма! – С. 43.
 - (35). З. А. Крахмальникова. Горькие плоды сладкого плена. – С. 11.
 - (36). Иеромонах Иосиф (Киперман). Благословенные встречи // Истина и Жизнь, 2008, № 2. – С. 9.

-
- (37). Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. Сборник статей / Сост. З. А. Крахмальникова. – М.: Наука, «Восточная литература», 1994. – ISBN 5-02-017835-7.
- (38). Русская идея и евреи – С. 3.
- (39). Русская идея и евреи – С. 4.
- (40). Там же.
- (41). Русская идея и евреи – С. 184.
- (42). Русская идея матери Марии. – Ульдинген: Стефанус, 1997. – ISBN 3-922816-84-3.
- (43). Русская идея матери Марии. – С. 2.
- (44). Русская идея матери Марии. – С. 11.
- (45). Русская идея матери Марии. – С. 31.
- (46). Русская идея матери Марии. – С. 39.
- (47). Русская идея матери Марии. – С. 67.
- (48). Русская идея матери Марии. – С. 57.
- (49). Русская идея матери Марии. – С. 50–51.
- (50). Зоя Крахмальникова. Духовный смысл дизайна // Союз дизайнеров, 1998, № 3 – С. 10.
- (51). Там же.
- (52). Истина и Жизнь, 2002, специальный номер. – С. 16.
- (53). Истина и Жизнь, 1996, № 8.
- (54). Истина и Жизнь, 1996, № 10.
- (55). Истина и Жизнь, 1997, № 12–1998, № 1.
- (56). Истина и Жизнь, 1996, № 5.
- (57). Истина и Жизнь, 2002, № 7–8.
- (58). Истина и Жизнь, 2002, № 6. – С. 45.
- (59). Истина и Жизнь, 1999, № 1 2. – С. 6.
- (60). Истина и Жизнь, 2002, № 10.
- (61). Истина и Жизнь, 2001, № 12. – С. 20.

«Я ВЕЛ СЕБЯ В ТЮРЬМЕ КАК СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Беседа с Александром Огородниковым

Александр родился в г. Чистополь Татарской АССР 27 марта 1950 г. Дед – комиссар, революционер, арестованный белочехами и казненный на «барже смерти». Отец, Иоиль Максимович, участник Великой Отечественной войны, директор мебельной фабрики. Мать, Маргарита Емельяновна, ворошиловский стрелок, учитель.

1951 г. – рождение младшего брата Бориса (1951–1988), ставшего монахом Псково-Печерского монастыря (иеромонах Рафаил), погибшего при загадочных обстоятельствах.

Александр проходит путь от марксизма к христианству:

В 1967 году после окончания школы поступил на Уральский часовой завод токарем, возглавлял комсомольскую дружину, активно боровиющуюся с хулиганами, за порядок в городе. В 1970 году поступил на философский факультет Уральского государственного университета в Свердловске. За создание «свободомыслящего» кружка, за критику ленинской концепции материи был отчислен из университета и исключен из комсомола.

В 1971 году поступил во ВГИК на сценарно-киноведческий факультет. В это время Огородников сближается с хиппи, ездит по стране автостопом. Весной 1973 г. Огородникова исключают из института, под давлением КГБ, за попытку снять фильм о духовных исканиях молодёжи («Jesus People»), фальсифицируя академическую задолженность. Исключение Огородникова – в знак

протеста – вызвало акции студентов ВГИКа. После заключения из ВГИКа работает грузчиком, сторожем, дворником.

В 1973 году Александр осознает себя верующим, впервые причащается в православной церкви. Знакомится с Красновым-Левитиным, отцом Александром Менем, отцом Дмитрием Дудко, митрополитом Антонием (Блумом).

В 1974 году совместно с Владимиром Порешем организовал религиозно-философский кружок «Христианский семинар», на котором изучали богословие и христианскую философию. Участниками семинара были около 30 человек, позднее 4 участника семинара стали священниками, 2 – диаконами, один стал религиоведом. Не реже одного раза в месяц члены семинара съезжались из разных городов на свои собрания. Семинар не был оформлен в виде организации, Огородников был харизматическим, а не формальным лидером. Привлёк к чтению лекций Льва Регельсона, автора труда «Трагедия Русской Церкви».

Александр отправил письмо во Всемирный Совет Церквей о гонениях на христиан в СССР, прозвучавшее по всем Западным радиостанциям.

С группой единомышленников (Владимир Пореш и другие) в 1976 начал выпускать самиздатский журнал «Община». Первый номер журнала был изъят у Огородникова из-под матраца, когда он находился в больнице. Все 7 экземпляров второго номера изъяти 21 мая 1978 года во время обыска. Журнал открывала статья самого Огородникова «Истоки и надежды», ключевая мысль которой была:

«Грозные судьбоносные события, обрушившиеся на нашу Россию, вызвали насильственное уничтожение

христианской культуры и общественной жизни, христианских основ и привели к пробуждению самых низменных инстинктов. Страшное моральное разложение народа, пьянство, волна дикого уголовно-хулиганского террора, залившего страхом ночные улицы российских городов, – итог социалистических экспериментов. <...> Мы хотим излить на этих страницах нашу боль, и дать образ нашего мучительного пути, пути молодого человека от марксистской идеологии и безответственности атеизма на паперть Храма Божия».

Узник совести:

23 ноября 1978 г. – арестован и осужден за тунеядство по ст. 209 УК РСФСР на 1 год лагерей общего режима. Этап в Комсомольск-на-Амуре. Столыпинский вагон, хабаровская тюрьма. ИТК-7 г. Комсомольск-на-Амуре. Зона уголовников.

7 участников семинара лишились свободы, включая А. Огородникова, В. Пореша (ставшего редактором третьего номера журнала после ареста Александра), Л. Регельсона. Единственным, кто покался, не выдержав давления следствия, был Регельсон.

Через год, в 1979 – Огородников отправлен в Ленинград, где в тюрьме в день предполагаемого освобождения был арестован по ст. 70 (антисоветская агитация), осужден на 6 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. 1979–85 – срок в политзоне «Пермь-36», объявлял голодовки за право иметь Библию и в защиту прав заключенных.

1985 – осужден по ст. 180 УК РСФСР на 3 года по обвинению в оказании сопротивления лагерной администрации, а фактически – за голодовки.

После освобождения:

12 февраля 1987 — освобожден Указом Президиума Верховного Совета СССР о помиловании. 16 мая 1987 г. Огородников был приглашен на завтрак во Французское посольство в Москве, где передал премьер-министру Франции Жаку Жираку список узников за веру с просьбой об их освобождении (в том числе, Зои Крахмальниковой и Феликса Светова, которые и были освобождены, благодаря этому 29 июня 1987 г.).

Летом 1987 года Огородников начинает выпускать на трех языках самиздатский «Бюллетень христианской общественности», цель которого информировать читателей о религиозных событиях в стране, рассматривать религиозные проблемы без отрыва от социальных и политических проблем.

18 ноября 1988 младший брат Александра иеромонах Рафаил погибает в автокатастрофе.

Христианско-демократический союз России:

В августе 1989 года организовал Христианско-демократический союз России (ХДСР) и в сентябре 1989 года на II конференции ХДС России стал его председателем. Осенью 1989 года ХДС России был принят в члены Интернационала христианской демократии.

После прекращения в 1990 году издания «Бюллетеня христианской общественности» стал редактором газеты «Вестник христианской демократии». В 1989–1992 годах выступал в парламентах Великобритании, Австрии, Бельгии, Нидерландов, Мальты, США, Франции, Гватемалы, Италии, Каталонии и на ряде международных конгрессов с докладами о положении верующих в СССР.

Наталия Большакова-Минченко: Расскажи, пожалуйста, как ты обрел веру. Насколько это изменило твою жизнь?

Александр Огородников: Началось все весной 1973 года, когда появился фильм Паоло Пазолини «Евангелие от Матфея». Великий фильм! В нем, кроме актеров, играют люди, которых режиссер просто нашел на улице. Я потом был даже на месте его убийства в Италии. Я Пазолини очень почитаю, потому что этот фильм меня буквально перевернул, помог мне осознать и почувствовать, что Бог есть, – Пазолини мне Его показал, и я принял живую личность Иисуса Христа.

Н. Б.-М.: А это было до или после чтения Евангелия?

А. О.: Чтение Евангелия было буквально за несколько минут до этого. Я ехал в электричке в Белые Столбы на ВГИКовский закрытый просмотр этого фильма и читал Евангелие от Матфея. Успел прочитать только несколько глав.

Н. Б.-М.: И семинар к тому времени уже стал формироваться?

А. О.: Он уже существовал, но это были встречи стихийные, встречи братьев, ради поиска смысла жизни молодежи контркультуры, если так можно сказать, – попытка понять, как нам жить, ради чего, каким путем идти. Мы приближались к христианству. И тут я встретил Сандра Ригу¹. У него было нечто, похожее на общину, и мы даже с этой общиной встречались, были у них на молитвенных собраниях.

Я тогда много путешествовал по России, и мой брат Борис ездил со мной. Это было первое наше спонтанное миссионерство: мы встречались в общежитиях с молодежью, уже к лету 1973 года у нас сложился опре-

¹ См. Сандр Рига – поэт и апостол единства. Языкова Ирина. С. 68–92 настоящего издания.

*Александр Огородников во время беседы.
Москва, 25 января 2019 г.*

деленный круг людей, с которыми мы стали проводить что-то вроде *agap*.

Нам было очень важно понять, что значит «быть христианином». Встречаясь, мы проводили общие трапезы, куда приглашали наших друзей и обсуждали с ними вопросы веры. Тогда мы не были церковными, мы были стихийными православными.

И на наших семинарских встречах мы начинали осознавать, что недостаточно говорить: «Аллилуйя, аллилуйя», что нет глубины в нашей вере, и постепенно, мы, сами того не осознавая, шли к Церкви. Но по-настоящему войти в Церковь мне лично было трудно. Многое было непонятно, многое отчуждало, и в Церкви, и во мне – образование, атеистическое воспитание.

Я долго не мог найти храм, решиться причаститься; не мог перекреститься в храме, рука наливалась такой свинцовой тяжестью, ничего не мог с собой поделать. Хотя был крещеным с детства, бабушка тайно от родителей это сделала, – папа мой был местной номенклатурой.

И вдруг однажды я проснулся ранним утром и пошел в храм, сам не знаю, почему, и даже не позавтракал... Самое удивительно, что храм был полон, хотя это был обычный рабочий день, и там было много интеллигенции, хотя в советское время это было чревато последствиями... Но что меня еще поразило, – что на лицах людей было написано, что они обладают некоей тайной, словно они что-то понимают и знают, чего не знаю я. Шла литургия. Случайно я оказался перед солеей. Служил какой-то, как мне тогда показалось, в мои 23 года, – старичок, и оттого, как он служил, у меня потекли слезы, и я не мог их остановить. «Старичок» произнес проповедь, потом вышел с Чашей, и люди – их было не так много – пошли к причастию. Это была первая литургия в моей жизни. Я ничего не знал тогда: ни смысла причащения, ни того, что необходимо исповедоваться перед этим. Я только понял, что это – главное таинство. И неведомая сила властно потянула меня к причастию, и я подошел к Чаше последним. «Старичок» посмотрел мне в глаза, а у меня возникло ощущение, что он заглянул прямо в мою душу и понял обо мне все – кто я, что я, со всеми моими грехами и надеждами, бедами и радостями, я был абсолютно обнажён перед ним...

Н. Б.-М.: Так он причастил тебя?

А. О.: Да, причастил, и, как мне показалось, с каким-то особым тщанием. Я получил первое причастие на зимнего Николу.

Н. Б.-М.: Девятнадцатого декабря.

А. О.: Да. Девятнадцатое декабря 1973 года – день моего вхождения в Церковь.

Н. Б.-М.: А кто же причастил тебя?

А. О.: Потом я узнал, что это был митрополит Антоний Сурожский.

Н. Б.-М.: Да... «Старичку» в ту пору было 58 лет.

И после причастия, вхождения в Православную Церковь, начался, видимо, твой духовный путь?..

А. О.: Да, путь постижения веры, углубления. Я познакомился с Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным², и он в январе 1974 года привез меня к отцу Александру Меню, для которого это была очень значимая рекомендация, и мы сразу говорили с ним откровенно, обо всем.

Я рассказал отцу Александру, что есть группа людей, составляющих семинар, которые периодически съезжаются из разных городов: Смоленска, Питера, Вильнюса, Киева, Москвы – ради поиска пути к Истине, к Богу; хотят понять, как жить по вере, а «не по лжи», как быть христианином в наши дни.

Обращаясь к отцу Александру Меню, я хотел, чтобы наше движение получило более определенное направление и серьезное содержание. Речь у нас шла о подпольной духовной семинарии. Отец Александр очень поддерживал эту идею, познакомил с некоторыми людьми,

² Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991) – русский писатель, публицист, участник диссидентского движения в СССР, узник совести. (*Прим. ред.*)

мы стали строить планы, обсуждать детально, и тут отец Александр высказал опасение, что все это может дойти до ГБ, потому что у него в приходе, конечно, есть «стукачи»...

Н. Б.-М.: Но вы продолжали встречаться с отцом Александром?

А. О.: Да, он сделал для меня список литературы, которую нужно было прочесть (из того, что можно было достать), но, по мере того, как семинар наш активно развивался, и мы уже попали в поле зрения КГБ, я понял, что своими посещениями ставлю под угрозу отца Александра и его общину, что не имею на это права, хотя, он хотел, чтобы я приезжал к нему на литургию; присылал ко мне своего алтарника Владимира. Но я старался не особенно мелькать у него, зная, что за мной уже было ГБ. Иногда я привозил к отцу Александру тех, кто нуждался в нем, и кто мог быть полезен ему в его работе. Например, приезжает человек из Оксфорда, который пишет диссертацию по трудам отца Сергия Булгакова, я его – туда... И отец Александр тоже присылал к нам на семинар людей, порой, очень неожиданных, – так у нас с ним – причем, мы не сговаривались, сложился такой, что ли, «обмен».

Помню нашу встречу с отцом Александром незадолго до моего ареста, мы были с ним вдвоём, и он сказал мне примерно следующее: «Александр, вы делаете очень важную работу!» – «Какую?» – «Вы своим таким атакующим миссионерством, как бы, отвоевываете позицию, застолбляете территорию, раздвигаете горизонты нашей подневольной свободы. На вашем фоне наша деятельность и менее видна, и менее опасна для них». Я не ручаюсь за точность слов (все-таки, это было со-

рок лет назад), но смысл им сказанного – точный, что «наша деятельность более невинна»...

Н. Б.-М.: Говоря «наша» – отец Александр кого имел в виду? Вообще церковную или его подполье?

А. О.: Он говорил, конечно, о его подполье.

Вообще, благодаря тому, что я открыл для себя существование подпольной, потаенной христианской России, я понял, что Церковь – это не просто институт, это – Тело Господне, Тело Христово. Когда отец Иоанн (Крестьянкин) стал моим духовным отцом, я уже понимал, что в Православной Церкви, кроме патриарха есть, возможно, невидимая, но более знаковая фигура – старец. Когда я понял, что мне надо рассказать отцу Иоанну о семинаре, взять у него благословение, я был в сомнениях, в терзаниях: а вдруг он скажет, что это не церковное дело и прочее... Что же тогда мне делать?! Я ж не смогу все прекратить, оставить людей, которых я призвал на этот путь, сказав, что мой духовный отец не благословляет такую деятельность... Я был в очень больших сомнениях, стоит ли говорить ему или нет. Все-таки решил сказать. И я был поражен, как он это принял, с какой живостью поддержал! Какие точные слова сказал! И вообще он мне никогда не говорил: «Вот этого нельзя делать!» и так далее... Я даже удивлялся этому, пока не понял, что отец Иоанн действовал не словами, а молитвой направлял мои мысли, намерения в нужное русло. И каждая встреча с ним давала столько радости, возникало ощущение, что ты находишься в озере любви, – так тебя обхаживают, так счастливы твоим приездом. Это было блаженное состояние.

Н. Б.-М.: Эти удивительные люди, невероятные встречи – с владыкой Антонием Сурожским, отцом

Александром Менем, отцом Иоанном (Крестьянкиным) – учитывая, что все происходит в СССР в 70-е годы XX века, в эпоху «застоя», жестокой борьбы с инакомыслящими, преследований за веру – были даны тебе, словно аванс на будущее, для укрепления твоего духовного иммунитета. Для того, чтобы хватило сил достойно выдержать ожидавшие тебя тяжкие испытания, не потерять человеческое достоинство в условиях смертельной опасности, не сломаться, остаться самим собой среди адской реальности лагеря.

А. О.: Да! Я получил столько подарков, столько уроков! И вот еще была у меня поразительная встреча у вас в Латвии, в Пустыньке...

Н. Б.-М.: ...с отцом Таврионом (Батозским)?..

А. О.: Я о нем много слышал, но не ехал туда, потому что Печерские монахи негативно были к нему настроены. Не то, чтобы враждебно, но считали, что его практика ежедневной Евхаристии и причащения, – мягко сказать, – не совсем верная. Отношение к отцу Тавриону было сдержанное, настороженное.

Н. Б.-М.: Да, это мы знаем.

А. О.: Но я много слышал о нем положительных отзывов от разных людей, которые у него бывали. И я поехал к нему, мне было самому интересно понять, насколько слухи могут подтвердиться или нет...

Был я на литургии у отца Тавриона, там я многое понял. И потом пошел, и встал в конце огромной очереди к нему в домик. Хотя и вопросов у меня к нему, как будто, не было. Прошло, наверно, минут двадцать-тридцать, я стою в конце очереди, и вдруг открывается дверь, и он меня зовет. Я иду в домик, где он принимал народ, он посмотрел на меня и сказал: «Давай помолимся». Я просто

молчал, а он начал молиться, своими словами. И во время этой молитвы возникло ощущение живого Бога... А потом он меня очень смутил – повернулся ко мне и поклонился земным поклоном.

Н. Б.-М.: Так вы с отцом Таврионом ни о чем не говорили?

А. О.: Нет! Потом он встал, вручил мне значительную сумму денег, я сопротивлялся, говорил: «Батюшка, не надо!». Но он сжал мою руку, сказал, что это его благословение, – тут уж не откажешься. Потом мы простились, и когда он меня благословил, я все понял...

Н. Б.-М.: ...что он поклонился твоим будущим страданиям...

А. О.: Я понял, что надо готовиться к аресту.

Н. Б.-М.: В каком году ты был у отца Тавриона?

А. О.: Это было лето 1977 года.

Н. Б.-М.: Ты успел вовремя... В ноябре 1977 года у отца Тавриона обнаружили рак пищевода, Пустыньку он не покидал и умер в своей келье 13 августа 1978 года.

А. О.: Да, я знаю. Когда отец Таврион умер, я был еще на свободе, меня арестовали в ноябре.

Но я еще тогда, в 77-м понял, что был у святого человека.

Н. Б.-М.: Как ты это понял?

А. О.: Как только я ушел от него и уехал из монастыря, сразу начались такие искушения, такие нападения! Поле святости, распространяемое им и на других, тут же ощущалось темными силами, и они набрасывались на тебя, невозможно было скрыться...

Н. Б.-М.: Даже приближения к святости мир не прощает, а за встречу со святым требует расплаты...

В те годы появляются новые виды репрессий: помимо «традиционного» заключения в тюрьмы и лагеря, стали применять такой жуткий вид наказания, как принудительное лечение в психиатрических больницах, где и срока заключения не было – «до полного выздоровления», а по сути, до полного исчезновения, уничтожения личности человека. И самое страшное в этом виде наказания – его полная бесконтрольность.

То, что Сандр Рига, приговоренный к бессрочному принудительному лечению в больнице закрытого типа, спасся, это – чудо Божие!

А. О.: Мы долго терпели гонения на нас, но когда Сашу Аргентова посадили в «психушку» за веру, тут я уже не выдержал!

Н. Б.-М.: Что же ты сделал?

А. О.: Я выступил с письмом-обращением президенту Всемирного Совета Церквей доктору Филиппу Поттеру.

Н. Б.-М.: Невероятно, что оно дошло до Поттера!

А. О.: Тем более, что вице-президентом ВСЦ был митрополит Никодим (Ротов), который должен был своей большой властью там блокировать все письма, которые шли из Советского Союза и из стран Восточной Европы. Я не знаю, как, но мое открытое письмо доктору Поттеру попало именно к нему, и, как пишут в романах, однажды я проснулся знаменитым.

Н. Б.-М.: Письмо обнародовали?

А. О.: Его процитировали все крупные мировые газеты и «голоса». Я писал, что в СССР появилось молодежное христианское движение «Возрождение», что, несмотря на гонения, в Церковь пришло новое поколение. Я связал наше движение с новомучениками, сказал,

что слова Тертуллиана «кровь мучеников – семя Церкви» подтверждаются тем, что мы проросли на их крови, крови российских новомучеников. Когда это звучало по всем «голосам», это было как выстрел из пушки! И, конечно, я описывал реакцию властей, ГБшников. Представь себе, какой был шок, когда диктор поставленным голосом читает по радио: «...Мы в 20-х – 30-х годах всех попов, всех церковников расстреляли, – откуда же вы, гниды, вылезли? Но вам тоже туда дорога!».

Н. Б.-М.: Это что, из твоего письма?

А. О.: Да! В КГБ так и говорили, я только цитирую их прямую речь.

Н. Б.-М.: Откуда возник этот дух свободы? Кто «научил» тебя любить свободу в несвободной стране, где все сделано, чтобы все забыли, что такое свобода?..

А. О.: Мы не поддавались страху. Мы раздвигали рамки «дозволенной» свободы, утверждали свободу своим поведением, и все это было очень органично при нашем духе солидарности, братства, любви. И сам дух свободы, он был в нашей деятельности.

Н. Б.-М.: «К свободе призваны, вы, братья!», – как писал апостол Павел.

А. О.: Ну, да, когда мы стали верующими, то осознали колоссальную ответственность за все, что происходит в мире, – как чада Божии, как Его соработники. Он доверил нам, дал нам власть и силу, и мы ответственные, прежде всего, перед Ним за то, что происходит здесь и сейчас.

Н. Б.-М.: И вы попали, кажется, в самую точку, своими действиями отвечая на запросы современной молодежи...

А. О.: Мы, как бы, определяли характер и дух вот этой молодежи контркультуры. Многие из тех, что станут очень известными, станут лидерами и не только в музыкальном мире, – были с нами. Создатель рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич был участником нашего семинара, многие из группы «Аквариум» Бориса Гребенщикова тоже были в нашем семинаре. Мы стали неким собирающим центром...

Н. Б.-М.: В те годы, невзирая на тайные и явные преследования, многие из молодых пробуждаются, отказываются лгать и пытаются жить согласно своей совести, своей вере. На это время пришёлся и расцвет диссидентского движения, боровшегося за права человека, соблюдение существующих законов. Его участники старались предать гласности каждое увольнение с работы и каждый арест.

А. О.: И я бы хотел подчеркнуть, что мы всерьёз приняли призыв Александра Исаевича «Жить не по лжи!». Мы сделали его своим, многие просто уходили из университетов, отказывались от карьеры, избирали жизнь менее социально значимую, но нравственно более честную.

Н. Б.-М.: А ты сам тогда был дворником?

А. О.: Да, я официально работал дворником, и, кстати, это была самая любимая моя работа.

Н. Б.-М.: Армия вахтеров, дворников, истопников распространялась по всей стране. Хочется привести здесь строки Солженицына, отражающие мысли и надежды многих людей:

«Потому что каждодневная ложь у нас – не прихоть развратных натур, а форма существования, условие повседневного благополучия всякого человека. Ложь у нас

включена в государственную систему как важнейшая сцепка ее, миллиарды скрепляющих крючочков, на каждого приходится десяток не один.

Именно поэтому нам так гнетуще жить. Но именно поэтому нам так естественно и распрямиться! Когда давят безо лжи – для освобождения нужны меры политические. Когда же запустили в нас когти лжи – это уже не политика! Это вторжение в нравственный мир человека, и распрямление наше – отказаться лгать – тоже не есть политика, но возврат своего человеческого достоинства. [...]

Что значит – не лгать? Это еще не значит – вслух и громко проповедовать правду (страшно!). Это не значит даже – вполголоса бормотать то, что думаешь. Это значит только: не говорить того, чего не думаешь, но уж: ни шепотом, ни голосом, ни поднятием руки, ни опусканием шара, ни поддельной улыбкой, ни присутствием, ни вставанием, ни аплодисментами»³.

А. О.: А быть верующим в советское время, это, конечно, в полную меру осуществлять принцип «жить не по лжи». Как правило, верующие тоже пополняли армию дворников и сторожей, потому что их исключали из институтов, увольняли с работы, исключали из партии, вычеркивали из очереди на квартиру и так далее.

Ведь верующий человек своей внутренней жизнью, тем, что он «не от мира сего», а от какого-то другого мира, – он непредсказуем, опасен, он – угроза могучей империи. Вот, например, моя первая исповедь длилась всю ночь, и, выходя после нее из кельи, я чувствовал себя так, словно потерял земное притяжение. Ну, что

³ *Солженицын Александр. Образованщина. // Из-под глыб. Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 256–257.*

от такого человека можно ожидать, что с ним можно сделать?!

Н. Б.-М.: Вот они и хотели от тебя избавиться мирно, благородно, предложив тебе добровольно покинуть Советский Союз.

А. О.: Но мы не хотели эмигрировать, хотели здесь созидать достойную жизнь. Это была наша общая позиция. Я так и сказал в КГБ: «Почему я должен уезжать из моей страны? Это вы здесь оккупанты, вы и уезжайте отсюда!» На это они пообещали сгноить такого неговорчивого верующего в лагере.

Н. Б.-М.: Так ты подошел к времени своего исповедничества...

А. О.: Наступило время отвечать за свои слова, подтверждать свою веру в Бога делами и, хотя бы малыми, жертвами.

А ведь меня арестовали первого, и уже спустя год начались аресты участников семинара, и отца Глеба Якунина арестовали в 1979 году. А год еще давали, чтобы опомнились все.

Н. Б.-М.: Твоим арестом словно включили для остальных красный свет: Stop! Стоять! Но не помогло...

А. О.: Знаешь, только оказавшись в заключении, я понял, что тюрьма – это очень разные вещи. Для кого-то тюрьма может быть просто плохим советским домом отдыха. Все зависит от твоего поведения на зоне. Если ты был готов идти на компромиссы, власть охотно откликалась и создавала тебе очень хорошие условия.

А я... Понимаешь, я вел себя в тюрьме как свободный человек. Порядок был таков: если в камеру входит «мент» какой-нибудь, дежурный и так далее, заключенный должен встать, назвать свою фамилию, статью,

срок и все прочее. Я, конечно, никогда этого не делал. Боле того, если я стоял на коленях и молился, то, кто бы ни приходил, – я не вставал, не прекращал молитву.

Н. Б.-М.: И как они реагировали?

А. О.: Бесились!

Н. Б.-М.: То есть в них бесы вселялись...

А. О.: Да, уж! Мне заливали камеру водой, закидывали в нее нечистоты. Приходилось стоять на столбике, иногда очень долго стоял.

Н. Б.-М.: Столбик?..

А. О.: Бетонный столбик, это, как бы, сиденье. Все сделано так, чтобы ты не мог сидеть. Это на стуле можно сидеть, а на бетонном столбике – попробуйте, посидите! Нар ведь тоже не было днем. Все было сделано против человека – чтобы помучить, унижить, сломать...

Н. Б.-М.: Ты в этих условиях еще и голодовки объявлял...

А. О.: Когда я стал готовиться к аресту, я пытался голодать, понимая, что в заключении голодовка – один из немногих методов борьбы. Так вот у меня не получалось, я так хотел есть, что и дня не мог проголодать. Я был о себе очень низкого мнения. Потом, неожиданно для меня, оказалось, что я стал чемпионом по голодовкам (смеется).

А с момента ареста я начал голодать. И был поражен, как это оказалось легко и даже сладко!

Н. Б.-М.: Конечно, с Божьей помощью...

А. О.: Конечно! Любая, самая маленькая жертва с твоей стороны, она так окупается – сторицей! Та благодать, откровение, уроки, которые я получал в тюрьме, не сопоставимы с тем, что получаю на воле. То ли сердце там было таким очищенным, – настолько сильно все

воспринималось, даже физически ощутимо, пластически даже, как бы кожей чувствовал.

А когда я был голоден, и страх меня одолевал, то мне рисовался такой евангельский образ: семь коробов, собранных апостолами с хлебами, – что они про них забывают, оставляют хлеба, а я подбираю эти остатки и ем. Как благодатный хлеб!

Н. Б.-М.: Большую часть времени, проведенного в заключении, ты отбывал в карцерах...

А. О.: Карцер – это бетонный мешок, где нары раскладываются только на ночь. Нары – не деревянные, а из железа, чтобы тебе было холодно. И когда в карцер сажают, то снимают с тебя робу зэковскую и одевают специальную, карцерную. Она очень тонкая, чтобы еще холоднее было. А места, где я сидел, – северные: Полярный Урал, Сибирь. В крохотной камере нет ничего – голод и холод, в день дают (если не голодаешь) триста граммов хлеба, по сто граммов утром, в обед и вечером, и все. Если постучать в окошечко, попросить, – дадут и воды попить. А на следующий день хлеба дают меньше, по пониженной норме. То есть это была пытка голодом. Если посадить здорового сильного парня в карцер на 15 суток, он выйдет, шатаясь по стенке, это проверено.

Н. Б.-М.: А за что тебя так жестоко наказывали – карцером?

А. О.: Поводы были разные: вступился за зэка, или, например, за молитву «Отче наш» 15 суток мне всегда давали. За другие молитвы по десять давали.

Н. Б.-М.: То есть, как за молитву?..

А. О.: Кто-то меня просил: «Александр, напиши молитву “Отче наш”». Потом ее изымают и все: это

Огородников – и 15 суток, не глядя! Если какую-то другую молитву напишу, и ее обнаружат, то дают десять суток.

Н. Б.-М.: Получается, что удельный вес молитвы Господней был выше...

А. О.: Но в карцере такие откровения посещали меня: часто бывало, что вижу себя в тайге; у косогора стоит ряд людей, которых сейчас будут расстреливать (за веру), и взвод, который будет расстреливать, наготове уже, и я бегу, чтобы успеть добежать, встать среди этих людей и быть расстрелянным, получить пулю вместе с ними. У меня это было постоянно...

Но в наше время уже не расстреливали, хотя один из таких палачей приходил ко мне, – рассказывал, мучился, каялся.

Как сказал очень четко один полковник: «Раньше вас мочили, а мы будем сушить!». То есть «мочить» – это убивать. А «сушить» – выжать из тебя все, высушить так, что, если ты и выйдешь из заключения, чтобы уже ни на что не был способен, на лекарствах только и держался, и тихо сошел на нет...

Н. Б.-М.: А Библию, конечно, у тебя отобрали?

А. О.: За право иметь Библию я и объявлял голодовки. Они манипулировали, использовали Библию, как рычаг, – после долгой борьбы давали мне ее, а если что-то им не нравилось, и я не шел на уступки, ее отбирали. Тактика у них такая была. И я вынужден был голодать за Библию, и более ста дней как-то голодал.

Н. Б.-М.: Более ста дней?..

А. О.: Всего голодовок за почти девять лет, которые я отсидел, года на два наберется.

Н. Б.-М.: Ощущал ли ты благословение Божье на все это сопротивление, которое могло стоить тебе жизни?

А. О.: Да! Иначе я бы не мог ничего. С первого дня в тюрьме, когда заключенные захотели снять с меня дорогой пиджак, я сказал: «Мир вам, братья! Вас, отверженных всем миром, все равно любит Бог», – и начал молиться. И мы молились стоя, и я вдруг (спиной) почувствовал, как меняется атмосфера вокруг. К концу молитвы в камере стояла благоговейная тишина. Тогда я понял, как должен вести себя в тюрьме. В этом была воля Божья.

А начальство бесило, что я вел себя как власть имеющий. Они говорили, что физически могут поставить меня на колени, но им надо, чтобы я сам встал на колени. И поэтому часть срока я сидел в очень тяжелых уголовных зонах. Но я спокойно входил в камеру, где были воры в законе. За все годы при мне не было ни одного случая насилия. Не то, чтобы я вмешивался, нет, просто не было такого. Вообще зэки относились ко мне с большим уважением. Авторитет был колоссальный, для них, если ты верующий, – то все, ты для них как бы свят.

Н. Б.-М.: Подобное свидетельство осталось от католического священника из Литвы, отца Станислава Добровольскиса, почти 10 лет отсидевшего в ГУЛАГе, с 1946 по 1956 годы. Он говорил, что для него это счастье – пострадать за Иисуса Христа, что в лагере его вера была сильна, что было так отрадno служить Мессу в бараке в полночь, после рабочего дня, когда все спали, что это было счастливое время. Отец Станислав говорил, что за 10 лет при нем никто не выразился плохим словом; никто ни разу не сказал ему «ты»; что заключенные давали ему капусту, и у него сохранились все зубы. На вопрос, боялся ли он чего-нибудь в лагере,

отец Станислав ответил, что боялся только одного: прогневить Бога.

А то, что тебя, как ты говорил, всегда на Пасху сажали в карцер, в этом, наверно, тоже был какой-то урок для заключенных?

А. О.: Да, уроки шли постоянно, причем, не только для тех, кто составлял мою общинку христианскую, но и для начальства, – порой, для них очень жесткими были уроки.

Приведу пример того, что произошло, когда я находился в лагере для особо опасных государственных преступников ВС – 389/36⁴. Однажды вечером, в Великую Субботу меня вызывают на вахту, и начальник лагеря подполковник Журавков сидит и читает мне постановление о заключении меня в карцер на 15 суток. И я, неожиданно для себя, не думая, говорю ему: «Меня поражает, откуда у вас такая смелость и дерзость. Я, допустим, смердящий пес, но вы же понимаете, что, поднимая руку на меня, особенно на Пасху, вы поднимаете руку на самого Господа. Хоть я и смердящий пес, но я Его смердящий пес – Господа Бога моего. Я поражаюсь вашей дерзости. Бог поругаем не бывает!». Я выпаливаю это на одном дыхании.

Н. Б.-М.: А начальник что?..

А. О.: «Опять ты со своей пропагандой, Огородников! Добавим тебе еще 15 суток!» Меня уводят в

⁴ В Пермском крае находится музей истории политических репрессий. Он расположен непосредственно на территории бывшего лагеря для политзаключенных ВС – 389/36, прозванный диссидентами и правозащитниками «Пермь-36» (по последним цифрам), который просуществовал до 1988 года. С 1996 года этот лагерь стал Музеем истории политических репрессий «Пермь-36». (Прим. ред.)

карцер, я остаюсь один, молюсь, и такая благодать охватила меня, такая пасхальная радость наполнила, какую на воле я обычно не переживаю. Ночь прошла и утро такое радостное у меня, а днем прапорщик открывает дверь и говорит: «Александр, что ты сделал с Журавковым?» – «А что я сделал?..» – «Через час после того, как вы с ним разговаривали, у него был приступ, он даже домой не дошел, для него вертолет вызвали, – а это же Пермская область, – отправили куда-то вертолетом, потом – в Москву, в клинику, желчь у него пошла, он не жилец...». Он умер. Я продолжаю сидеть в карцере; его привезли хоронить, и гроб везут мимо нашей тюрьмы.

И это был не единственный такой случай. Подобное происходило, когда они творили зло против нас на Пасху.

Н. Б.-М.: Поистине, Бог поругаем не бывает!

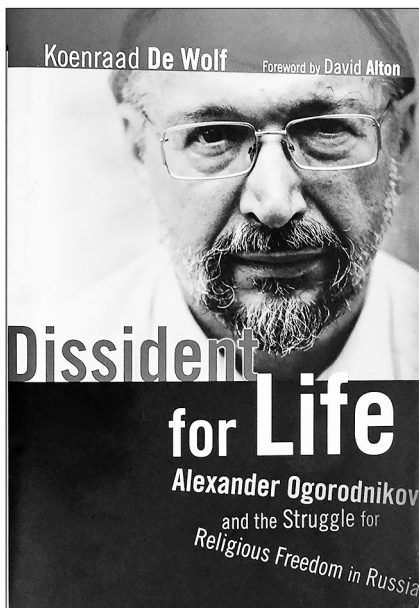
А. О.: Как сказал мне в 1992 году человек, представившийся возглавляющим исследовательский институт внутри КГБ, который занимается разработкой методов борьбы с инакомыслящими, – так вот он сказал, что в 70-80-е годы «только два человека вели себя совершенно бескомпромиссно в заключении – это вы и Буковский. С Буковским нам было легче – он исходил из ненависти к нам, и был нам понятен. С вами было сложнее – приходилось менять вашу охрану, потому что они ничего не могли с вами сделать. И холод, и голод, и карцер, и срок увеличивают вам, а вы ходите и улыбаетесь, блаженный какой-то! Это очень смущало, разлагало охрану. И потом эти случаи смерти, необъяснимые, таинственные... очень трудно было нам с вами, Александр Иоильевич, хотя я знаю о вас больше, чем вы сами о себе...».

Н. Б.-М.: А где это было?

А. О.: Этот разговор происходил после официальной части в КГБ России, когда вскрыли архивы, и были приглашены многие известные политические деятели, и я почему-то, и где мне публично вручили часть изъятых у меня при обысках материалов.

Н. Б.-М.: Как же им понять, что ты не сломался, не погиб, не замерз, потому что тебя спасала вера и Божья любовь, согревала молитва?!

А. О.: То, что молитва ко Христу согревала реально, физически, это точно! И было ощущение Его присутствия, и не только тепло проливалось на тебя, а в сердце наступал такой мир, такой благодатный покой и было чувство, что внутри тебя открывается как бы такой сокровенный источник, он журчит и наполняет тебя. Источник, который открывается у тебя в сердце и становится так тепло... И ты не чувствуешь, что ты в камере, стены раздвигаются, ты их даже не видишь...

Обложка книги бельгийского историка Конрада де Вольфа «Пожизненный диссидент. Александр Огородников и борьба за религиозную свободу в России». (Первое издание — 2010 г.)

Н. Б.-М.: Поразителен твой опыт переживания реальности Божьего присутствия, Царства Небесного – в средоточии зла, греха!

А. О.: Там человек от невыносимости и безвыходности может, потеряв всякую надежду, дойти до отчаяния. Мне удалось многих спасти от самоубийств, – когда человек бьется головой о стенку, пытаюсь разбить голову, надо успеть вовремя его схватить, держать, пока он не успокоится. Ведь если человек не верует, не может молиться, ему так тяжело, и бессмысленно все...

Н. Б.-М.: Как веру не утратить в этом аду, веру в присутствие Бога в этом мире?! Доверие к Нему, ощущение, что Он есть, что Он живой, что не покинет – всегда оно было у тебя? Ведь тебе трижды продлевали срок заключения...

А. О.: Да, это было всегда! Что оставил меня – не помню такого, хотя допускаю, что могло быть в какие-то моменты, но четко такого в памяти не осталось. Если ты имеешь в виду ощущение богооставленности – его не было. Я все время чувствовал Его защиту, Его заботу, словно Он говорил мне, что раз я за Него страдаю, то получу сторицей за все... Иногда я вел себя в камере, как обиженный ребенок, и тут же получал утешение, какой-то знак от Господа. Знак любви! Мгновенно!

Н. Б.-М.: В ответ на твою верность и любовь к Нему!

И ведь, находясь в лагере, ты не знал, какая мощная кампания была развернута в мире в твою защиту.

А. О.: Не знал, конечно! И что по всему миру огромное количество христиан молилось обо мне!

Н. Б.-М.: Вот сила, неподвластная могущественному КГБ! А Дик Робертс, англичанин, объявивший публичную голодовку за твое освобождение! А огромное

количество подписей, — только во Франции в твою записку было собрано несколько сотен тысяч!

А. О.: Ив Аман в Париже говорил мне, что подписей было так много, что в больших коробках их везли на двух машинах, и специальная делегация присутствовала в советском посольстве при передаче этого огромного количества подписей.

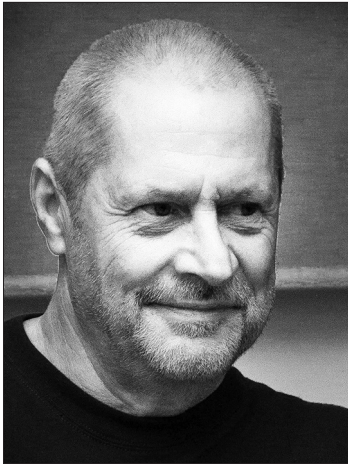
Н. Б.-М.: И американский президент Рональд Рейган в 1986 году лично передал Михаилу Горбачеву список из 12-ти человек, которых необходимо освободить. Среди них была и твоя фамилия.

А. О.: Я даже не предполагал, что они могут обо мне знать!

Н. Б.-М.: Только Бог мог соединить такое количество людей во всем мире в едином стремлении, — в этом тоже чудо Его милосердия, свидетельство Его присутствия в мире.

*Москва,
25 января 2019*

САНДР РИГА – ПОЭТ И АПОСТОЛ ЕДИНСТВА

Сандр Рига. 18.09.2009
(Фото Сергея
Бессмертного)

...Помню, в конце 70-х стоим мы – несколько девочек и Сандр – на платформе, собираясь ехать куда-то за город, что-то горячо обсуждаем, как всегда. Проходит мимо старушка и головой качает: «Ай-ай-ай! Ангелы земные искушают батюшку». Мы посмотрели на нее и все разом засмеялись. А старушка пошла прочь, сокрушаясь о падении нравов.

Да, Сандра порой принимали то за священника, то

за иностранного актера, потому что он сильно отличался от среднестатистического советского человека, от человека толпы. И это было видно за версту: длинные волосы, небольшая бородка... а еще прибавьте к этому мягкий латышский акцент, неторопливую речь, вежливое внимание к собеседнику... В нем была какая-то тайна. Все это привлекало к нему людей, особенно молодых. Он поражал своим кругозором, свободным образом мыслей, свободой суждений. Вообще – свободой. Мы все ощущали, что он гораздо более свободный человек, чем все мы, о свободе только мечтавшие. Это

проявлялось даже в том, как выглядела его комната (а жил он в коммуналке), где мебели было минимум минимум: стол, шкаф, топчан и пара табуреток. И эта свобода от быта, от лишних вещей тоже поражала. Для советского человека, который в годы брежневского застоя наконец-то начал жить, как тогда казалось, достойно, по-человечески, выбравшись из бараков и подвалов, накапливая предметы бытового уюта и мечтая о буржуазных благах, такой аскетизм был даже не понятен. Некоторые люди всерьез считали, что эта комната – что-то вроде мастерской, ведь Сандр был художником, а сам он живет где-то в другом месте, в нормальной квартире со всеми удобствами. И очень удивлялись, узнавая, что это не так.

Удивляло и само имя – Сандр: вроде сокращенное от Александр, но как-то не так, как у нас принято.

*Сандр в своей комнате в Рижском проезде в Москве.
6 августа 1993 г. (Фото Сергея Бессмертного)*

Необычной казалась и фамилия Рига – псевдоним, взятый им еще в 16 лет и ставший фамилией.

Так кто он? По образованию художник, по складу характера – философ, мыслитель, поэт. И главное в нем была – не экзотика, не внешние отличия, а то, что он был убежден в своей миссии – быть апостолом единства христиан.

Родился Сандр Рига (Александр Ротберг) в 1939 году в Риге, в латышско-польской семье: родня со стороны отца была православной, и крестили его в православной церкви, а мама – католичка. Отца репрессировали, мама воспитывала Сандра одна, и он ходил с ней в Католическую церковь. Так что с раннего детства он знал обе христианские традиции, и обе были ему дороги. К сожалению, детскую веру Сандр не сохранил, так часто бывает: дети верующих родителей отходят от церкви в подростковый период. А вернуться к вере Сандру помогли протестанты. Он тогда уже жил в Москве, куда его привела любовь, но женившись, вскоре развелся, и его накрыл тяжелейший духовный кризис. Сандру было тридцать, это тот возраст, когда человек осознает себя как сложившуюся личность. А тут, как ему казалось, – все разрушено. И Сандр понял, что жизнь без Бога теряет смысл. Тогда он решил, что нужно что-то менять, – Бог от него ждет решительного шага. Первая мысль: хорошо бы достать Библию. А достать Библию на рубеже 60–70-х гг. было все равно что достать камень с обратной стороны Луны. Ни в каких магазинах Библия не продавалась, и в храмах ее тоже не было. Тогда Сандр попросил, чтобы Бог совершил чудо – послал ему Библию. И буквально на следующий день, когда он зашел в баптистский молитвенный дом, к нему

подходит незнакомый человек и говорит: «Брат, тебе нужна Библия?». Это был ответ Бога на его поиски и молитвы.

Он стал читать Библию и открыл Христа – живого, любящего, близкого. Очень хотелось этим поделиться с кем-то, найти единомышленников, поговорить с ними о вере, о сомнениях, о том, как жить дальше. Были мысли примкнуть к какой-нибудь общине. Но к какой? Сандр заходил в тот или иной храм, присматривался, как живут христиане. Все они, в принципе, говорили одно: «Бог есть любовь» – слышал он у протестантов, то же и в православном храме, и в католическом. Но возникал вопрос: почему же тогда христиане живут во вражде друг с другом, считают тех, кто верит иначе, еретиками. А мир при этом живет без Бога, тонет во лжи, разврате, пьянстве, безверии, бессмысленности. И тут же пришел ответ: христиане должны примириться, прекратить эти вековые бесплодные споры, единство христиан – вот залог спасения мира. Ведь так и молился Спаситель накануне Своей смерти: «да будут все едино: как ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе [...] – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17:21). И Сандр стал собирать общину единомышленников, молодых людей, которые равнодушны к истине, которых беспокоит нынешнее положение вещей. Название пришло само: «Экумена» – от греч. «вселенная, обитаемый мир» – это не часть, а целое, потому мы живем на одной планете, и Бог един, и один Спаситель у нас – Христос, как и апостол пишет: «один Господь, *одна вера, одно крещение, Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас*» (Еф 4:5-6). Конечно, Сандр был далек от мысли сделать всех одинаковыми, прекрасно понимая, что все

люди разные, каждый уникален и неповторим, так сотворил их Бог, и Он хочет, чтобы каждый раскрылся во всей красоте своей личности. Но как соединить эти уникальности, где ключ к единству? И тут помогли слова Блаженного Августина: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, и во всем – любовь». Это универсальный христианский принцип.

У Сандра было много знакомых хиппи, они были творческие, равнодушные, любили свободу, размышляли о любви, не хотели жить жизнью советских обывателей. Это было первое поле, куда упали семена его проповеди. После нашумевшей рок-оперы Ллойда Вебера «Иисус Христос – супер-звезда» имя Христа среди хиппи было даже популярно. Некоторые считали Иисуса первым хиппи. Многие хотели креститься, носили кресты на шее или вышивали на своей одежде. Конечно, Сандра очень беспокоило, что в среде хиппи имели хождение наркотики, и это губило молодых людей. И он решил, что проповедь жизни по Евангелию даст спасительных выход для них, поможет раскрыть то истинное, что было в этих неформалах и освободит их от зависимости. Его призыв был услышан. Можно сказать, что основу первой общины Сандра составили хиппи. Но не только.

На проповедь единства откликнулись и некоторые молодые протестанты. Это были совсем другие люди даже внешне: в своих строгих костюмах и застегнутых на все пуговицы рубашках, неизменно с Библией в руках, они были прямым контрастом хиппи, длинноволосых, в самострочных джинсах, пестрых майках. Были среди первых экуменов католики и православные, и те, кто еще не определился конфессионально, но готов был

отправится на поиски Истины. Здесь были художники, поэты, философы, студенты. Состав довольно пестрый, но это тоже было своего рода школой единства: принять «другого» как брата, при том, что он – абсолютно на тебя не похож, он – другой, но вас соединяет Христос, и это главное.

Первая община собралась в 1971 году. Стали встречаться по домам, молиться о единстве, читать Писание, размышлять над ним. И сразу возникла идея – издавать философско-богословский журнал. Конечно, неформальный, самиздатский, через который новая община смогла бы нести идеи единства. Название тоже родилось сразу: «Призыв» – это и проповедь, призыв людей придти ко Христу, и призвание, и зов. Многозначное название. И девиз появился: «Милость и истина», как в Псалме: «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются. Истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес» (Пс 84:11-12). В истории христианства было немало святых, которые несли милость, и было немало тех, кто отстаивал истину, но так бывает трудно соединить эти качества. Однако именно их соединение помогает достичь главного: единства учеников Христовых.

«Мы можем объединяться в общины, но мы раз и навсегда отказываемся от раскольниковского обособления, признавая раздробленность Вселенской Церкви лишь как внешнюю необходимость при стремлении к внутреннему единству», – так писал Сандр в первом номере журнала «Призыв».

Но единству еще нужно было учиться. Хотя, как правило, ища Христа и только готовясь переступить порог Церкви, большинство людей уже являются сти-

хийными экуменистами и не понимают, почему, имея одно Евангелия, молясь одному Христу, христиане не принимают друг друга, враждуют против братьев. Более того, для многих именно вражда христиан становится главным препятствием на пути к Богу, из-за нее они не хотят даже слушать проповедь, говоря христианам: вы сначала разберитесь между собой, а уж потом идите проповедовать другим. Горький, но справедливый упрек. Однако часто бывает, что, придя в какую-то общину, став православным, католиком или протестантом, человек начинает утверждать, что полнота истины есть только в его Церкви, а все остальные истинной не обладают или обладают частично. И появляется дух превозношения и гордыни. Но конфессиональная гордыня ничем не лучше гордыни личной, о которой Св. Писание говорит определенно: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр 5:5).

Понимая все это, Сандр стал не просто собирать людей вместе, но созидать школу единства – «школу экумены». И хотя это название появилось много позже, по своей сути малые группы, собиравшиеся по домам, были ничем иным, как школой единства. Кто-то в этой школе застревал ненадолго, но все-таки получал прививку единства. Кто-то посвящал единству жизнь и уже относился к экумене как призванию, к служению. Кто-то был просто другом, шел рядом, но все равно заражался этим духом единства и открытости. Так или иначе, в орбиту Сандра втягивались многие.

70-е годы прошлого века были временем, который ныне именуются Брежневским застоем. И действительно, в общественной жизни наблюдался полный застой, если не сказать – отстой. Престарелые партийные вожди

уже не внушали народу прежнего страха и трепета, идеология ослабила вожжи, вера в коммунизм как светлое будущее осталась только на страницах газеты «Правда», молодое поколение уже не верило в коммунистические идеалы. Новых идеалов никто не предлагал, поэтому каждый искал там, где мог: кто уходил на Восток, в йогу, кто – на Запад, слушая «голоса», увлекаясь рок-музыкой, полузапретной, а оттого еще более привлекательной. Кто-то уходил в свободное творчество, появились художники-нонконформисты, запрещенные выставки. Кто-то искал себя в культуре, которую приходилось раскапывать из-под глыб советского официоза. Это было время самиздата и тамиздата, полуподпольных книжных рынков, где можно было купить все, чего не было на полках официальных книжных магазинов. Довольно заметным стало диссидентское движение, точнее сказать – правозащитное. Увеличился поток эмиграции, вернее, тех, кто добивался выезда из страны, в основном, в Израиль. Так что под внешне спокойным слоем официальной жизни, которая, кажется, застыла навеки, бурлила жизнь – неформальная, непредсказуемая, живая, напоминавшая глубоководное движение рыб под толстым слоем льда в реке.

Именно в эти годы община экуменов интенсивно развивалась. Помимо общины в Москве, появились группы в Риге, Житомире, Новосибирске, Душанбе и других городах. Постепенно это становилось настоящим экуменическим движением. Христиане-экумены, ощущая себя миссионерами, охотно ездили по стране с проповедью, разговаривали с людьми о Христе, раздавали Евангелия, и повсюду находили друзей и единомышленников.

Как попадали Евангелия и Библии в Советский Союз, где религиозная литература была строго запрещена, – это особая история. Здесь сильно помогали западные братья. Зная, что Библию достать обычному человеку трудно, если не сказать – невозможно, наши братья – протестанты и католики – взяли на себя труд привозить книги в Советский Союз, чтобы хоть кто-то мог прочитать Слово Божье. Например, музыканты, приезжая на гастроли, везли книги с собой. Евангелия раздавали на выставках, в которых участвовали западные фирмы. Зарубежные студенты, приезжая по обмену, тоже старались привезти с собой Библии. Часто это было связано с большим риском для них. По советским законам человек мог привезти только одну книгу для себя. Но, конечно, братья везли не по одной. Их обыскивали на границе, книги изымали, их штрафовали, если человек повторно попадался, могли запретить въезд в страну и т.д. Но книги все равно проникали, и многие именно так получили свое первое в жизни Евангелие. Помню это незабываемое ощущение: ты держишь в руках небольшую книжицу с четким шрифтом на страницах из тонкой папиросной бумаги (у нас так не издавали!), и эта книга – твоя. У тебя в руках целое сокровище!

Но риск был и для читающих, а не только для привозивших. И этот риск был куда больший. Но это мы поняли несколько позднее.

А пока Сандр и экумены разъезжали по стране, призывая людей придти к Богу, открыть для себя Христа, примириться с ближним и дальним, жить, как учит Евангелие. Ездили автостопом, проповедовать начинали уже в подобравшей их машине. В этих поездках были удивительные встречи, о которых можно написать

отдельную книгу. Маршруты таких миссионерских поездок охватывали почти всю страну: Прибалтика, Украина, Крым, Грузия, Армения, Урал, Средняя Азия, Сибирь. Разве что до Дальнего Востока не добирались. Экумены ощущали себя как первые христианские апостолы. Да они таковыми и были, потому что в огромной стране мало кто слышал о Христе. За семьдесят лет советского режима выросло уже третье безбожное поколение, и если жизнь где-то в церквах и теплилась, то она мало влияла на основное население. Страна была пустыней в духовном смысле.

Но все же островки христианской жизни в Советском Союзе были, и экумены быстро их находили и устанавливали с ними связь. Так, уже в начале 70-х гг. Сандр познакомился с отцом Александром Менем, который, прочитав первый выпуск журнала «Призыв», не только одобрил эти идеи, но и сказал: мы с вами делаем одно дело, потому что Христос объединяет, а князь мира сего разъединяет. И с тех пор многие члены общины Сандра крестились или воцерковлялись, как православные христиане, в Новой Деревне, где служил отец Александр. И он не препятствовал, чтобы его прихожане участвовали в экуменических молитвенных группах, более того, он говорил: с закваской единства и любви православные становятся более православными, а католики еще большими католиками, и протестанты также. Надо сказать, что в «Экумене» было негласное правило: не переманивать никого в свою церковь, но каждому служить *«тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией»* (1 Пет 4:10).

Экумены общались не только с отцом Александром Менем, они посещали и других священников: о. Дмитрия

Дудко (хотя он был далеко не так экуменично настроен, как отец Александр), отца Тавриона (Батозского) в Латвии, старца необыкновенно щедрой души; католических священников, например, о. Станислава Добровольска в Литве, о. Антония Хея в Белоруссии. Напомним, что о. Станислав и о. Таврион пострадали за свою веру, прошли сталинские лагеря, это были настоящие исповедники, живая история Церкви, и знакомство с такими людьми давало молодым христианам очень много.

Дружил Сандр и с лютеранами, и с пятидесятниками, как правило, нерегистрированными, где тоже было немало исповедников, отсидевших за веру. Были контакты и со старообрядцами, с Армянской апостольской церковью, даже с молоканами. В те годы все христиане в большей или меньшей степени ощущали свое единство, потому что, одинаково притесняемые государством, были солидарны друг с другом. А вот во времена свободы немногие прошли испытание, – кто искусился богатством, кто властью, кто «медными трубами» популярности.

Испытания ждали и «Экумену». Со смертью Брежнева в 1982 году климат в стране стал резко меняться в сторону ужесточения. Вернее, эти изменения нарастали уже с конца 70-х гг., когда Комитет госбезопасности, всегда зорко следивший за всеми инакомыслящими, взялся за религиозных диссидентов, а потом и просто за религиозно активных людей. В 1978 году был арестован Александр Огородников, организатор религиозного семинара и издатель самиздатского журнала «Община». Сначала он был осужден за тунеядство, а потом дважды, уже в лагере, ему добавляли срок за

антисоветскую агитацию по 70 ст. Вслед за ним еще шесть участников его семинара лишились свободы, включая Владимира Пореша, возглавлявшего ленинградскую часть семинара. В 1979 году был арестован священник Глеб Якунин, один из учредителей «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР», и осужден в 1980 г. за антисоветскую деятельность. В начале 1980-х посадили несколько человек из общины о. Александра Меня, стали регулярно вызывать на допросы и его самого.

Вскоре и Сандр стал замечать, что за ним идет слежка. Он предупреждал друзей быть осторожными, встречи общины стали значительно реже и малочисленней. Вот тогда он срезал свои длинные волосы, обрил голову – то ли в знак покаяния, как делали древние, то ли понимая, что тюрьмы не избежать. Мы это восприняли как пророческий знак.

8 февраля 1984 года Сандра Ригу арестовали и почти одновременно арестовали его друзей в других городах: Софию Беляк в Житомире, священника Иосифа Свидницкого в Душанбе, а через год – Владимира Френкеля в Риге. Все они проходили по делу «Экумены», которую КГБ рассматривал как подпольную антисоветскую организацию, ставившую целью нанести вред советскому государству. По делу проходило еще пара десятков человек, у которых прошли обыски, но арест им заменили на так называемое «частное определение» – им вынесли общественное порицание, некоторых выгнали с работы.

Но, конечно, самый страшный удар пришелся по Сандру. Доказать его вину следствию никак не удавалось, хотя нашелся и Иуда, давший показания против

Сандра. Это один из хиппи, с которым Сандр общался еще в начале 70-х. Надолго этот человек в «Экумене» не задержался, вольная жизнь хип-системы оказалась более привлекательной, чем жизнь по Евангелию. Но видимо, по каким-то причинам этот человек попал в поле зрения органов, и они решили его использовать. Однако лжесвидетельство не особо помогло.

Полгода шло следствие, пытавшееся доказать анти-советскую деятельность «Экумены». Все это время Сандр провел в Бутырской тюрьме. Когда он туда только попал, сокамерники его спрашивают: «За что тебя взяли?» «За религию», – отвечает Сандр. – «Что попа убил или церковь обокрал?». Такая картинка хорошо описывает сознание советских людей. Но и уголовники не могли понять, почему за проповедь Евангелия нужно сажать человека в тюрьму.

Все полгода следователь Г. В. Пономарев всячески склонял Сандра к сотрудничеству со следствием, требуя, чтобы он назвал имена всех, кто входил в общину, кто приходил в гости или к кому приходил Сандр, кто привозил Библии или другую религиозную литературу, кто причастен к изданию журнала «Призыв» и т.д. Словом: адреса, пароли, явки. Сандр от всего отказывался, молчал, никого не выдавал. Его прессовали, подвергали перекрестному допросу, подсаживали стукачей, устраивали «растормозки» (введение сильнодействующих психотропных средств). Но Сандр молчал. Тогда следователь стал грозить ему психбольницей. Это было последнее средство сломить строптивого заключенного. Однако для этого нужно было поставить диагноз. Несколько раз Сандра возили на психиатрические экспертизы – в больницу им. Кащенко, в Институт

им. Сербского. Несколько врачей не подтвердили у него психического расстройства. Но наконец нашелся один – профессор В. М. Морковкин, который поставил «нужный» диагноз: «вялотекущая шизофрения». Так участь Сандра была решена.

31 августа 1984 года Московский городской суд под председательством судьи Л. И. Лавровой заочно вынес приговор: отправить «больного» на бессрочное принудительное лечение в лечебницу закрытого типа. Приговор был вынесен заочно, потому что Сандра, признанного невменяемым, даже не привезли на суд. Судебное заседание было разыграно скорее как действие для устрашения свидетелей, им постоянно повторяли, что в любой момент они могут перейти в разряд подсудимых. Но никто из них не назвал никаких имен и ничего не сказал против Сандра.

Бессрочное лечение в психбольнице – самое жестокое по тем временам наказание. Сегодня о советской карательной медицине написано уже много. Тогда же можно было лишь догадываться, на что суд обрекает Сандра. Но само слово – бессрочное – лишало всякой надежды, потому что любой тюремный срок имеет конец, а тут концом могла быть только смерть.

15 ноября 1984 года Сандра по этапу отправили в Благовещенск. Свердловск – Красноярск – Иркутск – Чита... 50 суток добирались до Благовещенска. В город с таким христианским названием ехал заключенный, который пострадал как раз за то, что нес людям Благоую весть. Но недаром этот город в советское время прозвали Гробовещенском – здесь Сандра ждал ад.

«Лечение» началось с того, что «больному» вкололи огромную дозу сульфазина, от которого подсакивала

температура до сорока градусов, мышцы выкручивало до адской боли, весь организм агонизировал. После второй же инъекции у Сандра случился сердечный приступ. Такое «лечение» для любого человека могло окончиться летальным исходом. А Сандр к тому же страдал врожденным пороком сердца. И для него это было особенно опасно. Сменили курс «лечения» и прописали трифтазин. Но легче от этого не стало: от трифтазина у пациента сковывает мышцы и одновременно возникает чувство беспокойства, неусидчивости, подавляется воля и приходят мысли о самоубийстве.

Следующий этап – инсулиновый шок. Их было тридцать. Даже не стоит описывать, что это было. Остается загадкой, как все это выдержал Сандр с больным сердцем. Ответ может быть только один: Бог его хранил. Молился ли Богу в это время Сандр, он даже не помнит, потому что все это было сплошным кошмаром с чувством полной безысходности, доходившей до отчаяния. В иные дни вообще было непонятно – жизнь это или уже смерть. Хотя смерть была бы явным облегчением.

А ведь нужно еще учесть, что в спецбольницах закрытого типа содержатся и больные в состоянии острого психического расстройства, а также убийцы, маньяки, садисты, и они вовсе не изолированы от остальных. Кто знает, от чего ты скорей умрешь: от инсулинового шока или какой-нибудь маньяк перережет тебе горло.

При этом «лечащий врач» (если его вообще можно назвать врачом) А. В. Шпак очень любил побеседовать с пациентами. В своих записках о пребывании в Бла-

говещенске, которые Сандр написал после освобождения, он передает свой диалог с этим «врачом»:

– Вы хотели бы, чтобы ваши друзья о вас хорошо думали?

– Конечно.

– Вы верите, что Христос может придти теперь и освободить вас?

– Не знаю.

– Вы верите в Бога?

Долго сосредотачиваясь, с хрипом:

– Да.

И так продолжается не один день, а недели, месяцы, годы. Сандр уже даже не понимал, сколько времени прошло с тех пор, как он попал в Благовещенск. Угнетала полная оторванность от мира. Редкие письма от матери не содержали никакой информации, но все-таки ее любовь согревала. Другим писать не было разрешено. Ну хоть бы весточку получить: что там, на воле? Живы ли его друзья? Что с Зосей (Софии Беляк, органистке из Житомира, дали пять лет лагерей и пять лет ссылки)? Что с о. Юзефом (священник Иосиф Свидницкий получил 5 лет лагерей и 3 года ссылки)? Что с другими, кто остался на воле, но явно живет под прицелом КГБ? Сандр даже не знал, что арестован Володя Френкель, рижский поэт. Его взяли в 1985 году, когда в стране уже была объявлена «Перестройка».

Но однажды Бог подал весточку. В какой-то момент, когда «лечение» чуть ослабили, видя, что пациент не буйный, Сандр решил, что хорошо бы что-то почитать. Попросил, чтобы ему прислали очки, начальство разрешило. Мать прислала очки в очешнике, и, раскрыв

его, Сандр прочитал: «Призыв». Это была всего лишь марка завода-изготовителя. Но для него это слово звучало как музыка, это была весточка с воли, это был знак свыше!

Сколько времени еще прошло, он уже не помнил, но однажды стал замечать, что в больнице происходят какие-то изменения. На очередном осмотре, когда обычно решали, кого можно выписать, сказал своему соседу, кстати, тоже латышу: «Если сейчас не выпишут, то не выпишут никогда». Прошло еще совсем немного времени, и случилось, казалось, невозможное: Сандра перевели в Рижскую психиатрическую больницу. 9 марта 1987 года он летел на самолете спецрейсом через всю страну – с Дальнего Востока на Запад, в Ригу.

Четыре с лишним месяца Сандр находился в Рижской психбольнице. Здесь были совсем другие условия, его могли навещать друзья. Сандр постепенно возвращался к нормальной жизни. Здесь он узнал, что его не только не забыли, но что за него молилось много людей и в Советском Союзе, и в других странах. Что за него заступалась вся мировая общественность: папа Римский Иоанн Павел II, Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Кестен-колледж, «Эмнести интернейшнл» и др. Друзья даже принесли открытку, выпущенную где-то на Западе с его фотографией и надписью: «Отменить смертный приговор Александру Риге!» Все это, безусловно, окрыляло, вселяло надежды, давало силы.

20 июля 1987 г. Сандра освободили. Шла «Перестройка», уже второй год был у власти М. С. Горбачев, в стране начались серьезные перемены. В 1986 г. стали выпускать политзаключенных, – под давлением меж-

дународной общественности, с которой не хотел ссориться Горбачев, взяв курс на обновление страны.

Пробыв, после освобождения, около двух месяцев у мамы в Риге, в сентябре Сандр возвращается в Москву.

16 сентября 1987 года, в день рождения Сандра, «Экумена» собралась в его комнатке в Рижском проезде в Москве. Собралась уже свободно, не боясь, что придут и арестуют. Через год, в 1988 году, страна торжественно отпразднует тысячелетие крещения Руси, и Церковь получит официальную свободу. Времена явно менялись. Но что принесет эта свобода, было еще неизвестно.

После испытаний «Экумена» снова собралась вокруг Сандра. Но далеко не вся. Кто-то отпал, не выдержав трудностей и гонений, хотя таких было немного. Кто-то уехал из страны, и это можно было понять, потому что опасность, что свобода сменится новыми репрессиями, оставалась, а у людей дети, их надо как-то растить. Рухнувший железный занавес позволил, наконец, людям вернуться на историческую родину – евреям в Израиль, немцам из Средней Азии – в Германию.

Но оставшиеся экумены продолжали свое служение. Может, чуть-чуть изменились его формы, теперь проповедь больше вели через культуру: выставки, фестивали, лекции, благо свобода давала возможность широкого христианского просветительства. Именно в эти годы читает лекции в клубах и Домах культуры отец Александр Мень. Его приглашают на телевидение, он выступает на стадионах. Приезжают в страну и западные проповедники: Билли Грэм, Калеви Лехтенен и

другие. В общем, страна тогда была готова услышать Слово Божье.

Сандр становится известным, о нем пишут на Западе. В «Экумену» стали приходить новые люди. Община расширяет свою деятельность. Помимо журнала «Призыв», который оставался ее философско-богословским манифестом, стали издавать еще один журнал – «Чаша» с более широкой литературно-художественной программой. В этом журнале печатались и уже вполне известные и маститые Григорий Соломонович Померанц, Зинаида Александровна Миркина, Наталья Леонидовна Трауберг, и еще не ставшие знаменитыми Ольга Седакова, Андрей Суздальцев, Александр Зорин, Валентина Кузнецова и др. «Экумена» становится не только

*Слева направо: Сандр Рига, З. А. Миркина, Г. С. Померанц.
22 июня 1991 г. (Фото Сергея Бессмертного)*

сетью маленьких молитвенных групп-общин, но довольно широким кругом людей доброй воли, для которых дорога тема единства.

Расширяются и зарубежные связи «Экумены». Старые и новые друзья приглашают Сандра к себе в гости. Несколько месяцев он живет в Италии, в общине «Меморис Домини» (лат. – «Помнящие о Господе»). Эта община – часть большого движения «Коммунione и либерационе», она располагается на вилле Амбивери в Сериате под Бергамо. Здесь же расположен центр «Руссия Кристиана», возглавляемый падре Романо Скальфи. Этот центр очень много сделал для верующих в России; помимо молитв, что само по себе является важным и действенным, в библиотеке этого центра собирались сведения о тех, кто был репрессирован за веру. Есть там и документы о Сандре: письма, сообщения западных СМИ, свидетельства людей и проч. Сегодня эта библиотека открыта для студентов, изучающих русскую культуру, потому что тема репрессий в Советском Союзе очень важна для понимания русской истории.

Сандр всегда мечтал попасть в Италию, особенно во Флоренцию. С детства он был влюблен в Боттичелли, чья «Мадонна Магнификат» висела над его кроватью, и он часто всматривался в нее, слышал ангельскую музыку, и думал, что когда-нибудь увидит ее воочию. Но, как сам писал потом, пришлось отправиться совсем в другую сторону: не во Флоренцию, а в Благовещенск-на-Амуре. Но Бог все же исполняет наши самые сокровенные желания, и Сандр попал во Флоренцию, встретился со своим тезкой – Сандро Боттичелли, увидел его картины. Он побывал также в Риме, Пизе, Бергамо

и в других городах Италии, которая была ему всегда очень близка. Во время пребывания в Риме Сандр был принят папой Иоанном Павлом II, который выступал за его освобождение.

Когда-то, в самом начале своей экуменической деятельности, собрав самый первый номер «Призыва», Сандр и первые экумены решили, что журнал должен благословить кто-то из епископов. Но к кому обратиться? Все иерархи в Советском Союзе, православные и католические, были «под колпаком» КГБ, и даже самые честные и доброжелательные побоялись бы взять на себя такой груз. И тогда пришла дерзновенная мысль: а не послать ли «Призыв» папе Римскому? Тогда папой был Павел VI, человек, завершивший Второй Ватиканский собор, встретившийся с патриархом Константинопольским Афинагором и подписавший вместе с ним взаимное снятие анафем между православными и католиками. Такой человек не может не понять чаяний русских экуменов. Рискнули, передали «Призыв» через кого-то в Рим. И папа благословил его. Это было большим вдохновением для Сандра и его друзей. И вот теперь его преемник – Иоанн Павел II благословляет его, выдержавшего испытание на прочность.

Собственно, с самого начала Сандр и не мыслил экуменическое движение, которое он начал, в рамках только одной страны. На то оно и движение, чтобы могло преодолевать границы – политические, психологические, конфессиональные. И это вселенское мышление ему было присуще всегда. «Экумена» даже в самые суровые времена становилась местом встречи самых разных людей, общин, движений. Сандр искал единомышленников по всему миру. И находил. Еще

в 1974 году он написал письмо брату Роже, настоятелю экуменического монастыря в Тэзе во Франции и получил ответ. Так завязалась дружба с братьями из Тэзе. Примерно в те же годы Сандр познакомился с французской монахиней Клэр Латур, Малой сестрой Шарля де Фуко, а потом в «Экумену» приезжала и сестра Мадлен, основательница Малых сестер. На молитвенных общениях «Экумены» встречались даже те, кто не мог встретиться друг с другом в других местах: английские квакеры и русские старообрядцы, Малые сестры и немецкие католики из Средней Азии, члены движения «Коммунионе и Либерационе» и финские лютеране, братья из Тэзе и члены международного движения «Байбл Спик». Вселенское измерение христианства на этих встречах было явлено во всей своей полноте. Но именно этого-то и не могли допустить власти, и неусыпное око КГБ давно следило за Сандром и однажды обрушилось на него со всей своей репрессивной мощью.

Но «Бог поругаем не бывает» (Гал 6:7), и «претерпевший же до конца спасется» (Мф 24:13). Сандр претерпел до конца и вернулся из ада, вернулся победителем.

Однако жизнь – это долгий путь. И на этом пути бывают испытания большие и малые, явные и незаметные. И то, что кажется финалом симфонии, оказывается прелюдией к другой ее части. В определенной степени жизнь Сандра можно разделить на два периода: до ареста и после. Казалось, что с его возвращением «Экумена» снова наберет силу, поскольку времена настали благоприятные. Собственно, три года так и было. Все вроде получалось: и первый летний

христианский лагерь на природе, и фестиваль в большом Доме культуры в 1989 году, приуроченный к 50-летию Сандра. И фестиваль в Центральном Доме художника, и большая встреча в Государственной исторической библиотеке. И многое, многое другое. У всех тогда была эйфория, как в известной песне: «Все выше, и выше, и выше...»

Но 9 сентября 1990 года словно оборвалась струна: неожиданно зверски был убит отец Александр Мень. Казалось, что лавина сошла с гор и накрыла всех. Зло снова показало свой оскал.

19 августа 1991 году – путч. Второй звонок. Неужели все опять может вернуться? Три напряженных дня качались чаши весов, но все-таки добро перевесило. Советский Союз распался. «Империя зла» ушла в прошлое, хотя ее тень продолжает витать над нами до сих пор.

На обломках советской империи начали произрастать новые поросли. Стали отделяться республики, становясь независимыми государствами. Отделилась и Латвия. И перед Сандром встала дилемма: оставаться в России и поднимать «Экумену» или возвращаться на родину, где к тому же была его мать уже в преклонном возрасте. О Марианне Станиславовне можно было бы написать отдельную книгу, потому что она вытерпела очень много за сына. Молилась за него день и ночь. К ней приезжали те, кто помогал Сандру, кто на Западе выступал за его освобождение, кто здесь, в стране, за него молился. И она, не боясь угроз КГБ, всех принимала. Героическая женщина! Оставить ее Сандру не позволяла совесть.

Да и особых перспектив в «Экумене» он не видел. Внешняя деятельность уже не обеспечивалась внутрен-

ним духовным ростом, который был тогда, в 70-е гг. Дважды в одну реку войти невозможно. И он принял трудное для себя решение: он уходит. Летом 1993 года Сандр вернулся в Ригу, которую уже не покидает до сего дня.

Сандр всегда был философом и поэтом, созерцателем и мыслителем, и он понял, что настало время для обдумывания всего того, что с ним в жизни произошло. Он отказывается от активной деятельности, читает, размышляет, переводит и комментирует Райниса, своего любимого поэта, и пишет автобиографическую книгу все с тем же названием «Призыв». Нет, это не «История моих бедствий». Хотя все, что он претерпел, – преследования, заключение, суд, психушка – им описано достаточно подробно, и читать это страшно. Но это не плач о себе, а свидетельство эпохи – чтобы знали, чтобы помнили. Думаю, это следовало бы давать читать нестальгирующим по Советскому Союзу.

Но в книге Сандра не только это. Он суммировал все, что писал в «Призыве» в 70-х, и о чем размышлял потом, описал некоторые значимые встречи и особенно дорогих ему людей. Описал очень поэтично, потому что о такой жизни или нужно писать тома, или все вместить в небольшое, но емкое стихотворение. Сандр так и пишет: его размышления – это стихи. Не всегда привычные по форме, как правило, без рифм, но это настоящая поэзия. «Строки не рифмуются. Но и дни не рифмуются. Каждый неповторим. Наш путь не кольцо. А прорыв. Белый, свободный стих. И лишь одна робкая рифма как предчувствие грядущего согласия» («Призыв» М. 2002. С. 209).

Сандр часто гуляет по своему родному городу, проходит по любимым улочкам, заходит в места, знакомые

с детства, с юности. Кажется, что он никогда не расставался с этим городом, даже в Москве он жил в Рижском проезде. Конечно, в любом городе что-то со временем меняется, изменяется и Рига. Но что-то в ней остается неизменным. Кажется, с годами не меняется и Сандр. Все такой же мягкий акцент, тонкий юмор, внимательное отношение к собеседнику и тайна, сокрытая глубоко в сердце.

*Москва
Февраль 2019*

Роман Перельштейн

Роман Перельштейн родился в 1966 году в Казани. Окончил Казанский инженерно-строительный институт. Работал архитектором, но вскоре сменил вид деятельности. Окончил заочное отделение Литературного института имени Горького и заочное отделение сценарного факультета ВГИКа. Прозаик, сценарист, драматург, доктор искусствоведения. Автор двух теоретических книг о кино: «Конфликт “внутреннего” и “внешнего” человека в киноискусстве», «Видимый и невидимый мир в киноискусстве» и сборника эссеистики, прозы, драматургии, стихов «Старая дорога». Проза Романа Перельштейна публиковалась в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность». Участник религиозно-философского семинара Григория Померанца и Зинаиды Миркиной. Исследователь и последователь их многогранного творчества и миропонимания. Ныне ведущий семинара «Работа любви», которым на протяжении двадцати лет руководили Померанц и Миркина.

КОСТЕР ПОМЕРАНЦА И МИРКИНОЙ

Померанц и Миркина похоронены на Даниловском кладбище в Москве. Померанц ушел первым. Зинаида Александровна пережила его на пять, чрезвычайно активных, лет. Оба преодолели девяностолетний рубеж, и до последних дней пребывали в ясном уме и твердой памяти. Глядя на строгий обелиск, под которым покоится прах наших мудрецов, я невольно обратил внимание на даты жизни. Григорий Померанц: 1918–2013,

З. А. Миркина и Г. С. Померанц 22.06.2009

Зинаида Миркина: 1926–2018. Между его приходом и ее уходом – век.

Для тех, кто знает Померанца и Миркину, знаком с их судьбой и творчеством, представлять их излишне. Но я допускаю, что этот очерк может заинтересовать человека, слышавшего лишь краем уха об уникальной супружеской чете, которая на протяжении двадцати лет – с 1997-го по 2017-й руководила религиозно-философским семинаром «Работа любви». Оба они читали лекции, которые неизменно заканчивались ее стихами.

Миркина – псалмопевец, но вы не найдете в ее текстах следов архаики или стилизации. Это оригинальнейшие современные произведения, в которых, что ка-

жется невозможным, начисто отсутствует дух самовыражения. В ее стихах всегда происходит встреча души с Богом, а иногда – и встреча двух Заветов: сын библейского патриарха Иакова Иосиф может напрямую обратиться к Иуде Искарриоту. И неизменно звучит требование освободить Бога от наших болезненных фантазий о Нем. Я приведу одно из любимых стихотворение Зинаиды Александровны. Оно вошло в ее поэтический сборник «Из безмолвия».

* * *

Послушайте, никто не виноват!
Я плачу, бред минувшего отбросив.
Узнайте же меня. – Ведь я – ваш брат.
Я – ваш давно потерянный Иосиф.

О, дайте мне прильнуть к груди Отца!
Я – здесь. Вы ничего не совершили.
Пушай, пушай откроются сердца!
Не знаю, кто из нас лежал в могиле,
Но только знаю – мертвый оживет
И жизнь пойдет с безгрешного начала,
С чистейшего листа... Я – здесь. Я тот,
Кого так долго вам не доставало.

О, только лишь раскрытие сердец! —
Я большего не знаю в мире чуда.
У нас один на всех, один Отец!
Так содрогнись и обними, Иуда,
Стоящего перед тобой Христа —
Ведь Он готов принять тебя в объятье.

Он – Дверь, что никогда не заперта.
Он Тот, Кто вечно собирает братьев,
Не вспоминая ни одной вины...
Не Он, ты сам себя осудишь строго,
Услышав Зов с последней глубины:
Откройте Дверь! Освободите Бога!¹

Стихи Миркиной Померанц назвал «поэзией священной глубины»². Эта поэзия, заметил Григорий Соломонович: «не заменяет и не отменяет других путей в глубину, но и они ее не могут заменить»³. Перефразируя Померанца, я бы сказал так – мистический путь богопознания не заменяет и не отменяет схоластического пути, ортодоксальных положений веры, но и схоласт не может заменить мистика⁴.

Каким же путем идет мистик? И что он предлагает? Давайте рассмотрим это на конкретном примере. Отзываясь на призыв освободить Бога, Григорий Померанц говорит, что глубина любой великой религии ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности⁵. А это значит, что на глубине бытия, где, по выражению блаженного Августина, «зла нет», нет и повода для раздоров, для самоутверждения, для духов-

¹ Миркина З. А. Из безмолвия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 219–220.

² См. статью «Устами поэта». Померанц Г. С. «Устами поэта» / Миркина З. А. Потеря потери. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

³ Там же. С. 230.

⁴ Катафатическое и апофатическое богословие – два, дополняющих друг друга, метода, и было бы нелепо вбивать клин между ними.

⁵ См. сайт, посвященный творчеству Померанца и Миркиной. <http://pomerez-mirkina.com>

ного превосходства. И только на поверхности идет постоянная битва. Религии, уподобляясь идеологиям, меряются административными ресурсами, развитостью своих сугубо мирских институтов, сплочённостью рядов своих последователей. Всё это ни к чему подлинному мистику. Вот почему его в пору назвать духовным реалистом. Он не кликушествует и не вертит столы. Мистик всегда стремится только к одному – видеть вещи такими, какие они есть. А на это способен лишь истинный созерцатель.

Проследим дальше за мыслью Померанца: «Различие языков и образов религиозного опыта не может быть устранено, оно неотделимо от различия культур, от многоцветности мира. Диалог не стирает этого многоцветия. Но он ведет в глубину, где все различия смотрятся как преломления единого луча внутреннего света, озарившего мир в древности и давшего силу становлению культурных миров [...]»⁶.

«Единый луч внутреннего света», преломляясь через различные вероисповедания, как через чудесные витражи, проецирует на экран нашего сознания образы Истины, которые покоряют нас и предстают самым совершенством. Они и есть совершенство. Было бы странным усомниться в этих образах и символах, в вероучительных догматах. Они спасительны для тех, кто их исповедует. Всегда и всем дается по их вере. Но человек эволюционирует. Не Бог эволюционирует, а именно человек, его представления о Непостижимом. И поэтому уже нельзя сказать, что нет никакого «единого луча», а есть только «окно», и само окно каким-то образом способно вызвать к жизни свет. Сколь бы

⁶ Там же.

ни был совершенен «многоцветный» витраж, какой бы искусный мастер ни вдохнул в него жизнь, требуется высший Мастер – сам Свет, который озарит наши сердца. Они лишь на первый взгляд такие разные, но все мы на последней глубине, на запредельной глубине – дети одного Отца. Не только христиане или иудеи, мусульмане или буддисты. Решительно все живые существа. «У нас один на всех, один Отец!» Померанц написал об этом так: «А мистическая суть веры во всех высоких религиях одна. Сердца христиан, мусульман, буддистов, индуистов трепещут от одной тайны»⁷. Это слова мистика, которые ортодокс, и совершенно справедливо, подвергнет сомнению. Однако снова повторю. Религиозно-мистическое мирозерцание с его поэтическим стилем мышления не заменяет и не отменяет традиционного типа религиозного мышления, но и ортодокс не способен заменить мистика. Один схоласт может обвинять другого в модернизме и реформаторстве, это вполне законный упрек, но по отношению к человеку, который имел личный опыт Встречи с «Немым истоком бытия», подобные категории не применимы. Немецкий мистик Мейстер Экхарт, родственный по духу чете мудрецов, сказал о себе так: «...это Мейстер Экхарт, от которого Бог никогда ничего не скрывал»⁸.

Да, нас разъединяют океаны и пустыни, клише мышления, нравы, культы, вековые традиции. Всё так. Идеи прочнее горных хребтов, и разделяют людей не хуже

⁷ Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. С. 258.

⁸ См. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. СПб.: Амфора, 2008.

Альп и Апеннин. Но это не может стать препятствием для того, чтобы осознать – все мы, как сказала бы Зинаида Александровна, – ветки одного дерева, пальцы одной руки. Вот почему Померанц приходит к следующему заключению: «Главное в становлении духовности – понимание выхода ее глубинного уровня за все слова, все знаки, понимание всех писаний как перевод с несказанного на высказанный человеческий язык. К этому направлению примыкаем мы с Зинаидой Миркиной»⁹.

«Направление». Вот как он осторожно выразился. Не вероисповедание, не руководящая идея и уж, конечно, не идеология. *Направление*. Но на среднеземноморскую логику подобная размытость формулировок действует, словно красная тряпка на быка. Неортодоксальные воззрения смущают приверженца буквы, который неукоснительно держится догматов, установленных отцами. Наследник греческой философии, если он не видит себя со стороны, скажем, со стороны Востока, и не может вести себя иначе. Скульптурно-пластический элемент, четкий край пусть даже и с плавным обводом определяют особенности характера его мышления. На это обстоятельство исподволь указал исследователь немецкого романтизма литературовед Наум Берковский: «Новалис писал: “Лессинг видел чересчур остро и поэтому терял чувство целого во всей его неясности”...»¹⁰. Замечание это драгоценно. «Чувство целого» – чувство исключительно религиозное, а для мистика – перво-

⁹ См. сайт посвященный творчеству Померанца и Миркиной. <http://pomeranz-mirkina.com>

¹⁰ См. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. СПб: Азбука-классика, 2001.

степенное. То, что мистическая ветвь ислама – суфизм – так и не стала четкой и стройной системой взглядов, говорит в его пользу. Не потому ли суфизм всегда стремился к тому, чтобы быть явлением интернациональным. Суфий – мудрец, который может принадлежать к любой конфессии¹¹. Суфий, как сказал бы Померанц, это – «бдительный страж Целого»¹². Ну и, конечно же, признание Померанца: «Пол-оборота на Восток стало частью меня самого» многое объясняет.

В лекциях, изданных под общим названием «Собирание себя», Григорий Соломонович описывает колебания культурно-исторического маятника, который движется от целостного восприятие мира – кдробному и обратно. «Архаика таинственно целостна, – говорит он. – Античность классическая, грекоримская, некоторые соответствующие эпохи Индии и Китая были рационалистичны. Средние века опять повернуты к восстановлению целостности, единства через Дух, через постижение Бога в нашей культуре. Новое время опять повернуто в сторону более рациональных схем»¹³. Григория Соломоновича причисляли к «беспочвенным интеллигентам» и «безродным космополитам» еще и потому, что он преодолел в себе средиземноморское почвенничество. Померанца и ему подобных склонный

¹¹ См. *Идрис Шах*. Суфизм. М.: «Клышников, Комаров и К°», 1994.

¹² См. *Померанц Г. С., Миркина З. А.* Спор цивилизаций и диалог культур. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.

¹³ См. *Померанц Г. С.* Собирание себя. Курс лекций, прочитанный в Университете Истории Культуры в 1990–1991 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.

больше к анализу, чем к синтезу европейский ум еще долго будет брать под подозрение и спрашивать: «А не атеисты ли они вообще?». Исследователь буддизма британец Алан Уотс отмечает, что «восточный склад ума» для европейца «представляет собой нечто мистическое, иррациональное и непостижимое»¹⁴. Идейные оппоненты Померанца движутся в русле грекоримской парадигмы. Никакого злого умысла в их высказываниях я не нахожу. Я склонен считать, что каждый из них честен перед собой. Исключение составляют случаи откровенного невежества, которое может паразитировать на любой духовной традиции.

В «Записках гадкого утенка» Григорий Соломонович приводит замечательный пример схоластического суждения: «Один мой оппонент заметил: “Померанц живет без берегов, а я так не могу. Если я верю в воскресение Христа, то я верю в воскресение Христа, а не во что-то около этого”»¹⁵.

Вот человек сказал, что он верит. Уточнений не требуется. Я глубоко уважаю то, к чему он пришел или к чему идет. Каждый путь к Источнику Жизни уникален и неповторим. Но разве не заслуживают внимания и уважения другие пути в глубину? Поэтический сборник Миркиной «Один на один» открывается следующим стихотворением, посвященным супругу.

¹⁴ См. Уотс А. Путь Дзен: Истоки, принципы, практика. М.: София, 2015.

¹⁵ Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. С. 188.

* * *

Ни имени, ни громкой славы –
Но мы вдвоем в лесу пустом.
Мир выбирает вновь Варраву,
А мы останемся с Христом.

А мы с тобой – под лютым ветром.
Сплелись, как ветки, ты и я,
С вот этим Третьим, незаметным
Немым истоком бытия.

Немее лес и крик немее,
Но как пророчит немота!
Все носят крестики на шее,
А мы остались у Креста.

А мы не молим о спасеньи,
Не ждем его, как чуда ждут.
Мы просто знаем: воскресенье –
Есть самый тяжкий в мире труд.

Этот стих датирован 1999 годом. Померанц и Миркина уже не питали никаких иллюзий относительно религиозного возрождения в масштабах страны. Но они же, как и многие другие чистые сердцем люди, делали все от них зависящее, чтобы подготовить Встречу души со Христом.

Вот что писали наши мудрецы в своей совместной работе «Великие религии мира». Привожу обширную цитату, чтобы читатель смог почувствовать и стиль их мышления, и общий дух книги.

«Ничего не творю от Себя. Исполняю волю пославшего Меня». Иными словами: меня нет, есть только Бог, заполнивший меня. “Я умер, жив во мне Христос”, – скажет впоследствии апостол Павел. Это и есть возможность повторить за Христом: “Я и Отец – одно”. Христос вытеснил из Павла Павла, как Бог вытеснил из Христа человека. Этот человек есть, но его как бы и нет. Он до краев заполнен Богом.

Это и есть состояние безгрешности. Пока что Он один безгрешен. Но Он призывает всех быть подобными Ему. Он полагает в этом смысл человеческой жизни.

Он называет себя сыном человеческим. И в то же время знает, что Он сын Божий. Этот сын человеческий во всем подобен всем прочим людям, кроме одного: греха. Но если Он может быть безгрешен, то вся человеческая природа может очиститься. Она уже очистилась в Нем. Он явил собой, что такое человек. Человек создан по образу и подобию Божию и может воплотить в себе Бога. Хотя быть единым с Богом не значит быть равным Ему. “Отец мой более Меня”, – говорит Иисус. Капля моря не равна морю, но она едина с ним. Цель Человека – стать единым со своим Истоком, быть не лужицей на морском берегу, а Морем¹⁶.

«Великие религии мира» о. Александр Мень называл «нашей книгой», настолько он был солидарен с ее основными положениями...

Зинаида Александровна вплоть до «Перестройки» писала в стол, перебивалась переводами никому не известных суфиев. Григорий Соломонович ходил в списках,

¹⁶ Померанц Г. С., Миркина З. А. Великие религии мира. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 73–74.

печатался на Западе и числился в диссидентах. Но в начале 90-х он получил возможность прочитать курс лекций в Университете Истории Культуры. Именно отсюда, как мне кажется, и был переброшен мостик к семинару «Работа любви».

О них узнавали, их печатали, к ним тянулись.

В 2009-м Померанц и Миркина стали обладателями почетной премии Бьёрнстьерне Бьёрнсена. Норвежская Академия Литературы и Свободы слова присудила ее «двум самым ярким представителям современной творческой интеллигенции России».

Четой мудрецов написаны, изданы и переизданы десятки книг. Вот серии, в которых выходили их произведения: «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Humanitas», «Университетская книга», «Письмена времени», «Зерно вечности». Недавно я зашел в «Московский дом книги» на Арбате и обнаружил целую полку их сочинений. Пробежался взглядом по корешкам и глубоко вздохнул. Как все это донести до людей? Но уже в следующий миг опомнился: жизнь сама о себе позаботится. Ведь как-то жизнь привела меня к ним.

Я близко сошелся с Померанцем и Миркиной лишь в 2010-м. Правда, с тех пор мы уже не расставались. Восемь лет великого тихого счастья. Я благодарю Бога за то, что мне выпало делить с ними боль и радость, быть рядом во всех жизненных ситуациях, предстоять непостижимой Тайне и не путать ее с теми одеждами, в которые облакает ее человеческий ум.

Природа конвенционального знания не позволяет нам выходить за границы символов, и сами символы, включая сакральные, невольно кладут предел Безграничному. Они даже изменяют Безграничному, хотя и

присягнули ему на верность. Так *буква*, забыв, пусть и на мгновение, о своем втором месте, способна предать *Дух*.

Эту трудность разрешил учитель будущего апостола Павла фарисей Гамалиил. Когда правоверные иудеи собрались растерзать учеников Христа, которые пребывали в новом Духе, опираясь на какие-то неведомые глубины сердца, Гамалиил обратился к толпе со следующими словами: «Если [...] это дело – от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян 5:38-39). О замечательном ответе ученого раввина, ставшего впоследствии христианским святым, неплохо бы помнить всем ревнителям благочестия. Камень этот, в каком-то смысле, я бросаю и в свой огород.

Померанц и Миркина – прихожане невидимой церкви. На одной из лекций Зинаида Александровна сказала: «Церковь не в бревнах, а в ребрах». Я оппонировал ей, решившись написать письмо. Было это в начале нашего знакомства. Приведу фрагмент из моего послания, и ее реакцию на него.

«Народная мудрость: “Церковь не в бревнах, а в ребрах” рифмуется с другой поговоркой: “Седина в бороду, бес в ребро”, – полемизировал я. – Ребро, то есть сердце, равно открыто обеим безднам – Духу и плоти. Подреберный Бог не огражден от того темного, что есть в нас самих, и из чего мы, как из неизбежного праха, состоим. Подреберный Бог просветляет наш прах, пронизывает нашу тварность Своей тайной силой и наполняет нас Своим присутствием. Однако, подреберный Бог всегда находится в шаге от того, чтобы быть

сотворенным по нашему образу и подобию. Как же здесь быть? Может быть, поэтому нужна церковь и в бревнах? Ведь не у каждого достанет глубины соприкоснуться с Богом обнаженным сердцем».

Вот вопросы, которые я ставил тогда и которые мучили меня.

Зинаида Александровна ответила так: «Да, в нас живет и бесовщина, но это не значит, что Божественное начало надо искать не внутри, а где-то на стороне. И то и другое – в нас. Бесовщина на мели, на поверхности, а Божественное – глубоко внутри в глубоком сердце. Наша задача раскрыть в себе это глубокое сердце и ясно увидеть тогда, что царствие Божие находится внутри нас. И не надо уходить от себя, чтобы найти Бога. Надо, напротив, очень глубоко войти внутрь себя, в ту глубину, где находится единая связующая всех сила»¹⁷.

Про историческую церковь она тогда ничего не сказала. Но Миркина видимую церковь никогда и не отрицала. После посещения могилы мужа она вошла в храм Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище и написала непостижимый стих.

* * *

В объявшей душу тишине,
Великой, строгой,
Вдруг явственно открылось мне,
Что ранить Бога
Так просто – выплеском одним,

¹⁷ Впоследствии ответ Миркиной на мое письмо вошел в ее работу «Дополнение к лекции “Что такое любовь к врагам”».

Рывком мгновенным,
Как малое дитя раним
Творец вселенной.
Как тот, сосущий молоко,
Прозрачнокожий.
Ударить Бога так легко,
Слабейший сможет.
Но, Боже, как на свет из тьмы
Трудна дорога.
Ведь стали смертными все мы,
Ударив Бога¹⁸.

Зинаида Александровна лишь настаивала на том, что видимая церковь не должна собою заслонять «церковь незримую», иначе первая, по выражению митр. Антония Сурожского, может выродиться в «церковную организацию». Иными словами, если историческая церковь помнит об утопическом соблазне построения Царства Божия на Земле, а это и значит, согласно Миркиной, «искать Бога на стороне»; если историческая церковь не поддастся искушению разделять и властвовать, то тогда она может и должна стать дорогой к Богу. Забывающая об этом церковь окажется непреодолимым препятствием на пути к Нему...

После ухода Григория Соломоновича ко мне обратились с просьбой написать статью о нем для шеститомника «Московская энциклопедия. Лица Москвы». Российский философ, культуролог, религиовед, публицист – вот как обычно представляют его широкой аудитории. Когда речь заходит о вехах жизненного пути,

¹⁸ Миркина З. А. Тайная скрижаль: Книга памяти Григория Померанца. М.: Время, 2014. С. 106

задействуют другой семантический ряд: фронтовик, лагерник, диссидент. При смене интонации на более доверительную, в которой нет места аффектации, о нем говорят как о мудреце и праведнике. Среди вопросов-направлений, предлагаемых редакцией энциклопедии, было такое: общая значимость Померанца для российской культуры. Приведу лишь одну формулировку, которой, я, собственно, и закончил статью. «Померанц сыграл большую роль в установлении духовных контактов между Востоком и Западом, а также между светской и религиозной культурой современного российского общества».

Казалось бы, с этим все понятно. А ведь если задуматься – где происходит установление духовных контактов между светской и религиозной культурой? Разве не в сердце человека? И разве ни каждый день это происходит? Допустим, меня спрашивают: «Вы верите в Бога?» «Да, но не так, как вы думаете», – отвечаю я. «А откуда вы знаете, как я думаю?» – «Вижу по глазам. И вам советую больше читать по глазам». Чуткий собеседник улыбнется и позволит еще лучше узнать себя. Нечуткий – закроется, спрячется в новые вопросы.

У католического священника и писателя Энтони де Мелло, одного из любимых авторов Миркиной, есть такая притча. Атеист спрашивает мастера, который является собирательным образом всех мудрецов: «Скажи, существует ли Бог на самом деле?» – «Если ты хочешь, чтобы я был предельно честным с тобой, то я не стану отвечать». Продолжает де Мелло так: «Позже ученики спросили у Мастера, почему он не ответил. «На этот вопрос нельзя дать ответ», – сказал Мастер. «Значит, ты – атеист?» – «Конечно, нет. Атеист совершает ошиб-

ку, отрицая то, что нельзя выразить словами. [...] Теист, напротив, делает ошибку, утверждая то, что нельзя выразить словами»¹⁹.

Светской и религиозной культуре, равно как Востоку и Западу, тяжело договориться пока они воспринимают себя как ментальные противоположности. Но, если они помыслят себя как части смутно угадываемого целого, как органы одного тела, то конфликт между ними исчезнет. К снятию неразрешимых духовных конфликтов и стремился Померанц, выразив это в замечательной, кажется, уже всем известной формуле: «стиль полемики важнее предмета полемики».

Мы знаем множество отзывов о нем. Один из самых емких принадлежит академику Андрею Дмитриевичу Сахарову. Лидер правозащитного движения в СССР оставил нам яркий портрет своего единомышленника. «Наиболее интересными и глубокими были доклады Григория Померанца – я впервые его тогда узнал и был глубоко потрясен его эрудицией, широтой взглядов и “академичностью” в лучшем смысле этого слова... Основные концепции Померанца: исключительная ценность культуры, созданной взаимодействием усилий всех наций Востока и Запада на протяжении тысячелетий, необходимость терпимости, компромисса и широты мысли, нищета и убогость диктатуры и тоталитаризма, их историческая бесплодность, убогость и бесплодность узкого национализма, почвенности»²⁰.

¹⁹ См. *Энтони де Мелло*. Одна минута глупости. М.: София, 2005.

²⁰ См. *Игумен Вениамин (Новик)*. Мудрец среди нас. Журнал «Звезда» 2008, 3.

<http://www.zh-zal.ru/zvezda/2008/3/no9.html>

Померанца нельзя назвать противоречивой фигурой, он удивительно целен. И только такие цельные люди как он могут соединять в себе, казалось бы, несоединимое. Он был организатором полуподпольного философско-исторического семинара, а потом боролся с подпольем как с бесовщиной. Он исследовал творчество Достоевского и дзен-буддизм. Рискуя карьерой и жизнью, защищал права человека и еще более самоотверженно защищал Бога от человека, который не желал видеть дальше собственного носа. Он был крупнейшим мыслителем современности, обогнавшим свое время, и – «медлящим проводником в вечность», то есть мистиком. Преждевременная смерть Иры Муравьевой, с которой Померанц прожил в браке совсем недолго, делает его Иовом, вызывающим Бога на суд. А встреча с Зинаидой Миркиной, его будущей единомышленницей и супругой, станет ответом Бога. «Чего-то самого главного я не мог почувствовать и поэтому не мог понять. А тут вдруг прямое прикосновение к тому, вокруг чего я кружился. Бог страдает вместе со мной, и каждая наша смерть – крестная жертва»²¹. В 1960-м он услышит стихотворение Миркиной «Бог кричал». И строки: «Бога ударили по тонкой жиле, / По руке или даже по глазу – по мне» перевернут его. Померанц и Миркина свяжут свои жизни более чем на полвека, и все это время Иов будет внимать.

Не только Григорий Соломонович, но и Зинаида Александровна – многострадальный Иов. Болезнь, которая первый раз заявила о себе в девятнадцать и на пять лет приковала Миркину к постели, всю жизнь до-

²¹ *Померанц Г. С.* Записки гадкого утенка. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. С. 374.

саждала ей. Зинаида Александровна признавалась, что у нее с болезнью ничья. Она не может победить свой недуг, но и недуг не может одолеть ее. О всех этих метаморфозах Померанц писал в «Записках гадкого утенка» с потрясающей честностью: «Не было учителя, который провел бы меня от проблесков к совершенному пробуждению. Некому было довериться – кроме Зины. Ей я сразу поверил. И хотя до сих пор не умею созерцать так глубоко, как она, – от нее я многому научился. Но она сама не все знала, – или не все могла, придавленная своей болезнью. И наконец, она была она, а я был я, и мне надо было найти самого себя, а не только видеть ее. И все же я сразу поверил ей, и это мне очень помогло»²².

Диптих, который неизменно входит в избранное и которым заканчивается посвященный памяти мужа сборник «Тайная скрижаль», каждый раз воскрешает дорогих мне людей. Я обращаюсь к нему, к этому признанию в любви, когда с новой силой хочу удостовериться в том, что любовь не от мира сего.

* * *

1.

Мы два глубоких старика.
В моей руке – твоя рука.
Мои глаза – в глазах твоих.
И так невозмутимо тих,
Так нескончаемо глубок
Безостановочный поток

²² Там же. С. 110–111.

Той нежности, что больше нас,
Но льется в мир из наших глаз.
Той нежности, что так полна,
Что всё пройдет, но не она.

2.

Мой сокровенный, тайный мой,
Какою бездною немой,
Каким безбрежьем тишины
С тобой мы соединены!
Я, в душу погрузясь твою,
До дальних далей достаю.
С минуты первой до сих пор
Из глаз в глаза течет простор.
Весь бесконечный небосвод
Из глаз моих в твои течет,
И нету ничего священной
Легчайшего прикосновенья.
Оно как тихое моление
И тайное богослуженье.
Глаза в глаза, ладонь в ладонь
И – разгорается огонь,
Который все сердца зажег,
Который высекает Бог²³.

Померанц уподоблял лесной костер внутреннему огню, сжигающему огню просветления. Порой они просиживали у костра весь зимний день...

У Миркиной есть прозаическое произведение «Ты или я?». Его жанр определить трудно. Подсказка со-

²³ Миркина З. А. Тайная скрижаль: Книга памяти Григория Померанца. М.: Время, 2014. С. 214–215.

держится во втором названии, которое дано в скобках: «Картины на тему Ветхого и Нового Заветов». Сама Зинаида Александровна называла этот опыт «плодом внутреннего созерцания» и посвятила «Ты или я?» Александру Меню. Его светлой памяти. Я перескажу своими словами главу, особенно дорогую мне. Она называется «Чудо Иоанна».

Умирала женщина, и Иоанн пришел к Учителю за помощью. Однако потревожить Его не посмел. Иисус стоял на берегу Генисаретского озера и хранил молчание. Какое-то время Иоанн колебался – он выбирал между жизнью этой женщины и тем глубоким покоем, в котором пребывал равви. Он точно знал, что пришел за конкретным советом, в конце концов, – за благословением, но ничего подобного в этот час получить не мог. Молчало озеро, молчало небо, молчал Учитель. И Иоанну постепенно передалось состояние Иисуса. И он успокоился. Конечно, он помнил о женщине, которая умирала, но ее жизнь была уже в руках Божьих. Через какое-то время Иоанн пошел к ней и, больше уже ни о чем не тревожась, вернул женщину к жизни.

Зинаида Александровна смотрела на огонь, в который подбрасывались сухие сосновые ветки, тем самым генисаретским, отрешенным от мира и одновременно полным сострадания и любви взглядом. Так же она смотрела в окно, на догорающую зарю, когда час и больше просиживала перед ним. На столе стоял фотопортрет Григория Соломоновича. Окно и портрет – два, а, точнее, один – один простор, один взгляд. Из окна открывался вид на Юго-Западный лесопарк и полыхающее, а потом медленно гаснущее небо. Бывало так, что я сидел рядом. Мы держались за руки. Ничего не

Слева направо: Роман Перельштейн, Зинаида Миркина, Галина Рудович, Ирина Воге. Снимок сделан за месяц до ухода из жизни Зинаиды Александровны. На снимке духовные дети Миркиной.

происходило, кроме того, что Создатель правил Вселенной. Зинаиде Александровне нужно было разделить с кем-то внутреннюю бесконечность, душу. Мысль могла мелькнуть в моей голове или птица за окном. И тогда я чувствовал себя самозванцем. Не я должен быть на этом месте. Не я, а кто-то внимательней меня, чутче, тише. И, зная, что никогда не заслужу прощения, я чувствовал, что уже прощен. И она, словно бы говорила: «Помолчи, мой мальчик. Помолчи». Вдруг сердце сжималось от нежности и боли. Сколько раз мы будем еще так сидеть? И она снова утешала, но без слов: «Мой мальчик, мой милый». Иногда я вообще не

понимал, что она видит. Но понимать и не требовалось. Нужно было только смотреть на ее зарю ее глазами, и тогда один из нас исчезал. То ли она – потому что это, все-таки, были мои глаза, то ли – я, потому что меня вообще никогда не было. За окном зажигался фонарь. И уже можно было говорить.

* * *

Что значит счастье? Счастье – это
Не я. – Исчезновение «я».
Совсем чиста душа моя,
Совсем порожняя посуда,
В которую втекает чудо
Из половодья бытия.
«Не я, не я», а только это
Сплошное половодье света,
Наплыв проточного огня.
Есть только он, и нет меня!
Вопросы? Но к чему вопросы,
Когда костер души разбросан
По всем мирам, и угольки
Его то здесь, то в поднебесьи, -
То звездной россыпью, то смесью
Лесов весенних и реки!..
О, этот ветер меж мирами,
Раздувший маленькое пламя
Души за страны, за края!
Великий ветер благодатный –
Мой дух... Так этот необъятный
И вездесущий – это я?!

Вот что она видела. И вот что я никогда бы не увидел, если бы не она. Да и увидел ли? Может быть, крупцу, самый край золотых одежд. А теперь вот раздуваю уголек. Ведь их костер должен гореть. На их костре не будут сжигать еретиков. Он гораздо опасней. На костре Померанца и Миркиной должно сгореть мое «я». И лучшее пламя – это «вся тишина». Лучшее пламя – это смотрящий на гладь озера Христос, и уже не отделимый от этой глади, от этих далей. Он всегда стоит на страже «огромного неземного покоя», в котором всё устроится само, всё сладится, всё утешится, всё исцелится любовью.

*Москва
Март 2019*

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

Анастасия Борисовна Дурова
(1908–1999)

Ив Аман

МОСТ, СОЕДИНЯЮЩИЙ БЕРЕГА

К 20-летию со дня кончины

Анастасии Дуровой

Празднование столетия со дня рождения Солженицына дает нам возможность вспомнить, в каких условиях он писал свои произведения, живя в СССР. Он долго скрывал писательскую деятельность, затем прятал написанное, опираясь на немногих людей, которых он называл «невидимками» и которым посвятил часть воспоминаний. Эти люди были его источником информации, они помогали ему перепечатывать рукописи, переплетать, фотографировать и прятать в тайники. Среди «невидимок»¹, портреты² которых явлены в мемуарах, есть Анастасия Борисовна Дурова, русская эмигрантка, жившая во Франции. Друзья с любовью называли ее Ася, и в этом году мы отмечаем двадцатилетие со дня ее

¹ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Пятое дополнение – «Невидимки» // Новый мир, 1991. № 12. С. 48.

² Ив Аман был с 1974-го по 1979 гг. атташе по культуре в посольстве Франции в СССР. Вместе со своей женой Сюзанной он также сыграл свою роль «невидимки», и Солженицын упомянул о нем в своей книге «Бодался теленок с дубом». Ив Аман был первым переводчиком «Архипелага ГУЛАГа» на французский язык.

Он был близок к отцу Александру Меню, много помогал христианам, диссидентам. Он написал книгу об Александре Мене, изданную на многих языках, в том числе, и на русском: «Отец Александр Мень Христов свидетель в наше время». М.: Рудомино, 1995. (Прим. ред.)

кончины. Анастасия Дурова не ограничивалась одной только переправкой на Запад произведений Солженицына, она, как мост, как паромщик, связывала два берега, два мира³.

Ася родилась 23 августа 1908 года в Луге. Она росла в дворянской семье, которую вскоре закрутило смерчем Первой мировой войны, а затем разметало революцией. Ее отец был офицером, служил при Генеральном Штабе императорской армии, затем у белых, которые отправили его с поручением во Францию, пока семья оставалась в России. Ася вместе с матерью присоединились к нему в Париже в 1919 году, проделав путь через Новороссийск и Константинополь. А ее бабушка по отцу, вместе с младшей сестрой, Надеждой смогли добраться до Франции только 4 года спустя. Вторая сестра Аси, Татьяна, родится уже во Франции. Ася бережно хранила в душе воспоминания детства: о дедушкиной и бабушкиной квартире на набережной Невы в Санкт-Петербурге, о жизни в Нижнем Новгороде, о путешествии на Кавказ, в Джугбу, о доме, разграбленном зелеными⁴, о последних месяцах в Новороссийске, о буре, которая застигла их в Черном море. Кроме того, в ней жила вера, очень личная и глубокая. И, без сомнения, Ася унаследовала свободолюбивый характер и самостоятельность от своей знаменитой тетки по отцовской

³ Ася написала мемуары на французском языке, частично переведенные на русский, изданные и дополненные письмами, которые она получала из Ленинграда от бабушки с 1922 по 1940 гг. *Дурова А. Б., Свиньина Е. А.* Россия – очищение огнем. Письма внучке. М.: Рудомино, 1999. 650 с.

⁴ Вооруженные банды, которые во время Гражданской войны сражались как против белых, так и против красных.

линии, Надежды Дуровой, той самой, что сбежала из родительского дома, поступила в кавалерию, выдав себя за мужчину, и участвовала в многочисленных битвах с Наполеоном, будучи адъютантом Кутузова. Все это Надежда Дурова описала в «Записках», имевших успех и отмеченных Пушкиным.

Когда Ася оказалась во Франции, ее отец стал подыскивать школу, которой он мог бы доверить воспитание дочери. В будущем он сам станет одним из основателей лицея для детей русских эмигрантов в Париже, но пока обстоятельства сложились так, что Ася поступила в коллеж для девочек, который за несколько лет до этого был открыт Мадлен Даниелу (Madeleine Daniélou), матерью семейства, стремившейся предоставлять девочкам христианское образование в условиях сложившегося во Франции враждебного отношения к Церкви. Мадлен Даниелу и несколько студенток, разделявших ее идеи, объединились в ассоциацию, которая в дальнейшем переросла в Апостольскую общину святого Франциска Ксаверия (Communauté apostolique Saint-François-Xavier), черпавшего духовное вдохновение в учении святого Игнатия Лойолы. Члены общины дают обеты безбрачия и послушания и, в основном, посвящают себя преподаванию. Итак, в одиннадцать лет Ася поступила в коллеж Сент-Мари-де Нейи (Sainte-Marie-de-Neuilly) в пригороде Парижа. Там она пережила сильное духовное потрясение. Ася проводила своих подруг в часовню, которую находила уродливой и где она чувствовала себя чужой, ничего не понимая в проходивших там службах латинского обряда. Но однажды, придя на первое причастие своих младших подруг (в католичестве дети впервые причащаются в семь лет), она

внезапно почувствовала присутствие Бога и ей неудержимо захотелось подойти к причастию. Но чтобы причащаться вместе со всеми, ей нужно было формально войти в Католическую Церковь. Асе уже исполнилось четырнадцать, и, согласно тогдашнему каноническому католическому праву, она считалась совершеннолетней. Ее просьба была рассмотрена церковным начальством, разрешение было получено, и она смогла, наконец, принять причастие.

Этот Асин поступок часто воспринимали неправильно, и ей приходилось объясняться. У нее и в мыслях не было отречься от православной веры, но в условиях того времени только переход в католичество давал ей возможность утолить жажду Евхаристии. Более того, на протяжении всей жизни Асю глубоко воодушевляло стремление к единству Церкви, и она никогда не думала об обращении России в католичество, как об этом впоследствии напишет Солженицын.

В коллеже Сент-Мари-де Нейи учились десятки внушек русских эмигрантов, которым Мадлен Даниелу старалась предоставить помощь, но больше ни одна из них не перешла в католичество. Среди воспитанниц были, к примеру, Ульяна Осоргина, впоследствии жена о. Александра Шмемана, Мария Казен-Бек, которой было суждено выйти замуж за князя Михаила Чавчавадзе и вернуться вместе с ним в СССР после войны, как это произошло со многими русскими эмигрантами, поверившими, что отныне Сталин будет следовать новой политике.

Ася ничего не сказала родителям о переходе в католичество, и когда ее отец случайно узнал об этом, он был возмущен и, более всего, тем, что она совершила

это тайно от семьи, и в течение двух лет не сказал дочери ни единого слова. В дальнейшем, помирившись с отцом и чувствуя призвание к религиозной жизни, Ася вступила в Общество святого Франциска Ксаверия, дав временный обет в 1929 году и принесла окончательные обеты в 1937 году. Вначале она оставалась при коллеже Сент-Мари-де Нейи. Затем Мадлен Даниелу основала бесплатные школы в рабочих пригородах Парижа, и Ася стала ответственной за детский сад. Параллельно она получила диплом медсестры, и эта профессия очень пригодилась ей во время войны.

По окончании войны, Ася услышала о нарождавшемся экуменическом движении от сына Мадлен – о. Жана Даниелу (р. Jean Daniélou, 1905–1974), будущего кардинала. Асе удалось провести Страстную неделю и Пасху в бенедиктинском аббатстве Шеветонь (Chevetogne)⁵. Его основатель, о. Ламбер Бодуэн⁶ (Lambert Beauduin, 1873–1960) был одним из пионеров экуменизма, движения, которое еще только прокладывало себе трудную дорогу в католическом мире. По-настоящему экуменическое движение получило признание только на II Ватиканском соборе (1962–1965). По замыслу о. Ламбера, призвание аббатства определяется тем, что братия монастыря живет одновременно в двух литургических традициях (византийско-славянской и римо-католической), познавая единство веры в глубине своего духовного опыта, и прежде всего, в Евхаристии. После по-

⁵ См. «Шеветонь. Путь единения – путь креста» // Христианос-III. Рига: ФИАМ, 1994. С. 140–159. (Прим. ред.)

⁶ См. *Эггендер Николай, священник*. «Отец Ламбер Бодуэн и экуменизм» // Христианос-Х. Рига: ФИАМ, 2001. С. 17–30. (Прим. ред.)

сещения аббатства в Асе вновь окрепло стремление служить России, но она пока не видела способов его осуществления.

Отец Жан Даниелу посоветовал ей вступить в Общину св. Иоанна Крестителя, члены которой посвящали себя молитве, и где он был духовником. Одной из задач Общины была подготовка людей, способных свидетельствовать о Христе вне границ католического мира. Было создано несколько групп; для одной целью был Китай, для другой – Индия, для третьей – мир рабочих во власти идей марксизма. И наконец, одна из групп была ориентирована на Россию. В этой группе Ася познакомилась с Элен Пелтье (Hélène Peltier), будущей женой польского скульптора Августа Замойского (Zamoyski), а также с Жаклин де Прояр (Jacqueline de Proyart). Обе они были связаны с Борисом Пастернаком.

Параллельно всем этим делам внутри общины Ася занялась изучением русского языка в Институте восточных языков. Конечно же, она знала русский язык и русскую литературу, но ей не хватало академического образования.

Она стала посещать своеобразный культурный клуб, где после занятий собирались некоторые слушатели курсов русского языка – Очаг Двух Медведей (Foyer de Deux Ours), который основали два католических священника византийского обряда, о. Поль Шалей (р. Paul Chaleil) и о. Бернар Дюпир (р. Bernard Dupir). После рукоположения, о. Поль Шалей был послан в Китай кормить общину русских эмигрантов в Харбине. Когда началась китайская революция, он был арестован, выдан советским властям, приговорен к десяти годам

ГУЛАГа и освобожден благодаря многочисленным ходатайствам французской стороны. Этот культурный клуб сыграл важную роль в развитии интереса к русской религиозной культуре и православию среди студентов-католиков, которые в те годы изучали в университете русский язык. Когда, после смерти Сталина и десталинизации, приоткрылись границы, клуб стал организовывать для своих членов туристические поездки в СССР. Ася записалась в одну из самых первых поездок, в августе 1959 года. Она покинула Россию 40 лет назад, и встреча с Родиной потрясла ее до глубины души. В Ленинграде Ася разыскала могилу деда по материнской линии, генерала Александра Дмитриевича Свинына, скончавшегося в 1913 году. В дальнейшем, в каждый свой приезд в Ленинград, Ася всегда приходила молиться на эту могилу. Затем ей удалось найти квартиру своей бабушки Жени, Евгении Александровны Свиныной, с которой она переписывалась до Второй мировой войны. Одна из соседок рассказала ей о последних годах бабушки, о блокаде Ленинграда и о ее смерти. Она передала Асе последнюю весточку от бабушки: бережно сохраненные икону, вышитое бабушкой полотенце и несколько фотографий. Как многих жителей города, погибших от голода, Евгению Александровну похоронили в общей могиле.

Ася воспользовалась поездкой своей группы в Москву, чтобы посетить Переделкино и встретиться там с Борисом Пастернаком, к которому у нее было поручение от Жаклин де Прояр.

В 1961 году Ася шесть недель проработала в Москве переводчиком на большой французской выставке. Это

был очень важный проект: выставка не была художественной, но позволяла посетителям открыть для себя разные аспекты культурной и экономической жизни Франции. К тому же, МИД Франции нанял в качестве переводчиков многих русских эмигрантов, которые, таким образом, получили возможность увидеть страну своих предков и познакомиться с разными людьми. Так, Кирилл Александрович Ельчанинов (сын священника Александра Ельчанинова), убедившись воочию насколько сильной была духовная жажда нового поколения советских людей, решил, по возвращении в Париж, наладить подпольную отправку в СССР религиозной литературы, для чего создал во Франции «Фонд помощи верующим в СССР» (« Aide aux croyants de l'URSS »).

Ася тоже завязала множество знакомств. Одним из самых важных было знакомство с Андреем Синявским⁷, которое произошло благодаря Элен Пелтье-Замойской.

Ася много лет старалась трудиться для России, чувствовала в себе призыв «отдать себя своему народу».

Наконец, в 1964 году, неожиданно представился замечательный случай. Послом Франции в СССР был назначен вдовец. Ему нужна была помощница, способная вести хозяйство, а также наладить взаимоотношения сотрудников посольства с различными советскими

⁷ Андрей Донатович Синявский (1925–1996) литературовед и писатель. После публикации на Западе (под псевдонимом Абрам Терц) ряда произведений, в 1965 г. был арестован и осужден на семь лет лагерей строгого режима (Мордовия). После освобождения не имел права жить в Москве. В 1973 г. был вынужден эмигрировать, жил во Франции, где и скончался. (*Прим. ред.*)

учреждениями. Эту должность предложили Асе. Получив одобрение своей религиозной общины, она с радостью согласилась.

В нерабочее время Ася с удовольствием принимала у себя приезжавших в Москву французов, беря на себя труд познакомить их со страной, ее культурой и верой.

Уходя с территории посольства, Ася умела раствориться в толпе, благодаря типично русской внешности и владению русским языком – родным языком! Как-то раз ей понадобилось выйти за покупками, но в это время, по случаю приезда в Москву президента Французской Республики, квартал оцепили милицией. Когда она возвращалась домой, один из милиционеров окликнул ее: «Бабуля, куда прешь!» И ей стоило немалых усилий убедить его, что она просто возвращалась к себе.

Ася встречалась с молодыми людьми, не принимавшими советскую идеологию и находившимися в духовном поиске. Еще в начале своего пребывания в Москве, она побывала на крещении, которое тайно совершал о. Дмитрий Дудко. В 1966 году одна из французских студенток, стажировавшихся в Москве, познакомила Асю с Евгением Барабановым, одним из первых духовных детей о. Александра Меня. Евгений Барабанов в свою очередь представил ее и самому о. Александру. На их первой встрече, о. Александр нарисовал ей подробную картину религиозной жизни в СССР: разрушение Церкви, религиозная безграмотность, духовный голод, отсутствие книг. Ася отдала ему все, привезенные для себя, книги. Потом она стала получать книги из Франции с диппочтой.

*Анастасия Дурова,
г. Гатчина (Ленинградская
обл.), июнь, 1968 г.*

Благодаря ей религиозная литература распространялась среди молодых новообращенных христиан. Но не только книги они получали от Аси, она была для них источником моральной и духовной поддержки. Отец Александр тоже давал ей читать свои произведения, ходившие в самиздате. Ася решила, что эти труды должны быть изданы, и поделилась идеей с подругой Ириной Посновой, русской эмигранткой и католичкой,

как и она сама. Ирина основала в Брюсселе «Очаг Восточных христиан» (« Foyer Oriental Chretien ») и маленькое издательство «Жизнь с Богом» (« La Vie avec Dieu »), где на русском языке публиковалась религиозная литература для советских граждан, оказавшихся в конце Второй мировой войны в Европе, в лагерях для «перемещенных лиц».

Узнав о существовании рукописи о. Александра «Сын Человеческий» Ирина Поснова предложила о. Александру ее напечатать. Ася Дурова взялась передать рукопись. Решено было опубликовать ее под псевдонимом. И в 1968 году Ирина издала книгу о. Александра «Сын Человеческий», под псевдонимом А. Боголюбов.

За этим последовало тесное и плодотворное сотрудничество между о. Александром и издательством «Жизнь с Богом», в котором вышли все основные его работы, а также книги по его рекомендации. По этому поводу одна из прихожанок о. Александра придумала шуточную загадку: откуда берутся духовные дети – их находят в капусте... брюссельской.

Благодаря Асе Евгений Барабанов смог поддерживать переписку с Никитой Струве⁸. Ей удалось даже организовать их встречу в Варшаве, куда Евгений попал в составе делегации советских мастеров декоративного искусства. Именно так Евгений и его друзья, в особенности Михаил Меерсон-Аксенов, начали регулярное сотрудничество с Вестником РХД, присылая статьи, которые выходили под псевдонимами, и множество других материалов.

Отец Александр Мень дружил с Солженицыным, их встречи начались в середине 60-х годов. Однажды Солженицын пожаловался о. Александру, что некоторые его произведения, ходившие в самиздате, попали на Запад пиратским способом и были очень плохо изданы. Отец Александр рассказал ему, что у него есть свой канал. Иметь такой канал стало мечтой Солженицына, и о. Александр предложил свою помощь. Между тем, было очень рискованно напрямую связывать Солженицына, за которым слишком следили, с Евгением и Асей. Солженицыну сказали, что у Евгения в посольстве был некий знакомый по имени Вася, и что с его, Солженицына, стороны тоже был нужен

⁸ Никита Алексеевич Струве (1931–2016) – литературовед, переводчик; директор издательства «УМСА-Press» (Париж), главный редактор журнала «Вестник РХД». (Прим. ред.)

*Анастасия Дурова.
Август 1968 г.*

дополнительный посредник. Им стал молодой историк Вадим Борисов (1945–1997). Так, с помощью Вадима Борисова, Евгения Барабанова и «Васи», Солженицын познакомился с Никитой Струве и решил доверить ему издание своих произведений. В феврале 1971 года Солженицын отправил через этот канал машинописный экземпляр романа «Август Четырнадцатого». Но сложность была в том, что у Аси не было дипломатического паспорта, для нее был очень большой риск перевозить рукопись в своем багаже. Ее могли обыскать на границе. Тогда она уговорила взять посылку сотрудника посольства, который собирался во Францию в отпуск. Это был один из полицейских, отвечавших за безопасность внутри посольства, и имевший дипломатический паспорт. Ася купила коробку шоколадных конфет, заменила конфеты на рукопись и сказала, что это подарок для ее пожилой матери. Полицейский с удовольствием взялся за это поручение, которое для него не было ни рискованным, ни хлопотным. Вот так «Август Четырнадцатого» оказался во Франции.

Несколько месяцев спустя, в мае 1971 года, Солженицын таким же способом переправил за границу са-

мую важную часть своего архива на микропленках, в том числе «Архипелаг ГУЛАГ».

И только уже будучи высланным из СССР, он познакомился с «Васей», и узнал, что это была Анастасия Дурова, а совсем не «Вася», и вообще не мужчина.

Среди многочисленных друзей Аси нужно особенно отметить Ольгу Николаевну Вышеславцеву. Оставшись вдовой, она тайно приняла постриг и жила как монахиня в миру. Ольга Николаевна была духовным наставником для многих новообращенных христиан и даже священников. Ася много общалась с ней и щедро снабжала ее книгами.

Также Ася была хорошо знакома с митрополитом Никодимом (Ротовым, 1929–1978) и много раз встречалась с ним в загородной резиденции отдела внешних церковных связей Московской патриархии в Серебряном Бору и в Ленинграде. Она видела в нем человека грубокой веры, очень отличавшегося от негативного образа, сложившегося о Владыке за рубежом и среди диссидентов.

Ася перестала работать в посольстве Франции в Москве в 1974 году, но еще какое-то время оставалась в Москве у своей младшей сестры Тани, которая только только начала работать в консульстве. Ася окончательно уехала из страны в 1977 году, но регулярно возвращалась в СССР, в особенности, с началом «Перестройки». Во Франции, в своей келье в Нейи, находясь среди множества привезенных из России вещей, Ася рассказывала всем, кто этим интересовался, – о России, ее парадоксах, религиозной ситуации, о православии.

8 июня 1999 года Ася, Анастасия Борисовна Дурова, умерла, завершив жизненный путь верующего человека, послужив единству Церкви, в любви к Франции и России, осуществив свое призвание.

Maisons-Laffitte, France

Апрель 2019

*Перевод с франц. Марии Барулиной
под ред. Наталии Большаковой-Минченко*

Коста Каррас

Коста Каррас – с 1976 г – вице-президент Федерации европейских организаций по сохранению культурного достояния Europa Nostra, член Совета Elliniki Etairia – общества по сохранению природного и культурного достояния (Society for the Environment and Cultural Heritage). Был президентом Студенческого христианского движения Оксфордского университета, членом православно-англиканского Содружества свв. Албания и Сергия, сопредседателем комиссии по Тринитарной доктрине Британского Совета Церквей от Православной Церкви. С 1978 года – член Епархиального Совета Сурожской епархии, который покинул в 1999 году в должности президента.

ЖИВАЯ ЕПАРХИЯ В СЛУЖЕНИИ БОГУ ЖИВОМУ

Митрополит Антоний (Блум) и Сурожская епархия

Отец Антоний был необычайно глубоким человеком и, как никто другой, был способен открыть глубину духовного опыта тем, кто его окружал. Всякий раз это была личная встреча, внутренне соотнесённая с его собственным опытом встречи с Живым Богом и полной самоотдачей живой Церкви, установленной Христом, пронизанной Святым Духом, которой он служил.

Каждая встреча была неповторима, потому что каждому человеку отец Антоний открывался с новой стороны. Это неудивительно. Только Бог видит человека во всей его полноте. Обычно друзья и ученики великого наставника, как это и было в древних Афинах с

Сократом, воссоздают не столько его подлинный образ, сколько то, каким он представлял в общении с ними. Это не только обычно, но и неизбежно, поскольку наше представление о другом человеке рождается из неповторимой встречи и единственного в своём роде опыта отношений. Следовательно, приходится принять эту неизбежность и стараться избежать искажений, к которым она может привести.

Поэтому, прежде чем говорить об отце Антонии, стоит рассказать о том, как складывались наши отношения. Собственно, почему для меня он – «отец» Антоний? Когда я познакомился с ним в конце 1955 года, он был священником, причём в моих глазах, глазах невежественного семнадцатилетнего мирянина, священником, который вряд ли когда-нибудь станет епископом. Когда в конце 1957 года он стал епископом, я по-прежнему обращался к нему: «отец», и так продолжалось в течение сорока четырёх лет, пока я не покинул епархию в 1999 году. В Англии есть люди, которые познакомились с ним раньше, чем я; немало и тех, кто может рассказать о последних годах его жизни больше чем я. Более того, многие встречались с ним значительно чаще, чем я – в первую очередь, священники, служившие с ним.

Отец Антоний обладал даром проникать в душу другого человека и просвещать её. Но сам он, охотно касаясь прошлого, относительно мало говорил о том, что переживал в настоящем; за одним исключением, о котором я скажу позже. Я подозреваю, что отчасти это объясняется опытом отца Антония, который рос единственным ребёнком в семье, и притом в трудных обстоятельствах. Я прекрасно понимал эти условия, поскольку сам был

единственным ребёнком и воспитывался вдали от своих родителей. Такой опыт способствует как самодостаточности, так и, что менее заметно, непрерывному исследованию тайны отсутствия Другого. Однако это переживание не располагает к слишком откровенной беседе, которая легко даётся (но необязательно) людям, росшим с братьями и сёстрами. Это тем более верно, если оба участника встречи обладают этой чертой.

Был ещё один фактор, который одновременно и объединял, и разделял нас. Мы оба были воспитаны в православной диаспоре; пусть это и было меньшинство, но оно, благодаря своему уникальному опыту в последние сто лет, имело огромное значение не только для отдельных православных христиан, но и для развития всего православия в XX столетии.

Воспитание в диаспоре, как правило, проявляется трояко. Многие отвергают ценности диаспоры, предпочитая им ценности новой родины. Другие идеализируют своё происхождение, подчёркивают свою национально-религиозную идентичность, противопоставляя её месту своего нынешнего проживания. При этом часто забывается, что их идентичность неизбежно претерпела некоторые изменения в процессе адаптации к особым условиям диаспоры. Третья группа стремится к диалогу между отличающимися друг от друга традициями и осознанно преодолевает возникающее при этом напряжение.

Второй подход наиболее характерен для первого поколения живущих в диаспоре, а третий – для тех, кто принадлежит ко второму или последующим поколениям эмиграции.

Отец Антоний принадлежал к первому поколению русской диаспоры, в ранние годы жизни он воспринял специфически русскую традицию крайнего патриотизма – консервативную, иерархическую и антикоммунистическую. Это было свойственно ему до его обращения, когда он, подросток-атеист, чтобы обосновать своё отвержение веры, стал читать Евангелие от Марка и вдруг почувствовал, что напротив него сидит Христос. На одной из наших встреч в 1958 году он полусуто назвал тогдашнего себя «националистом». Позже, в качестве епископа и митрополита, он формировал и поддерживал в Сурожской епархии совсем другие ценности. Тем важнее понять, с чего он начинал, чтобы по достоинству оценить пройденный им путь.

Я же принадлежал ко второму поколению эмиграции, которая была обусловлена экономическими, а не политическими причинами. Мой опыт подвёл меня к деятельному отождествлению себя как с моим происхождением, так и с обществом, в котором я жил. И я достаточно рано пришёл к выводу, что опыт ранней Церкви, которая преодолела первоначально доминировавшее в ней чувство иудейской исключительности и переродилась в христианскую общину, разделявшую более широкую культуру, но не отождествлявшую себя с миром, есть наилучший способ свидетельства для православной диаспоры в наше время, и я восхищался таким же выводом отца Антония, но отнюдь не тем, с которого он начинал.

Для начала опишу четыре грани свидетельства отца Антония. Первая и, я уверен, важнейшая, поскольку она выражает суть его опыта, касается глубокой молитвы, особенно богослужебной молитвы. Богослуже-

ния, которые возглавлял отец Антоний, были прежде всего молитвенными, без каких бы то ни было драматургических элементов, допускавшихся им только на Пасхальной заутрени. Он предпочитал отказаться от яркой символики архиерейского богослужения и сосредоточить наше внимание на том, на чём он сам был сосредоточен, а именно – на литургическом последовании благодарения и сопричастия Трёх Лицам Святой Троицы.

Опыт моей юности составляли богослужения в англиканских храмах, в храмах на греческих островах и в храме святой Софии в Лондоне на Страстной неделе. Первое посещение в 1956 году собора на Эннисмор Гарденс, где служил отец Антоний, стало для меня откровением и переворотом. Это было моим поистине первым переживанием вечности на земле, опытом, основанном на глубокой молитве, в которую отец Антоний вовлекал всю общину. Лучше всего этот опыт передают его слова (они мне встретились гораздо позже) о том, что время вливается в вечность через воскресшего Христа. В благодарении Богу (в Евхаристии) нам иногда дается это блаженное прозрение.

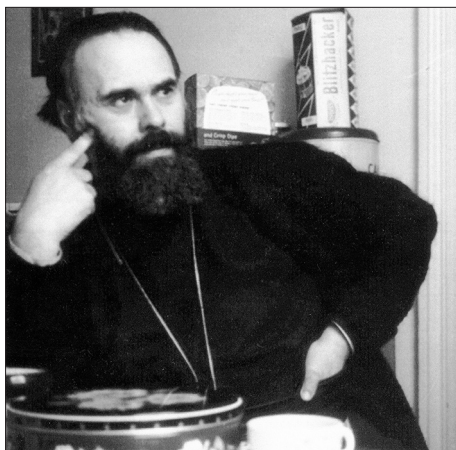
Есть доля иронии, в чём-то символичной, что в третий раз я пережил такой опыт незадолго до конца моего пребывания в епархии, когда по просьбе одного из британских телеканалов я комментировал ход литургии, находясь в передвижной телестудии. В находящейся в центре фигуры отца Антония, окружённого сослужащими ему священниками, преклонившими головы после освящения Даров, была та же молитвенная глубина, без всякой театральности. Именно это живёт в сердцевине моих воспоминаний о нём и питает его

образ, который я сохраню навсегда – в точке пересечения времени и вечности.

Молитвенная сосредоточенность, или «внимательное молчание», скрывающееся за ектеньями и песнопениями литургии, внутренне присуще структуре православного богослужения. Но оно может быть утрачено, если община предпочтёт своей цельности как народа Божьего, собранного в одном месте, социальную или этническую общность. Именно цельность, с которой отец Антоний отдавался своему священнослужению, позволила ему вести за собой общину и помогала нашей молитве стать подлинно молитвой народа Божьего. Так было в годы его священства, задолго до его общецерковной известности.

Как трудно, почти невозможно христианской общине сохранить свою цельность! Причина очевидна: даже если отбросить явно второстепенную и подчинённую роль интересов отдельных этнических и общественных групп, само Евангелие и церковное Предание бросают нам главный вызов. Они призывают нас идти к совершенству не через приобретение добродетелей и ещё менее через свершение добрых дел, а через обращение всей жизни целиком к Богу, которое начинается с открытой и чреватой риском любви к другому. Насколько проще этого путь исполнения добрых дел, и как легко последнее способствует желанию противопоставить себя другим, порождает лицемерие вместо цельности!

Отец Антоний – яркий образец цельности священнослужителя не только на богослужении, но и как исповедника и духовного наставника. В этом проявилась вторая важная грань его свидетельства.

Владыка Антоний, 1967 г.

Знавшие его согласятся, что отец Антоний обладал уникальным даром духовного видения и понимания приходивших к нему людей. Таким был и мой собственный опыт. Через исповедание конкретных грехов о. Антоний проникал в глубины личности другого, вскрывал свойства, которые определяли жизненную позицию человека, не для того чтобы подвинуть его к исправлению тех или иных ошибок, но, чтобы он заново обратился к Богу. Это был ключевой момент в созидании здоровой литургической общины, ибо перед нами ставились требования скорее экзистенциального, нежели морального порядка. Так нам было легче избежать лицемерия и осуждения других.

Никогда нельзя быть полностью уверенным в успешном достижении такой цели. Несомненно, духовная жизнь во всех христианских традициях предполагает борьбу с нашими природными свойствами и стяжание евангельских даров, изначально, возможно, нам несвой-

ственных. Кроме греха осуждения и лицемерия, нашей цельности угрожала опасность, исходящая от пиетизма, свойственного русской традиции, и от ещё более сильной традиции морализма английской духовной жизни. По моему мнению, опасность осуждения и лицемерия в духовной жизни гораздо меньше в тех странах, где отсутствует сильная традиция пиетизма или морализма, как, например, в Греции. Однако существует опасность другого рода, о которой я уже упоминал: вместо того, чтобы свидетельствовать миру о преображении одним своим существованием, литургическая община ассимилируется с окружающим обществом. Духовное руководство отца Антония давало нам пример радикального сопротивления этим двум крайностям.

В связи с этим я хотел бы отметить, что отец Антоний постепенно менял своё отношение к частой исповеди. Он никогда в полной мере не принимал укоренённого в Русской Православной Церкви обычая обязательной исповеди перед причастием. С течением лет он всё резче восставал против этой практики, отчасти потому, что она ведёт, как он говорил, скорее, к косности и ханжеству, нежели к деятельному духовному усилию, когда человек берёт на себя ответственность. Я уверен, что его цельность восставала против негативных последствий этого обычая, и он совсем отошёл от него ради того, чтобы исповедь оставалась живым (а в его присутствии – часто опаляющим) духовным опытом, приносящим не только прощение, но исцеление и возрождение.

Его экзистенциальная связь с Богом, столь отличная от судейской манеры осуществлять священническую власть в прощении грехов, проявлялась и тогда, когда

он исполнял служение духовного наставника вне исповеди. В отце Антонии своеобразно сочеталось то, что я называю консервативным и радикальным традиционализмом. По крайней мере, мне непросто было предугадать, как он отнесётся к тем или иным вопросам. Так, он был консерватором в том, что касалось частого причащения, он всегда обращал внимание на тщательность подготовки к нему. Он настаивал и на том, что причастию должно сопутствовать соблюдение, по возможности, ритма церковных праздников и постов, чтение покаянных молитв перед литургией и внимательное присутствие на всём протяжении евхаристической службы.

С другой стороны, он был готов пойти на духовный и физический риск, который для многих может показаться чрезмерно высоким. Как участник Сопротивления в оккупированной Франции, он, например, понимал, почему мы с Лидой (моей женой) принимали активное участие в оппозиции Греческой хунте (так мы и встретились с Лидой). Он признавал необходимость активного сопротивления политическому злу, но лишь при условии, если это сопротивление даёт другим людям возможность жить в свободе и не ставит своей целью борьбу за власть. Так, при других обстоятельствах, несколько лет спустя, он дал мне разумный совет, впоследствии проверенный на практике, как в приемлемых формах сопротивляться попыткам коммунистов захватить судоремонтный завод, принадлежавший тогда моей семье.

Перехожу от вопроса исповеди к третьему аспекту, а именно – к его проповеди и к говениям, которые отец Антоний проводил во время постов перед Рождеством

и Пасхой и на которых он объединял беседы о значении этих праздников с общей исповедью. Эти говения не только помогали тем, кто в них участвовал, преображать в себе «ветхого» человека в «нового», но и формировали идентичность самой епархии. Я не знаю, была ли форма этих говений выработана самим отцом Антонием, но они, несомненно, содействовали тому, чтобы проповедь и экзистенциальный отклик на неё тесно переплетались.

Совершенно естественно, что, когда приходится проповедовать и выступать так часто, как отцу Антонию, невозможно избежать повторов – как самого себя, так и других. Отец Антоний много читал. Он мог на память цитировать священные тексты других религий. Помните, когда он сослался как-то на одного арабского писателя, у меня тут же мелькнула мысль, что это похоже на то, как сказано о Боге в Коране: Он к каждому из нас ближе чем яремная вена. Но при этом отец Антоний был настолько твердо укоренен в православной традиции, что я никогда не слышал, чтобы его отсылки были не согласованы с разнообразием духовного опыта нашей традиции.

В его проповеди церковное Предание оживало. Оно остаётся живым наследием Церкви в той мере, в которой каждый, кто знал отца Антония, смог усвоить его и воплотить в своей жизни. Именно те, кого он учил и кому сослужил как священник, и есть его живое наследие, и наша задача – быть верными его свидетельству.

Говоря об отце Антонии как проповеднике, я хотел бы отметить ещё два момента. Во-первых, не нужно выискивать источники его мысли или сетовать на то, что он не всегда раскрывал их. Подчёркивать оригиналь-

ность свойственно научной мысли или тем областям творчества, где своеобразие концепции и её реализации – главный критерий оценки. Однако это почти несущественно в христианской православной традиции, в которой ценность и убедительность частных мнений подчинена полноте учения. Под «полнотой» я подразумеваю как целостность проповеди, так и отношение провозвестия к живому Преданию Церкви. Как проповедник отец Антоний выражал эту «полноту» в высшей степени в обоих смыслах. Он жил христианским служением, в аскезе и настоящей бедности в процветающем городе. Один православный иерарх в Англии был шокирован, узнав, какая у него зарплата. Такой образ жизни происходил из горячей преданности Живому Богу и Церкви. Провозглашая учение Церкви, он не боялся бросать вызов миру. Как не стеснялся он бросать вызов и самой Церкви, напоминая ей о её Предании, если оно игнорировалось ею.

Вторая особенность отца Антония как проповедника (наряду с признанными его влиянием и силой) в том, что большую часть своей жизни он проповедовал на двух языках двум совершенно разным аудиториям. Его горячая преданность Церкви, в которой он служил, соответствовала столь же горячему участию в судьбе угнетаемой Церкви в России.

Сейчас уже трудно представить себе, как страдала Русская церковь при советском режиме. Существенно помнить, насколько важной частью служения отца Антония были его радиопередачи на Би-Би-Си для русских слушателей. Единство с гонимой тоталитарным государством Церковью и служение ей требовали от него осторожности. В его положении открытые выска-

зывания против режима и их одобрение антикоммунистической Великобританией могли подвергнуть угрозе нечто более важное для него, а именно – служение сотням тысяч русских людей. Он никогда не встречался с ними, но они отождествляли себя с ним, и за них он чувствовал ответственность перед Богом, как и за нас, гораздо менее многочисленных, собранных вокруг него в Сурожской епархии.

Именно потому, что я не русский, мне хочется рассказать о двух историях, которые иллюстрируют глубокую преданность отца Антония России: одна из них относится к началу, а вторая к концу того долгого периода, что мне довелось знать его.

Первая касается гонений на Русскую церковь в хрущевские времена. Во время поездки в СССР группы студентов Ирины Кирилловой, в переполненном народом монастыре пожилая женщина передала одной из студенток длинную петицию. Этот документ, содержащий душераздирающее описание преследования христиан и закрытия церквей, Ирина Кириллова передала отцу Антонию, который попросил меня ознакомить с описанными событиями британскую прессу. Один из моих друзей, бывший на то время журналистом, а позднее членом Европейского парламента, Николай Бетелл, владевший русским языком, подтвердил достоверность документа и написал о нём подробную статью в «Таймс». Он был уверен, что статья будет опубликована. Однако в последнюю минуту статью не пропустил, как мне рассказал Николай, редактор иностранного отдела, некий Макдермотт, на том основании, что это может повредить положению только что аккредитованного в Москве корреспондента «Таймс». Тогда Николай отнёс

статью Флойду в «Дейли Телеграф», где ему сказали, что читатели этой газеты религией не интересуются. Затем уже я обратился к Виктору Зорза из газеты «Гардиан», но всего лишь для того, чтобы услышать от него по телефону, что он в последнее время и так слишком много писал о религии в России. Меж тем его статья, в которой он писал о притеснениях во время пасхальной службы никоим образом не касалась повсеместного в то время гонения на Церковь.

К этому моменту я уже понял, что вопреки убеждению большинства жителей Великобритании, не было не только никакой уверенности в том, что правдивая и заслуживающая внимания новость будет опубликована в одной из серьёзных газет, скорее наоборот – разве только в том случае, если эта публикация будет представлять актуальный интерес и будет выгодна государственной идеологии Великобритании или идеологическим установкам газеты. Николай посоветовал мне обратиться к профессиональным антикоммунистам и предложил связаться с Уолтером Лакером из журнала «Энкаунтер». Я нанёс ему визит и получил столь же отрицательный ответ, но он, по крайней мере, привёл мне два аргумента: один из них был лучшим, другой худшим из всех тех, что мне пришлось выслушать в ходе всей этой печальной истории. Первый заключался в установке этого последовательно антикоммунистического журнала на свободу выражения мнений, поэтому для него было бы контрпродуктивным – как для тогдашнего курса «Энкаунтера», так и для нового в будущем – расширение сферы своей антикоммунистической деятельности. Лакер даже присовокупил: «В любом случае, гонения пойдут Церкви на пользу». Не

взирая на кипевшее во мне возмущение, которое было готово излиться во встречном возгласе: «А вам пойдёт на пользу участие в сокрытии этих гонений?», я принял его предложение встретиться с Виктором Франком, занимавшимся вопросами религии.

Покинул я «Энкаунтер» в блаженном неведении о том, что в то время этот журнал частично финансировался ЦРУ. Виктор Франк был предельно доброжелателен — он, конечно же, может написать статью о церковных гонениях, и он уверен, что «Таблет»¹ будет заинтересован в этой публикации. Я попросил его дать мне время, чтобы я смог подыскать газету или журнал нерелигиозного направления. Однако именно времени он мне не дал, и следующее, что я услышал: «Статья будет опубликована в следующем номере “Таблет”». Я попросил копию статьи и пришёл в ужас от её направления. Статья точно передавала содержание документа в той его части, где критиковалось бездействие церковной иерархии в отношении преследования верующих мирян и закрытия приходов, но подавалось это так, как будто было началом поворота на пути христиан от православия к Риму.

Тут мне в первый раз, и я рад признаться, что в последний, довелось быть цензором. Статья была уже сдана в печать — в Борнмуте, если мне не изменяет память. Туда я и позвонил редактору «Таблет» мистеру Вудраффу. Успешно апеллируя к развивавшемуся тогда сближению православных и римо-католиков — то было время папы Иоанна XXIII и Второго Ватиканского собора — мы прошлись по телефону по всей статье. Всё

¹ Католический еженедельник, издаваемый в Лондоне с 1840 года.

оказалось гораздо проще, чем я предполагал, — нам пришлось убрать не более десяти слов. Я с особым удовлетворением вспоминаю одну фразу, у Виктора Франка было написано: «Эти авторы всё ещё верны Православной Церкви, но...», последний же вариант Вудраффа-Карраса был таким: «Эти авторы верны Православной Церкви, но...». Я утешал себя мыслью о том, что в латинской традиции у цензуры был большой опыт!

Дабы смягчить возможный конфликт, я тут же позвонил в «Чёрч таймс»²: они были готовы написать статью в срочном порядке. Однако отец Антоний был этим, и совершенно справедливо, недоволен; он ясно дал мне понять, что организовать публикации в «Чёрч таймс» и «Таблет» он мог бы и сам. Он попытался действительно привлечь внимание общественности к происходящему в России процессией, в которой участвовал наш приход, в праздник Крещения после освящения вод на берегах Темзы. Результатом этого были резкий звонок из Московской патриархии и единственная строка в одной из английских газет.

Однако отец Антоний не сдавался и добился окончательного успеха. Он связался с Англиканской Церковью, где ему объяснили, что это был неподходящий момент для вмешательства, поскольку между Великобританией и СССР шли коммерческие переговоры. Но как только соглашения будут достигнуты, Англиканская Церковь проследит за тем, чтобы общественности Англии стало известно о гонениях в России на Православную Церковь. Так оно и случилось. В «Таймс» без какой бы то ни было предварительной статьи было опубликова-

² Независимый англиканский еженедельник, издаваемый в Англии по пятницам с 1863 года.

но на всю газетную колонку якобы ответное письмо за подписью, если мне не изменяет память, Генерального секретаря Министерства иностранных дел. Именно так британской общественности стало известно о гонениях на христиан в СССР. Неудивительно, что после этого отец Антоний навсегда сохранил тёплые чувства к Англиканской Церкви.

Вторая история также начинается с Николая Бетелла. Наша поездка с ним на Афон совпала со временем падения коммунистического режима, и там, во время посещения русского монастыря св. Пантелеймона, мне встретилась группа паломников из России. Я спросил одного интеллигентного молодого семинариста, женат ли он, и тот ответил, что не уверен, жениться ли ему или, оставаясь безбрачным, стремиться к епископству, к церковной власти. Я заметил, что стремление к власти противоречит самой природе Церкви, а он ответил, что, напротив, в проявлении власти в Церкви ничего дурного нет.

Я был смущён этим разговором и спрашивал себя: многие ли русские верующие осознали страшный опыт предыдущих семидесяти пяти лет как урок того, что Церковь являет образ жизни, в существе своём отличный от любого государственного строя, неизбежно основанного на властвовании? У нас были беседы об этом с отцом Антонием, в которых он подчёркивал, что рассматривать Церковь как властную структуру или использовать положение духовного отца как оружие власти — равносильно измене самой сути Церкви, продолжающей служение Христа на земле.

Не случайно для книги «Живое православие в современном мире» (*Living Orthodoxy in the Modern World*),

вышедшей в свет в 1996 году, которую мы с Эндрю Уолкером редактировали, отец Антоний вместо своей глубокой статьи «Смерть и утрата» (*Death and Bereavement*), которую у него просили для этого сборника, предложил своё заключение к книге «Народ Божий» (*The Laos of God*). Откуда почерпнуты мысли, составляющие эту статью, не так уж важно: сам замысел её и точка зрения отца Антония – вот что существенно. Статью эту он написал, потому что, несмотря на любовь и уважение к патриарху Алексию, чьё избрание он поддержал, он видел, как Русская церковь встаёт на тот путь, которого он наиболее опасался. Его краткая, но радикально верная Преданию, интерпретация Церкви, укоренённая в концепции соборности, развитой русскими православными мыслителями XIX века, подводит нас к четвёртой характерной черте служения отца Антония – его служения как учителя.

Кто-то, возможно, поставит под вопрос такое разграничение. Ведь проповедь – это часть богослужения, тогда как учительство обращено как к чадам Церкви, так и к тем, кто вне её. Без сомнения, беседы и лекции отца Антония многих привели в Церковь, запечатлелись они и в сердцах людей, продолжавших сохранять дистанцию по отношению к ней. Что интересно: его книги, беседы и лекции в большей степени отражают пастырский подход и в меньшей степени обращены к интеллектуальным потребностям людей. Он проникновенно и с глубоким пониманием говорил о молитве, которой посвятил, как минимум, четыре книги. Но и другие темы, такие, как смерть и утрата, связаны с опытом бессчётного числа людей, с которыми он встречался как пастырь. Даже его сугубо богословские труды

*Владыка Антоний в домашнем общении
с прихожанами о. Александра Меня. Москва, 15.06.1988 г.
(Фото Сергея Бессмертного)*

основаны, прежде всего, на опыте епископа, ответственного за епархию и приход. Звучание его голоса в них сильно отличается от голоса Владимира Лосского, Александра Шмемана, Христоса Яннараса или Иоанна Зизиуласа – назовём хотя бы этих четырёх богословов. Поэтому его труды так ценны для верующих, а также (хотя и не столь убедительны) для тех, кто не уверовал из-за своей приверженности господствующим в современном мире течениям мысли, никак не совместимым с верой.

Итак, владыка Антоний был богословом-практиком, а не философом. Он разрешал вопросы, опираясь на авторитет и проницательность пастыря и духовного наставника. В общем, его богословские взгляды были консервативны и, одновременно, по-евангельски ради-

кальны. И я думаю, что с этой точки зрения нам станет понятнее его необычайная открытость в вопросе рукоположения женщин.

О том, что это уже в начале 70-х годов было хотя и скрытой, но реальной проблемой для православия, я узнал от одного из иерархов Константинопольского патриархата (ныне покойного), сказавшего мне, что шедшие тогда долгие дискуссии с большой вероятностью приведут к рукоположению женщин. Он не был единственным, кто высказывался подобным образом в частном порядке. Совершенно очевидно, что многие из православных, участвовавших в экуменическом диалоге, не удовлетворены отрицанием типа: «такого никогда не было», но, вместе с тем, у них нет и положительного богословского обоснования этого взгляда. Действительно, основополагающим для православия является положение, согласно которому то, что не было воспринято Сыном Божиим в воплощении, не может быть исцелено. Но если мы веруем, что вся человеческая природа была воспринята Им, то это значит, что Он принял и женское, и мужское естество – точно так же, как воплощение обнимает наравне с иудеями и язычниками со всеми вытекающими отсюда последствиями, что вначале было трудно принять некоторым иудеохристианам.

Хотя отец Антоний и принимал участие в нескольких собраниях Всемирного Совета Церквей, он не был экуменистом. Его православие, как я говорил выше, было выработано и зачастую выражалось в консервативной традиционалистской форме. Тем более впечатляло, что он как никто другой из известных мне современных православных иерархов и в частных беседах, и публично высказывался весьма прогрессивно по этому

вопросу, оставаясь на позициях радикального традиционализма. Он неоднократно подчёркивал, что не видит серьёзных богословских аргументов против рукоположения женщин, и считал этот запрет примером того, как структуры власти подавляют духовные качества человека и его возможности служить Церкви и Евангелию.

Возвращаясь как-то с отцом Антонием с епархиальной конференции в Кенте, мы с Лидией убеждали его не обсуждать этот вопрос публично, поскольку его пример того, что я называю радикальным традиционализмом, непонятен в настоящее время большинству православных стран, поскольку они ещё проходят фазу консервативности, а не консервативного традиционализма, а коль так, то единство Церкви будет поставлено под угрозу ещё из-за одной (помимо других) проблемы.

Надеюсь, я сказал достаточно об отце Антонии как священнике, духовнике, проповеднике и учителе, чтобы стало понятнее, почему именно этот епископ в диаспоре начал эксперимент, служащий и сейчас маяком для всей Православной Церкви. Он придерживался радикально-традиционалистского направления в Православной Церкви, которое исходило из древних Вселенских и Поместных соборов, а в XIX веке развилось в концепцию соборности. Поместный собор Русской церкви 1917–1918 гг. сделал попытку воплотить в жизнь это направление. Собор оказался мертворождённым из-за большевистской революции. Рассматривая православие в перспективе последующих десятилетий, можно заключить, что пламя его было погашено и соборность оказалась лишь богословским понятием.

Меж тем, это – вопрос куда более серьёзный, чем может показаться. Говорить о любви ничего не стоит,

и, действительно, в настроении, преобладающем в современном мире, любовь – одна из тех немногих традиционных христианских ценностей, что сохраняют популярность в кругах внецерковных. Однако, если говорить о любви ничего не стоит, то воплощать своей жизнью любовь, – может стоить самой жизни. Таков урок жизни и миссии Иисуса. Поэтому столь значимо было решительное стремление владыки Антония укоренить соборность в жизни своей епархии, достичь столь редкой в истории гармонии между проповедью любви и осуществлением любви в Церкви.

И это не было, выражаясь языком политики, требованием «снизу». В епархии не было «недовольных мирян» или «священников, стремящихся к большей власти». Авторитет владыки Антония в Сурожской епархии не вызывал сомнений, и основным источником напряжения, если то был истинный источник напряжения, был язык литургии. Но напряжение это проживалось иначе и по-разному воплощалось в каждом отдельном приходе. Это не было вопросом епархиальной компетенции, даже тогда, когда это касалось жизни епархии.

Важно подчеркнуть, что инициатива эта исходила от отца Антония. Именно он созвал первый съезд Сурожской епархии в 1975 году в Эффингеме, собрав там людей, которые никогда ранее не встречались друг с другом. Именно он два года спустя собрал созданную им Епархиальную ассамблею. Я очень хорошо помню, сколько усилий потребовалось, по крайней мере мне, чтобы научиться сдерживать гнев и раздражение, удерживаться от любых попыток подчинить себе других, пытаться, прежде всего, сотрудничать, а не просто, как это бывает в светских начинаниях, стремиться к общей

цели, и, таким образом, являть на практике живой пример церковного бытия как соборности и взаимодействия. Предполагаю, что если для меня это было намного сложнее, чем привычная мне предпринимательская, общественная и политическая деятельность, то, вероятно, это было совсем непросто и для остальных. И всего труднее приходилось самому владыке Антонию. Много раз он, должно быть, спрашивал себя, стоит ли стольких трудов и времени эта деятельность. Ведь он имел дело с мало обнадеживающим материалом. В отличие от отца Антония, мы, за редкими исключениями, были выходцами из состоятельной британской среды, принадлежали к относительно благополучным поколениям, которые появились в Западной Европе после Второй мировой войны.

Отец Антоний как-то сказал мне, что епархия будет расти медленно, но верно, потому что её деятельность направлена не против кого-то или чего-то, её послание позитивно. Это согласовывалось с его проповедью и учением: он, как правило, воздерживался от критики и осуждения других даже тогда, когда это было легко сделать. Акцент на созидании, а не на ниспровержении был залогом медленного, но непрерывного развития живых епархиальных структур. У него была необыкновенная способность собирать и преобразовать индивидов, связанных с ним поодиночке, в подлинную епархию, в которой они могли говорить друг другу правду в общении любви.

Не всё шло, да и не могло идти, гладко. Отец Антоний был терпелив, но, прежде всего, он был экзистенциально верен Богу и Церкви. Ранние годы жизни закаляли его характер, и эта жёсткость иногда проявлялась,

когда он замечал отсутствие принципиальной верности в других. Поскольку большинство обращённых в православие были консервативными традиционалистами, радикальные традиционалисты, всегда более малочисленные, не получали того, что им принадлежало по праву. Однако отец Антоний, сам будучи сторонником радикального традиционалистского мышления, став митрополитом, часто являл пример того, как важно принаравливаться к общему настроению в епархиальных органах, им же созданных и возглавляемых.

Был ли он разочарован? Я убеждён, что в целом он был удовлетворён откликом членов епархии. Это проявлялось на разных уровнях. Система, действительно, работала. С некоторой гордостью можно сказать, что это был особый британский вклад в православную традицию, и отец Антоний, должно быть, желал этого, когда выбрал отца Василия Осборна, меня и Эндрю Уолкера в члены Епархиального комитета по разработке Устава. Дело не только в работоспособности системы, но и в том, что сами верующие отдавали невероятно много времени и сил работе в её структурах. И самое важное для отца Антония заключалось в том, что семья, которое он сеял, приносило обильный плод, каковым и стало свидетельство его епархии: группа людей, насчитывавшая менее тысячи человек, смогла играть в британском обществе роль, несравнимую по значимости со своей малочисленностью. Для нас это было опытным переживанием того, что значит быть Церковью, и этим опытом мы обязаны отцу Антонию.

Можно сказать, что епархиальный Устав (я имею в виду утверждённый в июне 1995 года) сам по себе был не так важен, как был важен постоянный процесс

обучения. Чтение уставов вообще – занятие мало вдохновляющее. По определению, язык уставов должен быть чётким, точным и сухим. Но сквозь него (здесь я ссылаюсь на Устав, принятый в июне 1995 года после десяти лет испытательного срока в использовании первого Устава, подготовленного за годы с 1977 по 1985) проступает очень ясный образ того, чем должна быть епархия. Каковы основные её черты?

Во-первых, Устав сосредоточен не просто на епископе, но на епископе, «окружённом духовенством и народом» в евхаристической общине и представляющем их на любом синоде или соборе Православной церкви. Благодаря поправкам к Уставу в 1995 году был учреждён Консультативный совет, назначаемый епископом для помощи в его служении. При том, что за епископом остаётся право принимать или отвергать любое предложение Совета или Ассамблеи, эти совещательные органы играют отнюдь не декоративную роль, предоставляя инициативу пресвитерам и мирянам. За два десятилетия моего участия в Совете и Ассамблеи было выдвинуто несколько важных предложений в области общественного служения и экуменического делания. Одна из экуменических инициатив сделала возможным для владыки Антония создать Комиссию Британского совета Церквей по учению о Троице в 1600-летнюю годовщину Константинопольского собора 381 года.

Во-вторых, собрание священников епархии понимается как важный орган, ближайший к епископу и ключевой для пастырской жизни епархии.

В-третьих, епископ выступает председателем, а не главой Ассамблеи и Совета и посему не отвечает за про-

цессуальные вопросы. Это избавляет его от дел, в которых он зачастую не является экспертом, и, одновременно, усиливает его руководство Ассамблеей; у него появляется время для наблюдения за прениями и ведения дискуссии. В то же время сам факт, что духовенство и миряне призваны выполнять важные функции, обязывает их к ответственности. Это чувство ответственности пронизывало все наши епархиальные структуры.

В-четвертых, члены Ассамблеи из числа мирян и диаконов составляют две выборные группы: одна – представители от приходов, вторая – семь человек, ежегодно избираемых от всей епархии. Таким образом, каждому приходу был обеспечен голос в Ассамблее, присутствие же епархиальных членов на ежегодных выборах заставляло их мыслить в категориях епархии в целом.

В-пятых, чувство единства епархии подкрепляется тем, что правила, которыми руководствовались отдельные приходы и местные евхаристические общины, прописаны в самом епархиальном Уставе. Разумеется, я ограничиваюсь в оценке Устава временем, когда я был в Лондоне. О более поздних годах должны говорить другие. Лично для меня это был один из самых творческих периодов моей жизни. Считаю, что епархия работала, по большей части, так, как надеялся владыка Антоний, когда собирал нас вместе. Именно так выражается на уровне епархии реальность живой Церкви в служении Богу живому. Но мы всегда понимали, что у такого образа церковной действительности, при всей его богословской обоснованности, есть своя ахиллесова пята – выбор следующего епископа епархии.

В некоторых православных юрисдикциях «соборность» ограничивается епископатом. Это неизбежно там, где Церковь подвергается гонениям или притесняется. Но обычно в юрисдикциях, определяемых национальной принадлежностью, реальным «генератором власти» выступают отнюдь не соборы и не советы, а церковная бюрократия, выдвигающая преемника епископу. Не стоит при этом забывать и о негативном влиянии на Православную Церковь в эпоху Просвещения со стороны национальных государств, видевших в ней, прежде всего, институт, необходимый для достижения целей массового образования и экономического развития. Это видение возобладало над пониманием Церкви как тела Христова, воплощающего веру и любовь христиан. Эти факторы, вместе взятые, привели к обмирщению Церкви, сделали её похожей на светские структуры власти, а потому и более приемлемой для них. Конечно, такое сочетание церковных и мирских структур власти существовало и в прошлом, примеров тому множество. Однако столь же многочисленны и примеры, когда православные христиане решительно противились искажению природы Церкви, попыткам превратить её из иерархии любви и служения в один из эффективных рычагов административной власти.

Владыка Антоний прекрасно понимал, по какую сторону этого водораздела он стоял. Он воспользовался возможностью, отчасти созданной его собственным свидетельством в Великобритании, продолжить и расширить дело Поместного собора 1917–1918 годов. К счастью для него, Московская патриархия разумно и справедливо была сосредоточена на России более двад-

цати лет, пока готовился наш Устав и не окрепли наши епархиальные структуры, и результатом этого стало признание независимости православных христиан за границей и их особенного свидетельства, соответствующего тем странам, в которых они оказались. Эта ситуация создала условия, которыми владыка Антоний и воспользовался.

Мы всегда сознавали, что рано или поздно его служение как митрополита закончится, и это неизбежно приведёт к трудностям, и, наверно, – к кризису. Моя задача сейчас, насколько это возможно, попытаться понять, что он чувствовал или, скорее, мог чувствовать, видя изменения в свои последние годы. К середине 1990-х годов ему было почти восемьдесят лет, он очень устал (да кто бы не устал!) и горячо желал провести несколько лет в тихой молитве где-нибудь в монастыре. Однако ему предстояла совсем иная перспектива – бороться за то, что он создал. Одновременно он был глубоко опечален изменениями в Русской церкви, касающимися отношений с властями – в той Церкви, которой он посвятил так много в годы её сопротивления власти гонителей. Об этом он мне говорил сам.

Ниже – то, о чём я не могу знать наверняка: это мой собственный анализ трудных решений, стоявших перед отцом Антонием. Одно из них состояло в том, чтобы разорвать долгие и глубокие связи с Церковью в России ради безопасности епархии в Великобритании. Теперь мы знаем, но тогда я не знал об этом: он серьёзно рассматривал эту возможность. Избери он её тогда, православные христиане в Великобритании были бы ограждены от многих болезненных последствий в настоящем и будущем. Однако это было бы сопряжено с

несомненными потерями, а именно с тем, что его легитимная деятельность и в России, во время величайшего духовного кризиса, и в диаспоре по созданию епархии, как примера для Русской Церкви, основанной на русской богословской мысли и решениях Собора 1917–1918 годов, оказалась бы подорвана.

Если отцу Антонию, с юных лет глубоко преданному России, так трудно было выбрать эту возможность, насколько же труднее было ему сделать этот выбор в качестве действующего иерарха Православной Церкви, ощущающего целостность православия во всём мире. Альтернатива состояла в том, чтобы ради сохранения созданной им в Великобритании епархии попытаться получить поддержку внутри Русской Православной Церкви в России. Именно это, как я понимаю, он и попробовал сделать. Но обстоятельства сложились так, что вместо этого именно у тех, кто испытал на себе его самоотверженное служение, возникла решимость продолжать его работу по созиданию живой епархии в служении Богу Живому.

Было бы, однако, неверным изображать последние годы отца Антония как только печальные. Печаль была, но был и выбор, открывавший дорогу православию в будущем; была дилемма, открывавшая возможности как для человеческого предательства, так и для верности. Если мы действительно веруем, а мы веруем, что Святой Дух способен преодолеть самые трудные преграды, которые Ему воздвигают человеческие институты, то мы не можем сомневаться в том, что свидетельство отца Антония о Живом Боге, передаваемое через живую и соборную Церковь, станет со временем общим наследием всех православных христиан и, не

в последнюю очередь, в стране его первой, неразделённой, любви, равно как и в стране, где он долгое время нёс своё, в высшей степени творческое, свидетельство.

Лондон, 2009

*Перевод с англ. Елены Майданович,
Ларисы Олдыревой*

Евгений Рашковский

НЕДОСКАЗАННЫЙ СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

Трудно рассказать что-то внятное и толковое о столь глубинно значительном и столь значимом в истории российской духовной жизни и культуры человеке, каким был Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004), так и оставшемся в моей памяти Сережей. Трудно не только в силу творческого масштаба этого человека, но и в силу того обстоятельства, что отношения наши скрывают в себе столько моментов сугубо внутренних и недосказанных (да и не подлежащих внешней огласке), что поневоле вынужден буду ограничиться почти что банальными «мемуарными» свидетельствами.

Как тут не вспомнить стихи Владимира Соловьева, обращенные к Дмитрию Николаевичу Цертелеву (1896 г.):

То, что в свое время
Мы не досказали,
Записала вечность
В темные скрижали.

* * *

Впервые я увидел его глубокой осенью 1964 г. в Москве, на Поварской, в Центральном доме литераторов, где периодически проходил семинар поэтов-переводчиков, руководимый такими мастерами, как Вильгельм Левик, Арсений Тарковский, Сергей Шервинский. В тот вечер Сережа читал свои переводы из Романа Сладкопевца, «Гимна о Солнце» св. Франциска, стихов Андре

Шенье. Поражала не только его певучая и внятная манера чтения, но поражал и сам его облик, сочетавший в себе силу духа и интеллекта с физической уязвимостью. В тот самый вечер Сережа навсегда вошел в мою жизнь.

А уж знакомство наше произошло на исходе шестидесятых благодаря общему другу – искусствоведу Леониду Ильичу Невлеру. Узнав в первый же день знакомства, что я недавно сумел законспектировать хранящуюся в архиве рукопись монографии переводчика, поэта и священника Сергея Михайловича Соловьева-Младшего (1885–1942) «Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция»¹, он попросил одолжить ему на время этот конспект, который вскоре с благодарностью и вернул. Вообще, благоговейный интерес к творчеству Вл. Соловьева – этого величайшего из российских философов – скреплял наши отношения на протяжении многих и многих лет.

Встречи наши были нечасты: оба всегда были перегружены работой и всякого рода «житейским попечением», но каждую из этих встреч – будь то на его лекциях, будь то на какой-либо из конференций², будь то в редакциях или даже дома, или просто на улице – я воспринимал как праздник.

Он вообще был для меня человеком-праздником. Жилось ему на этом свете нелегко (физические страдания, непонимание и издевательские подколы некото-

¹ Позднее эта монография была опубликована брюссельским издательством «Жизнь с Богом» (1977), а еще позднее – переведена на французский и польский языки.

² Он даже как-то раз вытащил меня на конференцию по философской антропологии в Вильнюсском университете. Это было в Пасхальные дни 1983 г., когда совпадали и западная, и православная пасхалии.

рых из коллег³, трудности и теснота жизни в коммунальной квартире⁴), но вера – перемогала боль и страдания.

Сережа остался в моей памяти человеком *постоянного восхождения*:

- от «филологического» эрудитства – к церковной вере и осознанной гражданственности,
- от увлечения эстетикой «Серебряного века» – к Пушкину и Пастернаку,
- от вагнерианства – к Моцарту,
- от «глубинной психологии» Юнга – к христианскому гуманизму философии зрелого Соловьева.

Причем бывшие увлечения не отвергались, не отбрасывались, но возводились в какой-то новый, более высокий порядок мысли.

* * *

Улыбка у него была мальчишеская, озорная. По крайней мере, в моем присутствии. Часто улыбался про себя. И собеседником он был удивительным – улыбчивым и остроумным. И всегда парадоксальным. Приведу несколько примеров на сей счет.

³ «Пресловутый Аверинцев», «Еврей Евреич Аверинцев»... Последнее – издевательская констатация его глубоких и напряженных занятий библейскими исследованиями и переводами и гебраистикой.

Из близких ему по духу и внутреннему складу коллег Сережа с особой симпатией и нежностью выделял Михаила Леоновича Гаспарова. Михаил Леонович принял святое крещение уже на смертном одре от священника и ученого – о. Георгия Чистякова.

⁴ Бутиковский переулок вблизи Остоженки. Там Аверинцевы жили до начала 1970-х годов.

...В Москве – какой-то очередной съезд КПСС. По словам Сережи, – «большое-большое ничто на две с половиной тысячи кресел»...

* * *

...О культурном наследии для нас уже прошедшего, XX столетия:

– Нынешнее зло, слава Богу, какое-то вялое, анемичное, неубедительное. А в межвоенное двадцатилетие оно было талантливо. Оно играло и пело: Брехт, Маяковский, Хайдеггер...⁵ А вот, скажем, Соловьев или Ясперс, при всём содержательном богатстве их мысли, – были и оставались хорошими мальчиками, воспитанными людьми...⁶

* * *

...Еще в 70-е годы я высказывал опасение, что на смену «анемичному», изрядно истощившему себя «марксистско-ленинскому» тоталитаризму, тоталитаризм может вернуться в Россию в новой, посвежевшей «православной» упаковке. Сережа, помедливши, в ответ:

– Да, возможно... Но Христос любит Россию и едва ли допустит такое непотребство...

⁵ Возможно, эта мысль была подсказана Сереже трудами англо-немецкого мыслителя Себастиана Хаффнера, который, однако, не обращался к российскому материалу.

⁶ Связь философствования и поэзии была ему особо дорога. Он даже помнил наизусть мои стихи, посвященные Вл. Соловьеву и о. Пьеру Тейяру де Шардену.

* * *

— Когда я случайно вижу на улице, как встречаются два незнакомых мне армянина или еврея, я начинаю догадываться, что же такое народ...

* * *

— Человек, входящий с улицы в вестибюль метро и не придерживающий за собой дверь, волей-неволей отрицает право других людей на существование...

* * *

...Внезапный телефонный звонок. Сережа вдруг занялся «теорией научного атеизма»:

— Женя, расскажи, что ты знаешь о Емельяне Ярославском⁷.

Я начал обстоятельно и издалека. После первых трех-четырех фраз Сережа обрывает меня. Ему всё ясно:

— Женя, ведь как прекрасно устроен мир, что даже у такого чудища, каковым был Емельян Ярославский, есть в биографии некоторые трогательные и притом сугубо человеческие подробности, как-то: что настоящая его фамилия была Губельман и что мама его была буятка...

⁷ Партийный деятель, приспешник Сталина, автор издательской «Библии для верующих и неверующих», председатель «Союза воинствующих безбожников». Даты жизни: 1878–1943.

* * *

...Деятельность, труды и наследие Сережи признаны во всём нынешнем христианском мире.

И не случайно. Так или иначе, они связаны с освоением и православного, и католического, и протестантского, и дохалкидонского наследий. О наследии библейском – уж не говорю.

Когда-то Сережа говорил мне, как волнует его мысль польского православного богослова протоиерея Ежи Клингера (1918–1976) о том, что харизматично не только внутреннее смысловое единство христианства: дифференциация его стилей и проблематик также внутренне богата и харизматична...

* * *

...Над страной – агонизирующий Андропов.

Как-то утром сталкиваемся с Сережей на пороге одного из московских храмов. Обнимаемся.

Сережа (довольно громко):

– Женя, как жаль, что эти добрые люди из КГБ, которые наверняка нас засняли, не подарят нам по фотографии...

* * *

...На дворе – горбачевская «Перестройка». Сережа, избранный в Верховный Совет СССР, – член Межрегиональной депутатской группы. Вместе с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым он участвует в разработке возможных приоритетов научной и культурной поли-

тики нашего будущего государства – приоритетов, так и не осуществившихся. О себе он говорит (за точность передачи этих его слов, равно как и всех прочих, – почти ручаюсь):

– Я не то, чтобы совсем уж демократ, но, скорее, – либерал. Ибо либерализм – единственное из светских направлений, пытающееся различать добро и зло.

Эти слова Сережи, способные, возможно, шокировать иного современного читателя, требуют некоторой расшифровки.

Демократия – вещь политически насущная, но, будучи лишена глубоких нравственных и культурных оснований, она может легко сдавать свои позиции люмпенам и демагогам. На этом настаивали еще философы древней Эллады. Либерализм же старой школы (просьба не путать с нынешним олигархическим «неолиберализмом») всегда пытался найти столь необходимый обществу трудный баланс между императивами свободы и социального милосердия.

Вообще, как полагал Сережа, основная опасность нынешней жизни – не в страшащем многих наших современников императиве свободы, но в демагогическом и бюрократическом отчуждении свободы. Не случайно он так любил пушкинское стихотворение «Андрей Шенье» или мандельштамовское – о «сумерках свободы».

Вообще, он был в числе замечательных россиян второй половины и конца прошлого столетия, которые – *каждый на свой лад* – выступали живыми носителями именно императива свободы. Я отнес бы его к плеяде таких не похожих друг на друга людей, как Вячеслав Всеволодович Иванов, Надежда Мандельштам, протоиерей Александр Мень, Григорий Померанц, Давид

Самойлов, Андрей Сахаров, священник Георгий Чистяков. Людей, которые были солью российской мысли и культуры тех лет. А то, что соль эта оказалась ныне размытой, – не их, но, скорее, наша вина.

Но на то и императив внутренней и общественной свободы, чтобы быть непохожими.

* * *

И – самое последнее в этих моих заметках.

На мой взгляд, чтобы лучше понять интеллектуально-духовный облик Сергея Сергеевича Аверинцева, неплохо было бы вспомнить один из лучших его поэтических переводов – стихотворение Германа Гессе «После чтения старинной философской книги». В переводе этом запечатлено не только поэтическое и философское мастерство Аверинцева, но, как мне думается, запечатлен и его опыт переводчика и аналитика духовных и философских текстов разных времен и народов:

То, что вчера еще жило, светясь
Высокой сутью внятного ученья,
Для нас теряет смысл, теряет связь,
Как будто выпало обозначенье

Диеза и ключа, – и нотный ряд
Немотствует: сцепление созвучий
Непоправимо сдвинуто, и лад
Преобразуется в распад трескучий.

Так, старческого облика черты,
Где строгой мысли явлен распорядок,

Лишает святости и красоты
Дряхленья подступающий упадок.

Так, в сердце радостное изумленье
Вдруг меркнет без причины и вины,
Как будто были мы уже с рожденья
О всей тщете его извещены.

Но над юдолью мерзости и тлена
Подъемлется, в страдальческом усилье
Высвобождаясь, наконец, из плена
Бессмертный дух и расправляет крылья.

Здесь, в этом переведенном на русский язык немецком поэтическом тексте мне видится и опыт самопознания и самоописания – на долгие декады вперед – и самого Сергея Аверинцева: поэта, ученого, христианина.

*Москва
19.01.2019 (Богоявление)*

РАЗЛИЧЕНИЕ ЗНАКОВ ВРЕМЕНИ: ХРИСТИАНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ¹

Само понятие того аспекта пути человечества, который христианская вера именует «священной историей» (на языке западной теологии «историей спасения», лат. “*historia salutis*”, нем. *Heilsgeschichte*) специфично для библейского видения жизни и принципиально важно для него. В отличие от язычества, особенно чтущего ритмы природных и космических циклов, в отличие от индуизма, уничтожающего пропорции любой исторической хронологии нечеловеческим масштабом своих *дней Брахмы* (по 8 640 000 000 лет каждый!), в отличие от буддизма относящего бытие во времени по ведомству иллюзии, в отличие даже от ислама, для которого отношение Бога и человека видится довольно статичным, а ряд пророков, замкнувшийся на Мухаммаде, восстанавливает все то же, по сути не развивающееся откровение, Библия уже в Ветхом Завете повествует об осмысленном, содержательном пути от призвания Авраама через Исход и Синайское откровение к предсказанному пророком Иеремией «*новому завету*» (31:31) и мессианской перспективе. Что до христианства, то для него крайне важно понятие «знамений времен», таких же реальных, как знаки метеороло-

¹ Доклад, прочитанный в Риге 12 мая 2000 г. в Академии наук Латвии на международной конференции «Христианство и культура», посвященной 2000-летию христианства.

гических феноменов, но несравнимо более важных. В Евангелии от Матфея (16:3) мы встречаем характерную укоризну Христа Его современникам: «*Различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете?*» (Ср. Лк 12:56) «*Лицо неба и земли распознавать умеете, как же времени сего не узнаете?*». Позволительно говорить о ветхозаветном и в особенности новозаветном богословии времени. Время – это не просто временная координата, время – это обещание Божьей верности, условленный срок, когда обещанию придет пора сбыться, когда осуществляется предвечный замысел; в этом смысле апостол Павел говорит о *полноте времен* (Еф 1:10) «...в устроении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом». Мы должны ощутить мистический историзм в самом названии священной Книги христианства, восходящем, как мы только что видели, к пророчеству Иеремии: «*Новый Завет*». Всегда народы земли хвалились древностью своих священных книг и религиозных установлений; слово «*новый*» в имени чтимого Канона – само по себе весьма ново и знаменательно. Тот же Павел описывает самую суть христианской экзистенции в выразительных словах: «*Древнее прошло, теперь все новое*» (2 Кор 5:17).

И последовавшие две тысячи лет были прожиты в Европе с таким живым – и поступательно усиливавшимся – чувством исторического времени, какого не знала никакая иная культура. Чистота этого чувства не раз замутнялась и продолжает замутняться – то вырождением эсхатологической перспективы в паническое чувство, заметное уже на рубеже веков тысячу лет тому назад, – впрочем, исторический материал не

дает оснований преувеличивать это эсхатологическое волнение около 1000 года, – и многократно возвращавшееся в кругах разного рода сектантских движений, то, напротив, утопической эйфорией, также не чуждой истории сектантства, а в секуляризованной переработке легшей в основу идеологической веры в абсолютную благодать так называемого *прогресса*. Разумеется, первое противоречит новозаветному запрету спрашивать о временах и сроках (Деян 1:7), а второе – христианскому утверждению онтологической грани между тем, что *от мира сего* и тем, что *не от мира сего*. Но сами эти искажения определенным образом связаны с тем, что они искажают. И когда сегодня какой-нибудь самый секуляристский из ревнителей прогресса говорит нам с вами, порицая нас, христиан, за отсталость – *Ну что вы, право, мы тут в XXI век переходим, а вы...* – ясно, что без того, о чем два тысячелетия назад говорил апостол Павел, и такого немудрящего укора им просто невозможно было бы сформулировать.

* * *

Дискурс, характерный для современных размышлений о библейской идее священной истории, *historia salutis*, и о ее несомненной противоположности языческой ориентации на природные ритмы, а также идее вечного возвращения в пифагорейском или ницшеанском варианте, подсказывает вопрос: о каком времени идет речь, – о «циклическом» времени периодических круговоротов или только о «линейном» времени исторического прогресса? Но, может быть, вопрос этот представляет собой искушение в самом прямом смысле,

*С. С. Аверинцев во время выступления
в Академии наук Латвии. Рига, 12 мая 2000 г.*

(Фото Василия Минченко)

т.е. выражение некоей интеллектуальной тенденции, которой не следует позволять заходить чересчур далеко: абсолютизация дихотомии потока и круговорота, прогресса и природных циклов является тенденцией не только определенно новейшей, но и столь же несовместимой по сути с библейским взглядом на вещи (хотя бы и необходимой, даже неизбежной для несовершенства нашего мышления), как вообще любое абсолютизируемое, не допускающее никаких мостов противоположение сверхъестественного и естественного. Я вспоминаю прекрасную проповедь, которую мне довелось слышать осенью 1990 г. в Иерусалиме, в бенедиктинской обители Успения на горе Сион, и которая, исходя из праздновавшегося как раз в те дни Иерусалимом

ветхозаветного праздника Суккот, призывала слушателей не слишком настаивать на мысленном различении между сверхъестественным и естественным – двумя видами реальности, исходящими от Одного и Того же Бога. Мне кажется, что этот урок в особой степени относится к сущности времени. Библейский взгляд на время и на священный характер времени значительно более «холистский», чем наши различения: *Καίρος* есть *καιρος*, как *πῦρ* есть *πῦρ* точка внутри Божьего времени.

В этом году, который на языке давней традиции именуется *annus jubilaeus*, трудно не вспомнить библейской заповеди относительно Юбилея. Как все мы помним, она обязывает верующего воздавать должное обусловленному течением времени возврату отмеченных годов. «И отсчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет [...] И освятите пятидесятый год...» (Лев 25:8, 10). Этот возвращающийся «кайрос» очевидным образом не есть нечто сводимое к простой «циклическости» в смысле несовместимом с «линейностью» священной истории; напротив, он являет собой образ этой последней, ее отражение, и порой ее орудие.

Это может послужить для нас поводом к размышлению о времени как контексте действий Бога, имеющих в виду человеческий род.

Библейское соединение концепта Откровения с концептом времени суммарно выражено в начальных словах Послания к евреям 1:1-2: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего...» (*Πολυμερῶς καὶ πολυτροπῶς παλαιὸς θεὸς λαλῶσα ἰστοῖς πατρᾶσιν ἐν τοῖς προφηταῖς*

ε πεσχατον των ημερων τοντων ελαλησεν ημιν εν υιω, ου εθηκεν κληρονομον παντων). Этот текст, принадлежащий к текстам, ключевым для всего новозаветного концепта Откровения, подчеркивает два аспекта Слова Божия, являющиеся друг по отношению к другу одновременно контрастными и взаимодополнительными: динамическую природу Откровения, существенно связанную с измерением космического, исторического и эсхатологического времени, – и в то же время стабильную идентичность, присущую Откровению, его связность и последовательность. С одной стороны, есть многократность и многообразие вестей свыше, как и множественность пророчествующих посредников, и более того, само по себе их посредничество предстает существенным образом как процесс, идущий вперед и отвечающий Божьему употреблению и уважению богосозданного времени, давая времени его смысл. С другой стороны, весть остается всё тем же Словом одного и того же Бога, являющим в себе связность не вопреки своему многообразию, но как раз через него (примерно так, *mutatis mutandis*, как в человеческом мире образец риторического искусства демонстрирует связность своего содержания через различие фраз, пассажей, интонаций).

Ввиду множественности «образов», модальностей, путей, каждый текст Писания имеет отчетливое свойство контекстуальности, не имеющее ничего общего с релятивизмом, и эта существенная контекстуальность, возбращая здравомысленному верующему подлавливать Бога на слове, являет весьма сложное строение различных и взаимосоотнесенных уровней: наряду с текстуальным контекстом в простейшем смысле слова,

мы обязаны учитывать контекст, создаваемый речевыми навыками и литературными обыкновениями эпохи, практикуя то, что на языке нашего времени называется *higher criticism*, *form criticism* и т.п. Но за этим следует вопрос вопросов, трансцендирующий любое техническое измерение подразделов экзегетики и требующий не менее как пророческого ответа, вопрос столь трудный и столь дерзновенный, что ответ на него может быть только сознательно фрагментарным, частичным, обставленным оговорками. Однако пренебречь этим вопросом не может ни одна душа, с верою внимающая Слову; от способности эксплицитно или имплицитно иметь в виду этот вопрос и отвечать на него зависит значимость всякого богословского «магистериума» для «керигмы», для проповеди, для живого дела возвещения христианства в мире, и вероучительная самоидентичность этого магистериума в сравнении со всеми «критицизмами» на свете. Я имею в виду вопрос о контексте каждой части Откровения, каждой заповеди, каждого веления, – внутри целостности вечного и соотношенного с временем Божьего плана, внутри связности континуума Откровения, внутри уже не человеческого, но Божьего композиционного замысла, использующего последовательность исторических эпох, чтобы высказать и сделать внятными для нас диалектику своих тезисов.

Все уровни контекстуальности требуют от нас той особой чуткости к семиотической функции времени, которая именуется на языке нашей веры «различением знамений времени». Эта важнейшая формула выражает в Евангелии от Марка 16:3 логическую связь между временем и знамением: *σημεία των καιρῶν*.

Но та же самая связь выражена уже на первой странице Ветхого Завета (Быт 1:14): Бог назначает «светила на тверди небесной», солнце, луну и звезды, «для знамений, и времен, и дней, и годов». На языке христианской системы понятий можно сказать, что время само – знак и знамение, пожалуй, сакраментальный знак вечного. Православный назовет время иконой вечности и вспомнит, что такой оборот подсказал ему язычник Платон (Tim. 37d: *εἰκὼν κινητοῦ αἰῶνος*). Он может также подумать о византийском богословском языке св. Григория Паламы, говорящем об энергиях Сущности Бога, одновременно и отличных от этой Сущности, и тождественных Ей: отличных по своей модальности и тождественных в силу верховного Единства Бога в духе библейской формулы «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть». (Втор 6:4). Стихия времени – сообразный локус для Энергий вечной Сущности, если само время – излучение вечности.

Эта сложная, парадоксальная и обильная контрастами диалектика присутствия Вездесущего, соотносённости с временем действия Вечного, откровения Сокровенного, создает определенные предпосылки для такого понимания Библии, которое по своей сути остается актуальным для любой эпохи, хотя его конкретные реализации не могут не быть весьма различными в различные эпохи.

Я усматриваю одну из наиболее насущных задач современной интерпретации Откровения в систематической и ответственной рефлексии над старым «аллегорическим» или «типологическим» подходом, в его критической рецепции при учете контекста, задаваемого современной чувствительностью к историческим

переменам и к специфическим обликам различных культур. Эта задача особенно серьезна для тех ветвей Христианства, которые принимают важность Святоотеческого Предания, как Католическая Церковь, как Греческое и Русское Православие. Но и в протестантском мире некоторое решение этой проблемы означает единственный шанс избежать ложного выбора между фундаментализмом и релятивистским саморазрушением веры. Надо сказать, что аллегоризм отнюдь не является неким изобретением патристической эпохи, скажем, привнесенным греческим спекулятивным духом. В мире, в который пришел Христос, слово Библии уже привыкли понимать в соответствии с методами мидраша, который был именно «аллегорическим» и «типологическим» истолкованием Писания. Века иудейско-христианской полемики затемнили эту простую истину: еврейские полемисты стремились уличить христиан в перетолковании Библии, христианские создавали *image* иудеев как идиотических буквалистов, — на самом деле методы вовсе не так разнствовали, как хотелось тем и другим. Концептуальный язык, употребляемый в речениях Самого Христа, в посланиях Павла и вообще в текстах Нового Завета, является в существенных чертах мидрашским. Это значит, что живая традиция восприятия Писания издревле, с незапамятных времен, едва ли не изначально включала определенную готовность воспринимающего ума к аллегории, к типологии как единственной альтернативе буквализму.

Я не думаю, что мы можем полностью отказаться от этих начал, столь важных для Предания Церкви, для обихода Литургии, но уже и для самой зари христи-

анства. Вопрос в том, как заново продумать экзегетические «миддот» (букв. «меры», выражение мидрашистов), учитывая все требования, исходящие из принципа интеллектуальной честности и специально из импликаций открытой новоевропейской культурой историчности мыслительных категорий, – не впадая ни в варварство фундаментализма, ни в модные софизмы.

Проблема богословской переработки новоевропейского опыта историзма принадлежит, без сомнения, к особо деликатным. Отдавая себе в этом отчет, я ни за что не стану рекомендовать для библейской герменевтики какой-либо подход, ориентированный на немецкую философию истории, скажем, гегелевского типа, или на т.н. «морфологию культур» *alias* «историософию» *a la* Освальд Шпенглер или Арнольд Тойнби. Мы, русские христиане, имеем особые причины для довольно острой аллергии против гегельянства, явившегося одним из истоков марксистской идеологии; и, если эта разновидность недоказуемых умозрений скомпрометирована в России ее инструментализацией в былом советском официозе, историософские фантазмы также становились предметом идеологических манипуляций в профашистских кругах постсоветской России. Видит Бог, я далек от того, чтобы рекомендовать эти модели мышления, или даже, скажем, тот концепт «историчности», который был развит итальянским гегельянцем 1-й половины XX столетия Бенедетто Кроче, отчасти строившим на основаниях, заложенных Джамбаттиста Вико... По моему мнению, резко критическое эссе К. С. Льюиса под заглавием «Historicism» выражает достаточно обоснованное *contradicitur* христианской трезвости против всех «ересей» вышеназванного рода. Однако

подобные подходы к предмету истории, будучи идеологическими, хотя бы потенциально тоталитаристскими и в любом случае определенно гностическими, хотя бы превратно выражают наш специфический опыт историй, который восприняло наше сознание и воображение и который оставался, в общем, чуждым для умов античности и средневековья. И я отваживаюсь поднять мой указательный палец и *more scholasticorum* произнести старинную формулу: «distinguo», «я различаю». Необходимо различать разные вещи: если мы имеем право и даже обязанность ради наших усилий правильно понимать Писание отвергнуть любую идеологию; по сути, своей небиблейскую и антибиблейскую, мы не имеем ни права, ни возможности игнорировать самый опыт, который эти идеологии пытаются сформулировать и объяснить. Например, великий Гегель никоим образом не был аккуратен ни по отношению к богословию, ни по отношению к истории, когда пытался разработать свои мысли касательно процессуальной природы, свойственной «Самооткровению» («Selbstoffenbarung») Бога (или, выражаясь менее теистически и более гегелевски, *Weltgeist*'а); однако присущая этому философу острая интеллектуальная и эмоциональная чувствительность к динамике «исполнения времен» в реальности Откровения сама по себе – я подчеркиваю еще раз, сама по себе – не только законна, но и плодотворна, хотя бы как осмысленный вызов, понуждающий богословскую мысль к усилиям.

Когда мы переходим от этих систем секуляризовавшегося философского гения к эсхатологически ориентированным концептам, используемым некоторыми течениями протестантизма, скажем, к тому, что стоит за

употребляемым в некоем особом смысле термин «dis-pensations», мы обязаны снова блюсти различие: между, обоснованной критикой и, если надо, отвержением упрощенных или фантазмагорических ответов, — и нашей обязанностью оставаться открытым навстречу самому по себе вопросу как таковому.

Такая жизненно-важная тема как динамика Откровения не должна становиться особой резервацией для темных лжепророков, для фантастов гностического типа и для интеллектуальных мод, чуждых библейской истине. К теме этой должно приближаться со страхом Божиим, с острым чувством ответственности и излишних претензий; но она не должна быть попросту вытеснена и забыта под каким бы то ни было предлогом, благочестивым или интеллектуальным.

Последовательное применение того экзегетического принципа, который я назову принципом контекстуальности, дает противоядие против самого распространенного недуга, парадоксальным образом общего для самых крайних видов фундаментализма и либерализма, как и для самой тривиальной и оппортунистической эклектики: недуг этот — дурная привычка тенденциозно-избирательного подбирания в изолированном виде тех или других «нужных» текстов Писания, чтобы инструментализировать их для более или менее идеологических целей. Субъективно такого рода практика может иметь самые серьезные политические, социальные и даже религиозные цели, но в контексте духовном она остается глубоко недостойным делом, довольно похожим на поговорки про то как умеет цитировать Библию диавол.

Верующий, вера которого не разошлась в прискорбном помрачении с его собственной интеллектуальной честностью и способностью мышления, обязан не обманывать таким образом самого себя, но искать для каждого текста его неурезанное и неупрощенное контекстуальное значение, уважая право Бога подготавливать кульминационные моменты своего Откровения, постепенно подводя к ним и развивая их внутри того диалогического отношения, которое называется לְבִרְיָ (брит) или Заветом.

Поскольку Юбилей, о котором говорит Книга Левит, есть освобождение человека, получаемое от Бога и для Бога, это понятие, оказывающееся для христианина еще и в контексте евангельских слов *об истине, которая сделает нас свободными* (см. Ин 8:32) приглашает нас размышлять в числе другого также и о задаче освобождения нашего сознания от власти умственных фантомов, всё равно, старых или новейших, и к открытости выше названному диалогу.

Люди мира сего в большинстве своем желают плыть по течению, угодливо восхваляют господствующие течения современности, по правде сказать, и не нуждающиеся в их похвалах; и хотели бы самую свою душу перекрасить в цвета современности; в меньшинстве они, напротив, обособляются от современности и учиняют ей горделивую фронду, не находят достаточных слов для проклятия ей, выстраивают для самих себя жилище где-то в воображаемом, подделанном прошлом — однако до тех пор, пока они остаются сынами мира сего, их фронда, их проклятия находятся в тайной гармонии с конформизмом первых. Скажем, книги, анафематствующие наше время; вроде трудов «эзоте-

риков» Рене Генона или Эволы, хорошо продаются на современном книжном рынке; в сущности, они никому не мешают. Кому должно быть действительно трудно, так это христианину, потому что для него безусловно запрещено и первое, и второе. Он не может конформистски поддакивать своему веку, потому что должен сквозь него и вопреки ему расслышать голос Господа истории. Он не может проклинать век, потому что он знает, что всякое время; в том числе и то время, в которое Бог велел ему жить, – это время, принадлежащее Богу. Христианин должен верить в правомочную власть Бога также и над сегодняшним днем, и навлекать на себя конфликты, которых никогда не навлечёт на себя проклинатель современности, в своем сопротивлении узурпаторству князя мира сего; узурпатор неприемлем для него не вопреки его знанию о том, что всякое время, также и наше время, – Божье, но именно потому, что он это знает.

2000 г.

Алла Калмыкова

Алла Глебовна Калмыкова родилась в Москве. После окончания пединститута работала в школе в Якутии, в издательстве «Русский язык». С 1982 г. – прихожанка храма Сретения в Новой Деревне, с 1992 г. – сотрудник христианского издательства «Истина и Жизнь», основанного духовными детьми и единомышленниками о. Александра Меня. Перевела с польского книги Иоанна Павла II «Переступить порог надежды» (1995) и «Римский триптих» (2003); печаталась в периодике, издала сборники стихов «День Марфы» (2005) и «Отдаю эту Землю тебе» (2018).

С 2001 г. тесно сотрудничала с Театром детей «Тимур», поставившим её пьесы «Зелёное знамя надежды» о Януше Корчаке (2007) и «Пожалуйста, живи!» (2010).

СЧАСТЬЕ И БОЛЬ ВАСИЛИЯ СИДИНА

Из неоконченного письма

...Письмо это пишется без малого два десятка лет – и последние строки, наверное, допишутся вместе с жизнью. Потому что ты, Васенька, был сама жизнь – был и есть: ты, твоя Леночка, твои дети, твой театр – твоё служение, твоё «Верую». Годы нашей дружбы наполнены для меня радостью и смыслом, и твоё улыбающееся лицо – всегда передо мной на рабочем столе. Фотография как-то интересно меняется с годами: всё больше проступает на ней серебро, будто седина, всё ярче голубизна – небесная...

Восемь лет назад, ясным сентябрьским днём 2011 года, под аплодисменты сотен людей: твоих учеников, соратников, друзей, детей (так – аплодисментами – принято провожать в последний путь великих артистов), – ты навсегда покинул Дом, где совершалось тобою ежедневное чудо преображения детских душ. Но разве мог ты их покинуть навсегда? Разве любимый тобою доктор Корчак, для которого друзья приготовили план спасения и добыли разрешение выйти из варшавского гетто, мог предать своих сирот? Он остался.

И ты остался. Не только в названии созданного тобою Театра детей, которому ты отдал 35 лет жизни и который теперь носит твоё имя. Лена рассказывала: когда репетировали – уже без тебя – новый, посвящённый тебе спектакль, ты стал приходить в сны и помогать. «Ни в коем случае нельзя, чтобы он (главный герой) появлялся из оркестровой ямы: дети повскакивают с мест, будут туда заглядывать! Пусть он пробежит с букетом через весь зал». Или такой тонкий урок режиссуры: «Не говори им “тише”, скажи – “мягче”»...

Ты остался в каждом, кто соприкоснулся с тобой, кому ты отдал всего себя.

Голос

«У меня выработалась формулировка: “Я не научу вас быть актёрами – это не моя задача. Я могу вам помочь, при вашем желании, стать людьми”. Вот цель театра. Смысл в жизни найден. И дети начинают понимать: “Так, оказывается, жизнь – она для того, чтобы жить для других?” Я говорю: “Ну конечно же!.. Зачем нам профессии нужны? Чтобы через профессию

показать свою любовь к другому. Душа и сердце даны для чего? Для того, чтобы мы их в эту профессию вкладывали...” Для меня вот это – моё служение, вот эти дети».

Из пресс-релиза

В 1976 году Василий Евгеньевич Сидин, молодой актёр харьковского Театра юного зрителя, собрал мальчишек, стоявших на учёте в милиции, и создал театральную студию «Сорванцы», вскоре выросшую в настоящий театр. В 1979 году «сорванцы» стали «тимуровцами».

«Тимур» – не театр ДЛЯ детей, это ТЕАТР ДЕТЕЙ. Хотя сценографией, костюмами и музыкой к спектаклям занимаются взрослые профессионалы, все остальные функции: помрежей, звуковиков, осветителей, рабочих сцены – берут на себя старшие воспитанники. Актёры театра – дети всех возрастов и молодёжь, в том числе студенты и выпускники театральных училищ. Ещё одна особенность коллектива – вместе с обычными детьми в спектаклях играют сироты-инвалиды (с диагнозом ДЦП и другими серьёзными нарушениями). В. Сидин видел в этом мощное средство их социализации, учил своих воспитанников сострадать и помогать слабым.

В «Тимуре» выходят на сцену не затем, чтобы показать себя, но чтобы служить людям... Театр даёт выездные спектакли в детских домах, интернатах, колониях – там, где много беды и боли; каждый год в рождественские каникулы проводит утренники-интер-

медии с последующим показом премьерного спектакля; их посещает в среднем 15 000 зрителей.

В 1994 году театр становится христианским.

Голос

«Наступила “Перестройка”. Рушилось всё: Дворцы культуры пытались закрыть, денег не было. Лена тогда впервые помолилась и сказала: “Господи, дай мне учителя, чтоб подсказывал, куда идти, за кого в жизни держаться”. Вскоре она попала в больницу и нашла в тумбочке журнал с “Сыном Человеческим” о. Александра Меня – но без окончания... Она говорит: “Когда я прочла, у меня было потрясение”. Только мы заинтересовались этим именем – 9 сентября, 90-й год: о. Александра убивают. Мы находим всё-таки «Сына Человеческого», читаем. Лена более тонкой организации, чуткий человек, она читает и плачет... У нас на столе появляется Библия...

Времена сложные: купоны, талоны... Родилась Варвара. Я беру четыре или пять работ, везде подвожу, получаю копейки, ничего не успеваю. И вдруг говорю: “Мы должны ехать в Москву. Мы должны найти общину о. Александра Меня. Мы должны делать спектакли во славу Божию”...

Слово о. Александра Меня... Оно нас повернуло туда, куда вообще всем нам надо идти. Где найдёшь ответы на вопросы. Найдёшь утешение, когда тебе тяжело. Узнаешь, что такое настоящая любовь. Из Москвы я не привёз материала для спектакля, но впервые за всю свою жизнь сел и за четыре ночи написал сценарий о Рождестве Христовом. Так зимой 93/94-го года

появился спектакль “Свет Рождественской звезды”. С тех пор мы поняли, что пойдём этой дорогой».

*У места убийства о. Александра Меня.
Семхоз, Московская обл. 2005 г.*

Из неоконченного письма

...Ты познакомился с духовными детьми о. Александра Меня и стал возить своих ребят на гастроли в Москву. Первым увиденным мною спектаклем был «Маленький принц» по сказке-притче Экзюпери на сцене Культурного центра имени В. Высоцкого. Маленького принца играла восьмилетняя Варя, ей предстояло «прилететь» на Землю на цирковой трапеции, а у ребёнка – помнишь? – температура 38°! Мы молились за кулисами вместе с Леночкой, пока ты отдавал последние распоряжения перед началом. А потом – на едином дыхании сыгранный спектакль, Лётчик (Народ-

ный артист Украины Владимир Иванович Антонов) с лицом, мокрым от слёз, с недвижным тельцем Маленького принца на руках, всхлипывающие зрители, твоё «послесловие»: «Спектакль получился скорее для взрослых... Что с нами произошло? Откуда у нас бездомные и голодные дети? Где их родители? Мы виноваты перед детьми...»

Приезжая каждый год в Москву, ты после спектакля в особо «трудных» местах – Центре временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей или детском доме будешь выходить на сцену и просить прощения у попавших в беду детей за то, что сделали с ними взрослые. И это не актёрство, а твоя суть.

Голос

«...Я пробую ответить на главный вопрос жизни: зачем я живу? В душе каждого ребёнка живёт Маленький принц, который знает, что такое Истина, что есть Любовь. Что же происходит с нашими детьми, когда они взрослеют? Почему они покидают свою планету Детства и населяют планеты человеческих пороков? Я задаю себе вопрос: нет ли в том нашей вины, вины взрослых? И тут же отвечаю: конечно же есть!.. Я виноват в том, что не могу защитить детскую беспомощность, не могу помочь сохранить их чистоту... Мне больно и стыдно, что от безразличного, равнодушного взрослого мира дети бегут в наркотические грёзы... Я виноват в том, что дети – не главная наша ценность... Я виноват, что в моём городе есть музей секса и, к сожалению, нет музея Духа...»

Из неоконченного письма

Не музей – школу Духа и школу Любви ты, чуждый всякой монументальности, открыл в 1997 году при своём театре: Духовно-воспитательный центр имени о. Александра Меня. Вашим девизом стали его слова: «Педагогика – это духовный подвиг».

Но откуда соработники? Ими становились те взрослые, кто плакал на твоих очищающих душу спектаклях, а после подходил к тебе со словами благодарности, и ты приглашал: «Приходите, нам нужны помощники!» Так вокруг тебя сплотилась «тимуровская команда» мам и пап, бывших твоих воспитанников, педагогов, журналистов, предпринимателей, да просто неравнодушных людей. Консультации психологов и врачей, помощь школьникам по математике, русскому, украинскому, английскому языкам, духовная библиотека из нескольких тысяч книг, полтора десятка кружков – от рукоделия до атлетической гимнастики, свой «сэконд хенд» и даже еда для тех, кто в этом нуждался, – всё для детей бесплатно. Таков был твой принцип. А детей в первый же год пришло в твой Центр двести человек...

Откуда средства? С миру по нитке. Ты учредил благотворительный фонд для пожертвований. С государственными структурами принципиально не заключал соглашений, не вставал под их «крышу», зная, что тебе начнут диктовать правила жизни, навязывать репертуар, принуждать обслуживать официальные мероприятия. Ты не мог допустить, чтобы взрослые использовали детей в своих целях, приучали к фальши и показухе. Однако за разовой помощью к чиновникам обращался, да. Ведь и у них есть дети-внуки. Леночка

*Елена Бутенко и Василий Сидин,
супруги и соратники.
Дом культуры строителей.
Харьков, начало 2000-х гг.*

говорила, выдохнув облегчённо: «Вася выпросил деньги на спектакль... на лето...» Если же выпросить не удавалось, ты брал в долг неподъёмные для твоей семьи суммы. Случись что, продать в доме было бы нечего: все шкафы и полки в более чем скромной «двушке» были забиты книгами. Но не было случая, чтобы Бог не восполнил нужду. Святое твоё семейство никогда не возражало тебе, не роптало. Знали: так надо, так — правильно, доверяли тебе, доверяли Господу. Молились. Учились послушанию, терпению, самоограничению. На вас смотрели дети — и учились тоже.

Как же повезло тебе с женой, Васенька! Лена рассказывала: был день твоего рождения, она решила подарить тебе носки и трусы. А денег — только на дорогу с работы домой. Сидит она в своём кабинете врача-педиатра, спрашивает Господа, как быть. И тут

приходит к ней папа за консультацией для своего ребёнка. Поговорили, Елена Алексеевна – а она врач от Бога, и в городе это знают, – дала ему важные советы; он, думая, что доктор не заметит, потихоньку подсунул под бумаги на её столе конверт. Лена никогда не брала мзды за оказанную помощь, никогда. Довольствовалась скромной зарплатой. А тут голос внутри: «Возьми». И она взяла. Денег оказалось ровно столько, сколько нужно было на такой роскошный подарок тебе. Знаем, знаем мы, Васенька, подобные случаи: они описаны в Житиях...

Вы и зятя себе такого воспитали. Нашёл Антон как-то во дворе возле дома деньги, не лишнюю для вас сумму. Взял, пошёл было, но вернулся – и положил деньги на то самое место, где нашёл: а вдруг человек хватится и вернётся? Догадываюсь, сколько людей прокомментировали бы это: «Ну и зря! Алкашу какому-нибудь достанутся». В семье же за Антона порадовались, одобрили – поняли.

Не знаю, знаком ли тебе термин «элевация», применяемый психологами и педагогами: возвышение ребёнка, подтягивание его до высоко поставленной нравственной и духовной планки. Ты в своём театре, в Духовном центре, в семье исповедовал именно этот метод.

Тут ты начинаешь махать руками: мол, рисую портрет праведника без пятна и порока. Ну да, живого праведника. С грехами и даже вредными привычками, вроде курения, со вспышками гнева, когда мог накричать на ребят (за дело), уйти – но минут через десять вернуться как ни в чём не бывало, снять напряжение шуткой или уморительной гримасой и продолжить

занятие. Дети побаивались твоего гнева, но не тебя. Тебя любили, ловили каждое слово, тянулись, как к магниту, надо и не надо заглядывая в твой «скворечник» – крошечный кабинетик в Доме культуры.

Чтобы дети не выпадали из вашего поля зрения надолго, вы придумали годовой круг, подобный церковному.

На Рождество – ёлки и премьеры, по два представления ежедневно! Артисты твои трудятся с полной отдачей, а в последний день этого марафона уходят с целой горой подарков, гордые твоей похвалой и благодарностью.

В марте у вас – Духовный фестиваль с участием детских творческих коллективов города, с выездными спектаклями в колонии и интернаты, с вечерами для взрослых и старших «тимуровцев». Ты приглашаешь на них гостей: харьковских и московских поэтов, музыкантов, артистов, учёных, священников – тех, у кого есть что отдать детям, кто поможет им найти в жизни смысл, увидеть красоту осуществлённого призвания.

Летом – знаменитая дача «Ковчег», месяц долгожданного счастья для детей и предельного напряжения сил взрослых. Ни одного пустого, ничем не заполненного дня! Притом – с вами дети-инвалиды из интерната, иногда неходячие, которых везде берут с собой: старшие ребята несут их на руках, везут в колясках на речку, на эстафету, на тропу библейских героев, на дискотеку. Они не отверженные, они приняты как равные среди равных, они перестают стыдиться самих себя. Какой же силой духа ты вооружаешь их, Вася! Как мудро учишь своих воспитанников сострадать и помогать слабым!..

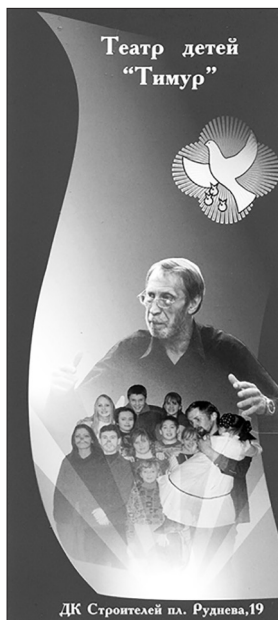
Последний день залит слезами, уезжать не хочет никто. Проводив автобусы с детьми, вы, взрослые, остаётесь отдохнуть на несколько дней, отоспаться, поплескаться в речке, пожить «для себя». Но ты бродишь меж опустевших домиков как потерянный: «Дух ушёл... Нечего здесь больше делать. Едем домой».

Осенью, в ноябре, — день рождения театра, который вы празднуете как День благодарения всем, кто помогает детям. Номинантов выбирают они сами. Как важно, что ты учишь их благодарить красиво и щедро, с цветами, стихами и подарками (книгами, книгами, конечно!), с концертными номерами, посвящёнными персонально каждому из награждённых Почётным знаком — синей керамической медалью «Пробуждение»... Когда её вручали в Москве протоиерею Александру Борисову — это его приход принимает «тимуровцев», — он бережно взял её в руки, поцеловал и сказал, что это самая дорогая награда за всю его жизнь...

День рождения театра — 11-го, а твой — 27 ноября. На свой 60-летний юбилей ты раздавал пригласительные билеты с таким текстом: «Я буду благодарен, если Вы придёте ко мне без цветов и подарка и примете участие в благотворительном спектакле “Пожалуйста, живи!” в помощь больному ребёнку». На фото — очаровательный

*Василий Евгеньевич
Сидин (1950–2011)
в день 60-летнего
юбилея. Харьков, 2010 г.*

розовощёкий пупс. И подпись: Никитина Маргарита, 1 год 2 месяца, нейробластома.

Спустя года два я увидела её, эту девочку, спасённую и живую, на фото: мама привела её на вечер в твою память и спектакль, поставленный уже без тебя. Маргарита вышла на сцену с огромным яблоком в руках, и зал аплодировал ей, «Тимуру», всем, кто помог деньгами. Аплодировал тебе, Васенька.

А чего тебе всё это стоило...

Голос

*Приглашение на юбилей в честь 60-летия
В. Сидина. 2010 г.*

«...Я перестал бояться чиновников... Во мне вдруг стала появляться какая-то сила: я иду к ним ради детей. “Ковчег” в этом году (2010-м. – Ред.) откроется четырнадцатый раз. Бог дал так, что кроме своих я вывожу туда 30 детей-сирот, больных ДЦП, – эти дети стали и актёрами моего театра.

Неимоверно трудно... В этом году я не могу открыть “Ковчег”, потому что чиновники меня не могут принять, им некогда. Я не сплю ночами, мне видятся пожарники, которые нагрянули в лагерь и кричат детям: “Собрать чемоданы!” Мои дети – без рук, без ног, в колясках – за стволами деревьев прячутся и молятся, понимаете? И молитвами прогоняют этих пожарников. Я выдерживаю пожарников, санэпидемстанции, идиотов,

которые учат, как мне воспитывать детей и как любить их надо, закрывая такие лагеря...

У нас вчера одной девочке исполнилось 18 лет. Ей поставили аппарат Илизарова. У неё руки нет и ноги не в порядке. Родители, научные работники, от неё отказались, она сирота полная. И одна сидит летом в интернате. Ни-ко-го. У меня ничего не двигается по “Ковчегу”. Мы с Леной едем к ней, покупаем черешню, клубнику, розы; Сонечка, моя внучка, отдаёт свою копилку с деньгами... Надо было видеть, как наша сирота счастлива: у неё праздник состоялся! А вечером вдруг решаются вопросы по лагерю. Только после сделанного доброго дела – звонок: “Вас примет замглавы облоно”. Понимаете? Как не видеть во всём Божьего Промысла?

Любое благое дело даётся очень тяжело. Если вы проходите испытание трудностями, значит, делаете то, что надо. А силы я черпаю в Церкви».

Единомышленник

«...педагог от Бога. Его педагогическая система не может быть классифицирована в рамках известных официальной педагогике подходов. Она сродни педагогике Януша Корчака и Василия Сухомлинского. Если очень схематично, то кредо педагогической системы В. Сидина заключается в том, что единственным путём воспитания является свидетельствование собой: образом собственной жизни, ежедневными поступками, отношением к другим людям, отношением к делу, которому служишь. Если нет разлада между тем, что внушаешь детям на словах, и тем, что совершаешь на деле, то воспитание состоится. Это подвижнический и

тернистый путь немногих. Чтобы следовать по нему, необходим особый нравственный стержень, готовность к самопожертвованию и самоотречению, к непониманию и равнодушию очень многих людей, не признающих “пророка в своём отечестве”». (Г. Минаева, педагог)

Из неоконченного письма

Ух, как же тебя ненавидели те, кому ты вставал поперёк пути! Ещё молодым, работая в Доме пионеров, ты уличил комсомольских функционеров в краже денег, выделенных на детские костюмы для новогодних праздников, – они отправили тебя в психушку. Журналисты Харькова встали на защиту, вызволили... Угрозам подать на тебя в прокуратуру, упечь за решётку ты давно потерял счёт. Здание, отданное тебе под Духовный центр, как оказалось, не подлежало ремонту, обросло долгами, тебя измучили суды – пришлось уйти оттуда... А как шипели и негодовали те, кто категорически не принимал христианской направленности твоего театра! Это сегодня, после известных трагических событий, в Украине, кажется, не осталось неверующих. А тогда тебя упрекали чуть ли не в нарушении закона об отделении Церкви от государства. Ты же терпел, стоял на своём – спасибо тебе за эти уроки стояния в истине. Единственное, чего ты не мог терпеть, – это когда взрослые обманывали и обижали детей.

Разное случалось и во время гастролей в Москве. В Институте протезирования вы с успехом сыграли «Следы на снегу», а через год привезли «Таинственный сад» – об отверженном мальчике, прикованном к инва-

лидной коляске, которому друзья помогают встать на ноги. Какое ободрение для детей, пришедших в зал на костылях, для лежащего в гипсе ребёнка, привезённого на каталке! И вдруг – удар: запрещают вешать задник и кулисы. Но без них спектакль потеряет всю свою волшебную красоту! В прошлом году было можно, в этом – нельзя. Причина – амбиция человека, отвечающего за культурную работу: ему не доложили о спектакле. Я ещё пытаюсь его убедить, хотя вижу, что всё напрасно, – а ты уходишь к детям. С комом в горле, с тяжёлым сердцем иду следом. Как сказать им, что спектакля не будет? «Ребята, внимание, – говоришь ты. – Играем без декораций. Ставим только деревья и фонтан. Это значит – работаем по максимуму. Не забывайте, для кого мы играем».

А ведь ты мог бы... Нет, не мог. Ты прежде меня увидел, что тот человек – инвалид. Ты знал, что психика у таких людей уязвима, ты пожалел его. И ты не мог допустить, чтобы ушли, разочарованные, зрители, которые уже понемногу начали наполнять зал.

Рядом со мной во время спектакля сидели слепая девушка и её мама. Девушка не смотрела спектакль – только слушала. По лицу её текли слёзы... Как же благодарна была она детям и тебе, Вася, за обрётённую надежду и желание жить! Так и сказала.

Но когда отменили спектакль в другом, особо значимом для вас месте, потому что в Доме культуры совещались какие-то важные, судя по машинам с мигалками, начальники; когда взрослые стали врать, что туалеты не работают, поэтому приехавших на спектакль школьников с учителями просят разойтись, – вот тут ты изменился в лице. «Тимуровцы» восприняли это

легко: их ещё ждала интересная экскурсия. А ты, когда добрались до дома, отказался от еды и слёг с жесточайшим приступом радикулита.

Да что говорить... Мы же все: и семья твоя, и помощники, и друзья, – знаем, чего ты не смог понести и почему позволил себе уйти так рано. Рейдерский захват заброшенной базы отдыха, где приютился ваш «Ковчег», насильственное закрытие его через несколько дней после заезда ребят лишил их счастья, которого они ждали весь год. В голос рыдали дети-инвалиды – среди лета им пришлось возвращаться в интернатские стены. Ни в одном из чиновничьих кабинетов не отвечали на твои звонки – голос Сидина там знали слишком хорошо. Ты сказал тогда: «В этом городе мне больше нечем дышать...»

Но я не хочу об этом. Я хочу говорить с тобой о жизни.

Голос

«Летом на творческом отдыхе в “Ковчеге”... мои воспитанники дети-сироты сыграли свадьбу. Невеста в подвенечном платье и жених в соответствующем костюме плыли по реке на лодке, украшенной алыми парусами, а гребли ребята, переодетые ангелами. ... Всё происходило как в замедленной съёмке какого-то фантастического фильма. Наверное, застывшие на местном пляже люди подумали, что перегрелись на солнце. А когда чёлн с молодожёнами причалил к берегу, все, кто восторженно следил за происходящим, увидели одноногую невесту и глухонемого жениха... На следующее утро под дверями столовой мы обнаружили

мешок картошки, помидоры, сливы, яблоки и ещё много всякого добра. А это вселяет надежду, что живёт в душе каждого любовь и сочувствие, надо только уметь их в людях разбудить».

Из летописи «Ковчега»

«Я впервые в “Ковчеге”, и мне всё очень понравилось – духовные уроки, ярмарка, встреча рассвета, молитвенные общения. Всё, что мне рассказывали, я нигде не слышал!.. Самое главное в “Ковчеге” – это Дух!»

«Я ехал сюда, чтобы научиться жить ради другого человека, я думаю, что у меня это почти получилось... Я молился, чтобы научиться любить так, как любит нас Господь... ну хотя бы чуть-чуть прикоснуться к этому».

«Для меня “Ковчег” – это духовный дом... здесь хочется понять, для чего я была рождена на этот свет. Хочется самой дарить окружающим тепло, свет, радость, как это делают Елена Алексеевна, Василий Евгеньевич, Мариночка и Антон, все наши тимуровские мамочки. Я благодарна всем этим людям, я не чувствую себя одинокой». *(Отзывы детей. Из газеты Духовно-воспитательного центра «Пробуждение».)*

Из неоконченного письма

Ты попросил меня помочь с песней для спектакля «Томасина» – те стихи, что уже были написаны, тебя чем-то не устраивали. Так началось наше сотрудничество. Сначала тексты песен к спектаклям, потом – инсценировки по книгам западной христианской классики для детей.

*Участники спектакля «Томасина» с Н. Л. Трауберг
(переводчиком с англ. повести Пола Гэллико «Томасина»).*
Российская государственная детская библиотека.
Москва, 2004 г.

Однажды ты обронил:

– Мечтаю поставить спектакль о Януше Корчаке. Кучу драматургического материала пересмотрел – всё не то. Там действуют взрослые, а мне надо вывести на сцену детей.

– А ты не хочешь поставить «Короля Матиуша»?

– Увы, он не сценичен. Мне нужно единство времени, места, действия. «Матиуш» скорее для кинематографа...

Спустя какое-то время ты, хитрец, дал мне книгу «Как любить ребёнка» и «Дневник» Корчака, а потом – его биографию. И стал ждать. Почему-то ты знал, что нужно время. Я читала, делала закладки, но у меня и в мыслях не было взяться за пьесу.

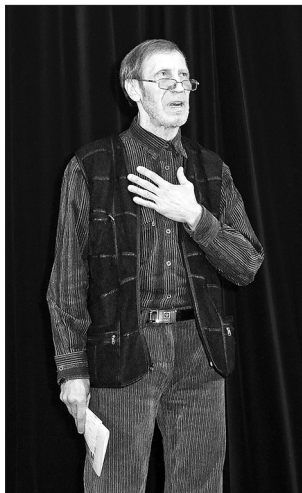
Прошёл, может быть, год или два – и вдруг словно кто-то щёлкнул выключателем внутри меня. Я взяла бумагу, ручку – и написала первую картину.

Как Максудов в «Театральном романе» Булгакова, я видела коробочку сцены в твоём Доме культуры, на ней двигались фигурки детей, и картинки эти становились ремарками. Поставив вечером точку и не зная, что дальше, утром я просыпалась с готовым ответом. Сцены из «Матиуша» как-то сами собой вплетались в ткань пьесы. Это было не иначе как чудо. Теперь-то понимаю: ты молился. Пьеса была готова через неделю.

Позвонила в Харьков, отправила тебе текст. Ты ответил мгновенно: «Приезжай». В своём «скворечнике» ты собрал верных друзей театра, единомышленников – педагогов, журналистов; пришла Лилия Семёновна Чичибабина, вдова поэта. Ты прочитал пьесу, началось обсуждение – и прозвучал вопрос, который потом будут тебе задавать не раз: можно ли заставлять детей страдать на сцене?

Голос

«У меня дети не страдают, а учатся состраданию. Пусть те, кто меня обвиняют, придут за кулисы. Они

*Разговор со зрителями
о Холокосте перед
спектаклем «Зелёное
знамя надежды».
Харьков, 2007 г.*

*Финальная сцена спектакля
«Зелёное знамя надежды» (новая редакция).
В роли Януша Корчака – Антон Жилияков.
Харьков, 2013 г. (Фото Руслана Степанова)*

увидят, что ребята, отработав спектакль в слезах и соплях, высказывают со сцены и становятся обычными детьми. Я иногда сам поражаюсь, насколько легко они переходят из одного состояния в другое. Но им уже хорошо известно, что боль – это всегда точка прикосновения зла, хотя и не есть зло. Чувствовать боль другого – это уже начало борьбы со злом».

Из неоконченного письма

Ты был на подъёме, Васенька, и Бог дал тебе сил поставить «Корчака» внепланово – ведь пьеса получилась совсем не сказочная и для праздничных рождественских представлений не годилась. Ты, так долго

мечтавший об этом спектакле, совершил подвиг самоотречения: отказался играть главную роль, отдал её зятю Антону и оставил за собой режиссуру. А Антон, которому роль Корчака помогла раскрыть его актёрский потенциал, взял себе для этого спектакля псевдоним — фамилию родственников, расстрелянных фашистами в Дробицком яру.

Чудеса продолжались. Готовясь к приезду «Тимура» в Москву, я искала сцену для премьерного показа. Делать это становилось с каждым годом труднее: все требовали арендной платы, нам же нужна была бесплатная. Ты посоветовал обратиться в Театральный центр «На Страстном». Я оставила заявку и диск и едва успела доехать до дома, как раздался звонок администратора: мы даём вам сцену.

В обновлённой редакции, с новым актёрским составом «Зелёное знамя надежды» играют в твоём театре до сих пор. А 22 июля 2017 года спектакль был показан в Нюрнберге.

Из зрительного зала

«Основным зрителем была немецкая молодёжь — участники театральных коллективов... Немцы, возрастом 17–25 лет, были веселы и возбуждены настолько, что горячо аплодировали и радостно выкрикивали даже тогда, когда Антон, художественный руководитель и ведущий актёр харьковского театра “Тимур”, говорил о том, что спектакль будет о детях во время войны, о том, что в Украине тоже идёт война, что дети, которые играют в спектакле, живут совсем близко от зоны боевых действий... Антон попросил быть более сдержанными, не аплодировать...

Спектакль начался... Зазвучала еврейская мелодия. Эти чудесные дети, которым я показывала Нюрнберг, перевоплотились в сирот, сорванцов, сорвиголов, а Антон... Как только появилась его фигура в шляпе, с небольшим саквояжиком, у меня градом покатились слёзы... Зал сидел не дыша, хотя спектакль шёл на русском и нужно было читать титры. В середине спектакля к моим всхлипываниям присоединилось ещё несколько, а под конец пьесы рыдал чуть не весь зал. Хотя на сцене не было никаких ужасов и модного сегодня натурализма, люди прижимались друг к другу и плакали. Содрогался от плача патлатый красавчик, спрятав в ладони свой арийский профиль, плакали девчонки с какими-то немыслимыми дредами, всхлипывали и громко втягивали сопли подростки. Когда же под невероятно красивую еврейскую мелодию доктор Корчак пошёл с детьми в глубину зала, откуда поднимался дым, а потом вывел вереницу детей в рай, где одна девчушка встретила свою маму, которая ещё в начале спектакля умерла от голода, некоторые зрители зашлись в неудержимых рыданиях. Все стояли, плакали и аплодировали, и эти аплодисменты были совсем иными, чем с самого начала...» (*О. Котик*)

Из неоконченного письма

Ты был счастлив, что воплотил свою мечту. За первые полтора года после премьеры вы сыграли «Корчака» тридцать три раза: для студентов, педагогов, бывших узников концлагерей. Тебе не хотелось снижать планку, было уже неинтересно ставить просто «праздничные» спектакли. Духовная дочь Александра

*Сцена из спектакля «Пожалуйста, живи!».
В роли о. Георгия Чистякова – Антон Жиялков
(ныне – художественный руководитель театра «Тимур»).*
Харьков, 2010 г. (Фото Руслана Степанова)

Меня и издатель альманаха «Христианос» Наталия Большакова, оказавшаяся в Москве во время ваших гастролей, посоветовала: «А вы сделайте спектакль об отце Георгии Чистякове, о детской больнице».

Мы не могли предположить, чем это обернётся.

Из газет

«...То, что продемонстрировали на сцене юные актёры “Тимура”, иначе как театральной бомбой не назовёшь. К счастью, действие длится всего лишь час – больше вынести невозможно... После Голодомора, Освенцима и ГУЛАГа заставить сострадать человека XXI века можно, только снизойдя в бездну. Театру

Сцена из спектакля «Братья-лебеди».
(Фото Руслана Степанова)

*«Тимур» будет жить! Финал спектакля «Братья-лебеди»,
посвящённого В. Сидину. Харьков, 2012 г.*
(Фото Руслана Степанова)

“Тимур” удалось это в полной мере. А ещё за два премьерных спектакля зрители пожертвовали для харьковской городской детской клинической больницы № 16 10 тыс. 300 грн. После такого Гимна Детям многие, уходя, могли вымолвить только два заветных слова: “Пожалуйста, живи!”» (В. Чистилин)

Из неоконченного письма

Я не сказала тебе, не смогла, какие мерзкие вещи услышала от людей, которые стали профессионалами милосердия, научились привлекать богатых спонсоров, раскручивать большие проекты. «Пиарится на больных детях... Бабло собирать – это уже не интересно...» Господи, прости их, они ведь реально помогают детям. Но не о них здесь речь. Ты и твоя удивительная семья спасли уже не одну детскую жизнь. Не только тем, что собрали «бабло» на лечение. Вы, «тимуровская команда», помогли отверженным детям-сиротам принять себя и поверить в Божью любовь, подарили счастье всем, кто однажды пришёл в театр – и остался. Спасли от мрака этого мира, от безверия и бессмысленности существования.

«Тимур» больше не ездит на гастроли в Москву. Ты, конечно, знаешь – почему. Когда всё это началось, когда бои шли в полусотне километров от Харькова, твои дети подняли весь город и построили – об один день – обыденный храм во имя мира. Я верю, построили не напрасно.

И ты, Васенька, пожалуйста, живи! Я хочу, чтобы ты никогда не умер.

Москва
Апрель 2019

Священник Павел Левушкан

Павел Левушкан родился в Сибири 21 мая 1973 года. Учился на филологическом факультете Томского Государственного Университета; затем получал образование в области практического богословия в корейской семинарии; завершил обучение по истории церкви на теологическом факультете Уэльского Университета (Великобритания).

С 2004 года проживает в Латвии, где тогда же начал издавать популярный русскоязычный портал о религии Baznīca.Info (слово “baznīca” в переводе с латышского означает “церковь”).

В 2014 году был рукоположен в Словакии в сан священника. В январе 2016 года вместе с единомышленниками – по благословению архиепископа Латвийской Евангелическо-Лютеранской Церкви Яниса Ванагса – основал русскоязычную лютеранскую общину Богоявления при Новой церкви св. Гетруды в Риге.

В 2017 году миссионерская община официально стала частью Латвийской Евангелическо-Лютеранской Церкви, а о. Павел назначен ее настоятелем.

Автор книги «Дневник паломника за счастьем» (вышла в 2012 году в серии «Национальные евангельские лидеры»).

СПАСАЙ ВЗЯТЫХ НА СМЕРТЬ...

Подвиг Бруно Розенталса

На улице Гоголя в Риге, в районе сожженной нацистами Большой хоральной синагоги, набитой людьми (это было 4-го июля 1941 г.), стоит памятник – семь белых плит с именами. Это имена тех жителей Латвии, кто, рискуя жизнью, спасали «взятых на смерть». Множество фамилий: латышских, польских, русских, белорусских. Люди всех национальностей участвовали в деле спасения своих соседей, друзей, сослуживцев, просто незнакомых людей, которые были их соотечественниками и попали в жернова Холокоста только по причине своей национальности.

На одной из плит внимательный читатель может найти несколько имен, объединенных общей фамилией Rozentāls: Malvīne, Bruno, Edgars, Frīdrihs, Žanis. С самым младшим из этой героической латышской семьи мне довелось встретиться лично. Брат Бруно Розенталс, был долгие годы членом прихода Новой церкви св. Гертруды, где сейчас совершает богослужения также и русская лютеранская община Богоявления. Бруно дважды избирался председателем общины, и всю жизнь служил как *rēgminderis* (служитель, помогающий священнику в алтаре, подобно пономарю или алтарнику в православной церкви, или министранту в римско-католической).

Для русскоязычных лютеран эта страница истории храма остается очень важной. То, что именно здесь служил человек, ставший спасителем евреев, для общины, которая участвует в межрелигиозном диалоге, проводит еврейские конференции и фестивали – часть общей памяти.

Каждый год в Румбульском лесу проходит церемония памяти 25 тысяч евреев из рижского гетто, убитых здесь нацистами и их местными приспешниками 30 ноября и 8 декабря 1941 года. Руководители страны, представители еврейской общины Латвии, часто также представители различных религий, вместе вспоминают об одной из самых трагических страниц в истории новой Латвии. 30 ноября стал днем национального траура. В июне 1941 года в Латвии жило около 93 тыс. евреев. За время нацистской оккупации 1941–1944 гг. было убито более 70 тыс. латвийских евреев и более 20 тыс. евреев, депортированных в Латвию из других стран Европы.

«Эти события произошли на земле Латвии, и в них участвовали и наши люди. [...] Сотрудники рижской полиции должны были участвовать в акции – оцеплять гетто, выталкивать людей из домов, гнать их 8 километров в Румбулу, вести по этой тропе смерти [...] до больших ям, которые вырыли русские военнопленные, убитые после этого», – заявила в 2002 году на открытии мемориала на месте расстрела тогдашняя президент Вайра Вике-Фрейберга.

Действительно, часть жителей Латвии активно (кто-то добровольно, кто-то под принуждением) участвовали в этом ужасном злодеянии. Но были и те, кто в условиях военного хаоса, идейной неопределенности (связанной с советской оккупацией и последовавшими депортациями и расстрелами), все же нашел в себе мужество и силы сделать третий выбор. Не за красных, и не за коричневых. Эти люди следовали библейской максиме: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч 24:11). История и мемориал «Яд Вашем» знают о 136 героях из Латвии,

удостоенных звания «Праведников народов мира»¹ от государства Израиль. В случае Бруно Розенталса эта убежденность в библейской истине исходила из его глубоко верующего сердца.

Бруно было всего 16 лет, когда его отец начал сотрудничать с самым известным латышским «праведником мира» Жанисом Липке в деле спасения евреев из рижского гетто. На самом деле его звали Янис и родился он в Елгаве в семье бухгалтера Яниса и домохозяйки Паулины. Мальчик окончил всего три класса начальной школы. Кроме родного латышского владел также русским и немецким языками. В Риге в районе улицы Баласта Дамбис, у портового докера Жаниса Липке был дом. С приходом в город немцев Липке стал работать в «Красных амбарах» – нынешний район Спикери. Ему доверяли привозить и увозить людей из гетто, которых брали на работы. Именно тогда он вывел из рижского гетто, спрятав в бункере своего сада и спас от верной смерти 55 евреев.

¹ Праведник народов мира – почетное звание, выражающее благодарность государства Израиль и всего еврейского народа и присваиваемое неевреям, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев во время Холокоста. [...] Признанные Яд Вашем Праведники народов мира – это выходцы из 44 стран; христиане всех конфессий, мусульмане, верующие и атеисты, мужчины и женщины, люди всех профессий и возрастов, образованные, профессионалы и неграмотные крестьяне, богатые и бедные. Единственное, что их объединяет, это человечность и мужество, стремление в жестоких условиях террора сохранить лучшие нравственные качества. Звание Праведник народов мира [...] является синонимом чести, человеческого героизма и означает победу добра над силами зла. [Электронный ресурс] URL: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/about-the-righteous.html>

*Жанис Липке (1900–1987) – слева
и Бруно Розенталс (1925–2008).
(Фото 1950-х гг.)*

Бруно и его младший брат Эдгарс согласились помочь своему отцу в сокрытии евреев, вспоминал Бруно на встрече со студентами религиозной школы в синагоге Адаас Исраэль в Вашингтоне. «Я знал, что мы должны спасти евреев ... Я чувствовал их боль как свою боль», – сказал Розенталс. Это была не просто эмоция, но глубоко религиозное чувство сострадания, которое по мнению религиоведа Карен Армстронг является общим для всех великих духовных традиций человечества.

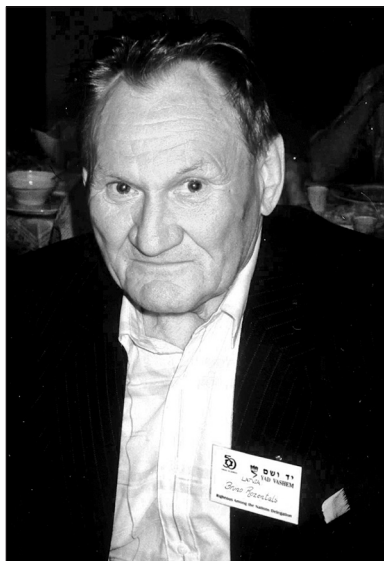
Между тем в жизни самого Бруно к тому времени уже случилась трагедия. Его старший брат был расстрелян летом 1941 года отступающей советской армией. После такого некоторые латыши из желания мести вступали в ряды полицейских батальонов, а затем и латышского

легиона Ваффен-СС. Некоторые, но не Бруно. Через несколько дней вновь прибывшая немецкая армия убила всех евреев, живущих в городе Добеле, где неподалеку жила семья Розенталса. Многие из друзей Бруно и его брата были среди них. Он видел зло и смерть, и видел, как семена зла созревали и расцветали в сердцах его соседей и знакомых. И решил для себя, что его сердце, в котором живет Христос, будет наполнено любовью и состраданием

Семья Розенталсов спрятала 36 евреев в специальных комнатах «бункерах», вырезанных под домом и в сарае на их семейной ферме вблизи села Милтини, а также в двух соседних фермах в районе Добеле. Все спасенные пережили нацистскую оккупацию, которая закончилась в конце 1944 года. На встрече с еврейскими студентами в Вашингтоне брат Бруно выразил надежду, что «люди сохраняют свои чувства и никогда больше не будут делать ничего подобного (Холокосту)».

Показательный штрих к портрету Бруно Розенталса. После войны в церковь, где брат Бруно был активным членом прихода, пришла семья – вернувшийся из сибирской ссылки бывший легионер Ваффен-СС и его дочь-подросток. У него не было жилья, и очень сложно было с такой биографией найти работу в советской Латвии. Единственным, кто откликнулся на их нужду, был Бруно. Он позволил им жить в комнатке в крипте храма, давал разовые работы, помогал продуктами, до тех пор, пока тот не смог найти регулярный заработок. Источник этого сострадания – в словах Иисуса: «Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас». (Лк 6:27)

В 1988 году в Яд Вашем в Музее Холокоста в Иерусалиме Бруно Розенталс получил почетное звание

Бруно Розенталс на праздновании 50-летия государства Израиль, 1 мая 1998 года в Иерусалиме

св. Гертруды будет мемориальная доска в память об этом героическом человеке и истинном христианине.

Брат Бруно ушел на небеса 16 марта 2008 года. С тех пор в этот знаковый для Латвии день мы размышляем не об очередном шествии легионеров, которое вызывает столь много противоречий в латвийском обществе. Мы вспоминаем о Бруно Розенталсе. Нам очень важно, что этот человек был лютеранином и явил подлинно христианское свидетельство о нашей Церкви миру. Это именно то лицо латышского народа, которым мы гордимся.

«Праведник народов мира», а в синагоге Адас Израэль в Вашингтоне установлена мемориальная плита в память о тех людях, чьи жизни спас этот смиренный, излучающий доброту и радость человек. Таким он и запомнился – добрым, светлым человеком, который распространял вокруг себя то, что можно назвать отблеском святости. В Латвии ему присвоена высшая государственная награда – Орден Трех звезд. Мы молимся и надеемся, что и в Новой церкви

*Рига
Март 2019*

Священник Владимир Зелинский

БОГОСЛОВИЕ ИЗУМЛЕНИЯ

*О книге Оливье Клемана
«Беседы с патриархом Афинагором»*

Эта книга, написанная по-французски в конце 60-х, была переведена на русский язык в начале 80-х годов¹. Переведена спонтанно, по внутренней необходимости поделиться ею, без издательского заказа и надежд на публикацию. Просто в добрых традициях самиздата, не вмещавшего впрочем, подобных объемов. В 1993 году, в иную эпоху, она вышла в русском переводе в Брюссельском издательстве *Жизнь с Богом*.

Перед новым изданием, перечитав книгу ради небольшой редакции, переводчик не мог не погрузиться вновь в особую ее атмосферу, не задуматься над ее смыслом. Точнее сказать, над ее посланием, тем, что она хочет сказать нам сегодня. Времена, о которых здесь идет речь, давно миновали, хотя в истории Церкви это и малый срок. Но в плане межцерковных отношений они теперь кажутся почти идиллическими. В ту пору, когда летом 1968 в резиденции Вселенского патриарха в Стамбуле происходили эти *Беседы*, Православные Церкви в России и в Восточной Европе, находились в жестких объятиях душивших их Левиафанов. Но как раз благодаря им, существовало, хоть и не повсюду, несомнящееся, почти инстинктивное ощущение связи одних христиан с другими. «Солидарность в Боге гонимом»,

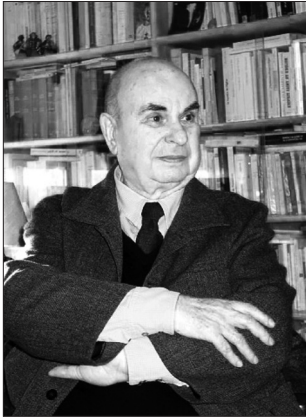
¹ Перевод Владимира Зелинского. (Прим. ред.)

как скажет потом С. С. Аверинцев². Но когда Церковь освободилась от таковых объятий, стала уходить в прошлое и солидарность, в том числе, и в самой православной среде. Собор, созыва которого так добивался патриарх Афинагор, в 2016 году, наконец, состоялся, но общеправославным не стал из-за отсутствия на нем Русской и трех других автокефальных Церквей. Заявленные причины отказа могли быть разными, не до конца высказанными, но настоящим яблоком раздора стала «экклезиологическая грамматика» или упоминание в документах, заранее подготовленных для Собора, слова «Церковь» во множественном числе в применении и к неправославным общинам. Термин «экуменизм» на наших глазах уподобился боксерской груше, на которой тренируются и соревнуются между собой атлеты ортодоксальности. Причем, не только в России. Круг читателей Клемановских *Бесед*, или сочувствующих им, напоминает теперь кружок бывлых любителей самиздата, если не сегодняшних адептов инаковерия.

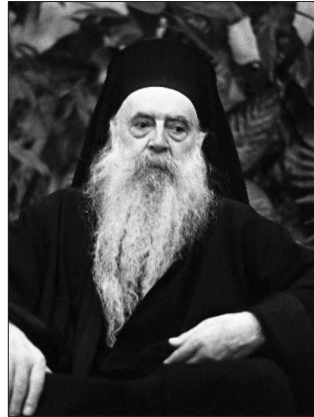
Легко, почти незаметно мы вошли в эпоху анти-экуменического ожесточения, и многим оно понравилось. За ожесточением проглядывает потребность в самоутверждении собственной церковной идентичности. Со стороны забота о ней выглядит некой возбужденной ревностью о правоверии, изнутри же всегда пронизана токами гордыни, конфессиональной, патриотической или персональной. Церковный наш климат наэлектризован энергией противостояния, в котором легко узна-

² *Аверинцев Сергей*. Опыт советских лет: солидарность в Боге гонимом. Рига: ФИАМ. «Христианос-Х», 2001. С. 95–103. (Прим. ред.)

ются давно знакомые маски врагов. Зимняя, застоявшаяся атмосфера повисает сегодня над всякой попыткой подойти к теме христианского единства. Но тому, кто, вдоволь надышавшись ею, станет тосковать по иному весеннему воздуху, захочется поговорить с патриархом Афинагором. Книги расцветают и увядают, этой же, как мне думается, предстоит долгая весна.

*Французский богослов,
историк Оливье Клеман,
2008 г.*

*Вселенский
патриарх Афинагор I,
1967 г.*

Здесь мы сможем что-то узнать о вчерашнем дне экуменизма от начала XX века до встречи Оливье Клемана (1921–2009) со Вселенским патриархом Афинагором I (1886–1972). Это время прошло, и здесь мы воздержимся от того, чтобы судить о нем с позиции обретенного с той поры опыта, дополнять, критиковать, исправлять, комментировать. Попробуем взглядеться, вернуться в то вечное, которое живет в этой книге и к которому мы можем быть причастны; оно и далеко позади, как и впереди нас. Вечное – значит верное

Христу: *Да любите друг друга... Да будут все едино, как Ты Отче во Мне, так Я в Тебе...* Кто они, эти все? Имел ли в виду Иисус исключительно тех, кто будет достойно и правильно славить Его в последующих веках? Вслушиваясь в эти *Беседы*, мы невольно задаем себе этот вопрос.

Они предлагают не совсем привычный нам образ православия: православия без врагов, не вооруженного анафемами, не втянутого в разделения на «мы» и «они», «наших» и «ненаших». Православия, нарушающего границу того магического круга, куда впадает единственный, хорошо огражденный и оформленный поток благодати и за пределами которого – только тьма и скрежет зубов? Афинагор не спорит с этой линией разделения, даже не пытается прорваться через нее. С богословской простотой и детской, наивной мудростью он лишь открыто исповедует веру, чьи легкие дышат евангельским воздухом. Его весть, как и основа его жизни, в том, что Христос – центр притяжения человеческой истории. Зримо или незримо Он присутствует повсюду.

«После Воскресения вся история человечества разворачивается в Нем, ищет Его, славит Его, борется с Ним, отвергает Его, находит снова. Его тайное присутствие, то откровение о человеческой личности и любви, которое Он несет в себе, стали закваской всей жизни человечества».

Та вера, которая *не ищет своего*, находит *свое* и Христово и там, где, ища Его, заблуждаются или Его отвергают. Он окликает нас повсюду. Такая вера выходит

из боевого порядка, в который встроена значительная часть нашей священной памяти. Оставаясь скрупулезно верным Преданию в богослужении, исповедании, быту, патриарх отказывается от защиты и агрессии против неверных, пусть даже в самой мягкой, дипломатической форме. Тем самым по знакомой всем человеческой логике, он тотчас вызывает агрессию на себя. Отказавшись бросать камни в кого бы то ни было, он навлекает их на собственную голову. За годы, прошедшие после брюссельского издания этой книги, репутация патриарха Афинагора³ почернела как туча с отравленными осадками. Масон, модернист, еретик, американский ставленник, восточный папа... И, само собой разумеется, сверх-суперэкуменист. Собственно, в этом и состоит главная «ересь» Афинагора – в неучастии ни в межконфессиональной, ни вообще в какой-либо войне. Он не доставляет своим противникам удовольствия на них нападать. Он и себе не доставляет удовольствия их иметь.

«...Я безоружен, – признается он. – Я ничего не боюсь, ибо *любовь изгоняет страх*. Я разоружил свою волю, желающую быть правой, оправдывать себя за счет других. Я уже не живу начеку, ревниво распростершись над своими богатствами. То, что мне дается, я умею и разделить. Я не слишком привязан к собственным идеям, собственным проектам. Если мне предложат лучшие, я приму их без сожаления. Даже не лучшие, а просто хорошие.

³ См. Патриарх Вселенский Афинагор I. Биографический очерк. // Рига: ФИАМ, 2001. Христианос-Х. С. 83–94. (Прим. ред.)

Знаете, я отказался от сравнительных степеней... То, что хорошо, истинно, реально где бы то ни было, для меня всегда остается лучшим. Вот почему я не боюсь. Когда ничего не имеешь, ничего не боишься. *Кто отлучит нас от любви Божией?»*

Да разве мы церковные хозяева Божьей любви? Или Бог только нам, правоверным, доверил инструменты ее измерения? Кто не остережется невзначай задуматься об этом, мигом оказывается в сетях экуменизма. А что это вообще такое? Улыбки при встречах, неведомые богословские комиссии, общие молитвы для народа? Патриарх Афинагор словами и делами являет нечто иное: нет, это прежде всего познание себя и своей веры через личность другого. Точнее: через христологическое измерение его личности. Через проникновение в его опыт, через причастие его любви к Богу, прикосновение к его тайне, к его уязвимости, его удивленности Неведомым, той удивленности, которая и для нас может стать неожиданным источником воды живой. Когда патриарх говорит о своих встречах с папой Павлом VI⁴, переговорах с протестантами, наконец об усилиях по объединению православного мира, все эти жесты служат исполнению заповеди: *Да знают Тебя, единого Бога...* Каждая из его инициатив вырастает из единого глубинного начала, откуда он черпает свое знание. Познавая Христа в себе, он умеет радоваться, узнавая Его в других.

⁴ См. Совместная декларация папы Римского Павла VI и патриарха Вселенского Афинагора I о снятии анафем 1054 г. // Рига: ФИАМ, 1995. Христианос-IV. С. 207–213. (Прим. ред.)

«Тайна Христова неисчерпаема, – говорит он, и здесь за словом «тайна» слышится что-то, им некогда пережитое и всегда переживаемое, живущее в нем. – Она превосходит любые формулы, которые хотят ее выразить. Ее нельзя заключить в границы, ею нельзя обладать, ей можно лишь изумляться, изумлением, которое просыпается вновь и вновь».

Изумление и есть главное его богословие. Ему не нужно другое. Само это слово означает или предполагает в догадке русского его понимания «исхождение из ума», оставление его богатств, его самости, его отстаивания себя перед другими, выхода из осажденной, заключенной в нас крепости. Изумление исходит из младенческого доверия непостижимому, находящемуся вблизи и внутри нас. Оно сродни блаженству нищих духом; мы отдаем себя осеняющему нас присутствию или прикосновению Божию, отказываясь от собственного присутствия, от своей уверенности в своем умении и традиции. Входя в общение с тайной Христовой, мы освобождаемся от довлеющего «самостояния» своего «я». Тайна Христа не укладывается целиком в ее исповедание, сколько бы точно оно ее ни описывало. Это вовсе не значит, что она должна существовать сама по себе, в каком-то жидком или газообразном виде, вне отточенных граней векового опыта и познания, вне того «скудельного сосуда», в котором Непостижимое облекается в слова и формулы. Всякий сосуд нужно охранять от трещин, ибо стоит ему прохuditся, наша вера может вытечь по каплям. И все же веру нельзя отождествлять целиком с держащим ее, наполненным

ею сосудом, утверждая, что суть того, что мы исповедуем, целиком описывается системой безупречных определений, грубее сказать, помещается в «банк» надежных, правильных знаков, свирепо охраняемых извне. Отождествление *сокровища в сердце*, говоря по-евангельски, и тех словесных, интеллектуальных его выражений, в которые ее поместил наш соборный разум, имеет свой предел. Начало экуменизма – лишь в осознании такого предела, а затем и во внимании к сокровищам других.

Едва родившись, Церковь стала вглядываться в себя, собирать и отцеживать свое учение, осмысливать свою глубину, вытесывая ее как статую, отсекая лишнее, очищая себя от того, что ей чуждо. Так – в соборных формулах и опыте святых – возникло Предание, ставшее для нас рационально доступным языком Святого Духа. Но Дух не связан одним человеческим языком, не заключен в видимых сосудах, отточенных знаниях, совершенных статуях. Оставаясь в священных, осязаемых Своих формах, Он волен веять где хочет, ходатайствуя *воздыханиями неизреченными*. Его дыхание ложится и на стекло иных сосудов, порой и тех, которые мы топчем ногами. Не только пассивное изумление, но деятельное, любящее открытие Благой тайны и вести повсюду, где она дает о себе знать, где она чуть-чуть приоткрывается, откликается нашему поиску.

«Христос присутствует всякий раз, когда совершается подлинная встреча, – говорит Афинагор, – всякий раз, когда любовь подает о себе какую-то весть, всякий раз, когда мы бескорыстно готовы служить правде или познанию, всякий раз, когда красота возрастает в сердце человека...»

О вере, зачинающейся или зарождающейся от встречи, постоянно говорил митр. Антоний (Блум). Как или чем измерить это начало? Тем, насколько ты принимаешь чужое существование в свое. Бог однажды встретил человека на земле в лице избранной Им Благословенной в женах и доверил Себя Ее чреву. *Нас ради человек и нашего ради спасения...* Он вместил Себя в наше существование. Он принял в Себя нас, дал нам в Себе место... – *Пришел еси и спасл еси нас* – говорится в крещальной молитве. *Исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодетельства...* Сама Церковь как институт есть собрание тех, кто не таит благодетельств, кто раздает их ради постоянно происходящего события встречи с Богом. Когда Иисус заповедует нам любить Бога и ближнего как самого себя, разве не подразумевает Он, что мы должны когда-то встретиться с тем, кого любим, хотя бы взглянуть на него? Ощутить его личность, его сущность, его сотворенность Словом Божиим, да просто увидеть его лицо. Явив Свое лицо, Он ожидает от нас радости узнавания человеческих лиц.

«Знаете ли вы, что я стал христианином, потому что христианство предстало для меня религией лиц?», – вспоминает Оливье Клеман. Он бродит по музею в Стамбуле, наблюдая за тем, как лицо-образ постепенно рождается из безликости язычества. Конечно, за таким открытием, как и признанием, еще нет особого богословия. Но оно уже возникает здесь – от созерцания человеческого лица. Лица человека, когда он становится ближним, т.е. еще одним источником Благой Вести. И эту Весть следует в нем искать. Пресловутый «экуменизм», в чем бы он ни выражался, это лишь одно

из следствий такого поиска, когда мы смотрим на другого не через формулу его веры, а через весть его лица, через взгляд, брошенный на него Богом и осветивший его.

«В особенности он умеет смотреть другому в глаза (Клеман об Афинагоре), – и таким образом находить его или встречаться с ним вновь. Смотреть не на черты лица, но всматриваться взглядом во взгляд, в его сокровенную суть, ибо он умеет жить с радостью от присутствия другого, с радостью, возвещающей, что двое едины в Боге... Все представляется ему удивительным, чудесным: самые простые вещи, но в особенности, чье-то лицо, чье-то присутствие. Он идет навстречу чуду. И чудо вдруг происходит. Великие дела Божии продолжаются. “Бог наш есть Бог чудес”».

Задумываюсь: не покажется все это «розовым христианством» (термин презрения по Леонтьеву)? В таком случае, каким цветом должно быть окрашено правильное, охранительное христианство, стоящее на страже дома с закрытыми окнами и дверьми? То христианство не-встречи, которое одевается в черное, но видит себя «золотом в лазури» и с готовностью драпируется в цвета национального флага. Еще недавно вся земля была покрыта конфессиональными твердынями; самая неприступная и горделивая из них – всего лишь лет 70 назад – была римской. «Когда я встречал католического священника, – вспоминает Афинагор о своих американских годах, – он отворачивался, не хотел знать...».

«Прошлое живет в нас. Вот почему мы должны стереть дурное прошлое или, скорее, позволить Богу стереть его, ибо оно вызывает в нас ненависть. В конце концов, мы привыкли думать, что уже не принадлежим к одной Церкви. Даже к одной религии. На Западе дело дошло до того, что православных уже не считали христианами!»

На Западе в наши дни это уже трудно представить. Но еще сто лет назад даже либеральные протестантские исповедания были напряжены как оголенные провода, не соприкасающиеся между собой. Сегодня стены конфессиональных замков или снесены, или развалились сами, и давно нет тока в окружавших их некогда проволоках. Если и остались где-то неприступные крепости, то лишь у истинно-православных, старообрядцев, дохалкидонских Церквей, там стены еще выше и толще. И по сей день Православие безоружное, лишенное пафоса противостояния и сопротивления, кажется утопией. Пожалуй, как раз такую утопию мы находим в этой книге.

Христос уходил ночами на гору помолиться, удаляясь от учеников. Было бы нечестивым безумием предположить, что эта молитва была покаянной, подобной молитве отшельника. Мы можем предположить, что это была молитва общения, пребывания вместе, единения с Отцом, непостижимого, нам недоступного. Но когда Иисус спускался с горы, Его жизнь выливалась в общение с людьми. Оно заполняло все дневное Его существование. Беседы с учениками, убогими, больными, грешниками, блудницами, еретиками, даже с Пилатом, даже обещание рая разбойнику, распятому по

правую руку. Разве не слова, исцеления, встречи, ободрения, посещения друзей, наконец, общие трапезы были основным Его деянием на земле?

Христианство невстречи, до шеи застегнутое на пуговицы, не удивляется, не оборачивается к другому, не дышит свободой. Да, оно настаивает на свободе внутренней, понимаемой как борьба со страстями, с зависимостью от мира сего, и сокровище «невидимой брани» остается неотъемлемым даром Христовым. Но оно суживает этот дар, оставляя его немногим, вытесняя дар свободы общения с человечностью другого, того евангельского ближнего, который почитается в образе дальней символической фигуры, но отвергается в роли разномыслящего чужака. Вся наша традиция, от первых веков начиная, основана на таком «системном» его отвержении. На его клеймении, обзывании, извержении, отлучении, превращении в пепел... Когда же все эти методы выходят из употребления, отвержение заявляет о себе агрессивным, принципиальным незнанием «несвоего». Я не могу тебя извергнуть из общения внешнего, которое житейской логикой привязывает нас друг ко другу многими нитями, но могу и не буду соприкасаться с тобой изнутри, в том, что для меня важнее всего. В мои отношения с Богом дверь для тебя закрыта. Моя вера живет в той внутренней клетке, куда посторонним вход запрещен.

Надо признать: мы входим в Церковь и наследуем Благую Весть не только в красоте храмового богослужения, но и в задубелой коже слежавшихся, окаменевших анафем. Так было, есть, мы стоим на камне истины, отсекая от него чужие породы, но мы отсекаем их вместе с людьми. И, тем самым, незаметно оказываемся

в парадоксальной ситуации в сегодняшнем мире: наше существование раздваивается на религиозное, запертое «в крепости», в замке за стенами, и на внешнее, – с друзьями, соседями, сотрудниками, прохожими, с которыми мы не можем не вступать в межчеловеческие отношения, иной раз, самые тесные. Каких только сюрпризов не преподносит эта привычная нам позиция! Знаю человека, и двух фраз не желающего произнести без клятвы верности святым отцам, посылаемой вместе с отравленной стрелой в сторону римо-католиков, но женатого при этом на католичке, относящейся к такому пафосным речам не без мягкого любящего юмора. Поговорка, что, мол, «любовь зла» не вполне здесь уместна; ведь любовь призвана быть не злой, а единой, и брачная любовь Христовых учеников, не должна быть отсечена от их любви к Богу. Ибо любовь до конца раскрывает себя именно изнутри нашей веры и в согласии с жизнью по ней. Но тогда – и как же часто! – наши отношения с ближними скатываются в повседневный, привычный абсурд: мы вступаем в отношения с людьми, дружеские, добрососедские, деловые, интимные, иногда даже отдаем им любовь, заводим общих детей или просто пьем чай вместе, относясь к ним с симпатией, но выгоняем их из нашей любви к Богу, забыв (иногда и не забыв) сказать им, что перед Богом они для нас – гниющий труп. Это привычно, обыденно и – неуместимо. Невыносимо перед Евангелием и Христом.

Когда Христос выбирает пример для подражания, Он, как все помнят, почему-то чаще всего находит его среди чужих: сотника, самарянина, хананеянки. Иногда даже специально подчеркивая его иноверие, указывая, что для Него стоит на первом месте. Шел человек из

Иерусалима в Иерихон, был избит до полусмерти разбойниками, священник прошел мимо, левит прошел мимо, а самарянин... Яснее ясного сказано, что для Бога главное, но традиция отсечения иноверца упорней и жестче. И все же евангельская закваска продолжает бродить в нас, будить память о живом Христе, буравить эту слежавшуюся тысячелетнюю коросту отвержения. Но однажды настает момент, когда в нас просыпается «разумеющее сердце». И обращает нас от исповеданий к лицам.

«“Сердце разумеющее” это сердце, наделенное разумением любви. Любовь – великая сила и сила единственная, это энергия Божия, которая пронизывает все вещи и движет ими, движет всей вселенной вплоть до самых далеких туманностей. Носить в себе разумение любви – значит каждого принимать как тайну».

Открытие чужого лица – как семя, брошенное Сеятелем. Из него прорастает древо вселенскости.

«Я – гражданин мира, – говорит Афинагор I. – Я принадлежу Востоку, но я стал гражданином мира».

«От Эпира до Македонии, от Балкан до Соединенных Штатов, от американской мечты к космополитическому опыту, который приносит ему каждое лето на Фанаре, он пришел к видению той всемирной республики, чьей закваской станут христиане, и где каждый человек и каждый народ найдет свое место – видению

того великого братства народов во Христе, о котором говорил Достоевский при открытии памятника Пушкину». (Клеман об Афинагоре.)

Начальный опыт, через который он прошел, это кипение и шипение национализмов, искус которых он легко преодолел. За два года до начала Первой мировой войны помешательство ею охватило Балканы. Будущий патриарх не встал ни на одну из сторон. За всяким солдатом, даже врагом, стоит человек. «Все народы хороши, все расы. Все нуждаются в любви». «Всякий раз, когда, вглядываясь в лицо моего ближнего, я вижу его прозрачным и неповторимым, я соучаствую в тайне св. Троицы. Вот почему существование Церкви на земле не может иметь другого символа, кроме единства в любви, исполнения «новой заповеди», оставленной нам Господом».

А что, если эта заповедь станет когда-нибудь началом нашей древней и, вместе с тем, всегда возвращающейся к своей юности веры, евангельской, христологической, православной? Заповедь «да любите друг друга» означает: ищите и находите друг друга в Боге, ибо «Я в них, и Ты во Мне» (Ин 17:23). Присутствие Божие можно найти во всяком человеке, сотворенном по Его образу и подобию, созданном Его любовью и замыслом (см. Пс 138), запечатленном Его Божиим взглядом (см. Притч 15:3). «Мне нужен другой, – говорит Афинагор, – чтобы осознать собственное мое существование и существование Божие. Мое самосознание проходит через другого, самосознание, которое я воспринимаю от Бога как и познание моего ближнего. Мы стремимся

соединить то и другое и совместно находим «центр, где сходятся все лучи».

А что, если именно к такой радости узнавания другого в Боге привить и наше исповедание и саму «жизнь во Христе»? «Радость совершенная» (см. Ин 17:13) станет собирать соборы, чеканить догматы, возводить храмы, учреждать каноны, писать иконы... Согласно св. Григорию Богослову, время Церкви – это эпоха раскрытия Святого Духа, того Духа, Который всегда «напоминает слова Христа» (см. Ин 14:26), раскрывая, извлекая из глубины и «одевая светом» все новые, неразведанные доселе залежи откровения.

«Какая радость в том, что здесь, с нами – другой человек, что он, другой, существует. Существует столь же реально, столь же внутренне, как и я сам. Ведь раз существует Бог, существует и другой, и это чудо Божие. Человеческий взгляд – уже чудо. Какая радость – погрузиться взглядом в глаза другого, во внутренний океан его глаз...»

Мы уже привыкли слышать о кризисе христианства, иной раз и сами охотно «приклоняем ухо» к этим речам. И вправду, столько сухих смоковниц стоит вокруг, и время бьет по ним ветрами, срывая последние листочки. Даже самое глубокое, неуловимое, связующее нас с Богом иногда иссыхает и каменеет в исторических религиях. Но и под спудом их, в песках слов, которые кажутся засушенными, или обрядов, утративших смысл, всегда пробиваются новые источники воды живой. В этой книге те, кто захочет, только те, кто захочет дей-

ствительно, может найти один из таких источников. Они рядом с нами, можно сказать, под ногами.

«Я говорил вам, Христос и христианство пребывают повсюду. Христос необходим нам, без Него мы ничто. Но Он не нуждается в нас, чтобы действовать в истории человечества, начиная со дня Воскресения, и даже со дня творения, вся история пронизана христианством».

Идите научите все народы – заповедует Христос ученикам в конце Евангелия от Матфея. Какой смысл несут эти слова, когда практически народы и пространства пронизаны и покорены электронными средствами информации, и апостольское призвание «идти» отрывается от своего географического контекста и чаще всего уже не требует мускульных усилий? Идите к людям, в их неразведанную глубину, засыпанную попечениями житейскими и руками, знаками, хватающими вас с четырех концов вселенной. Идите не только, чтобы нести другим свое исповедание, но и для того, чтобы помочь каждому найти Христа в себе. Идите в религию взгляда, в откровение лиц, в память о непостижимом, в глаголы вечной жизни.

«Христианство не состоит из запретов: оно есть жизнь, огонь, творение, озарение. В доверии меняется сердце. И жизнь Воскресшего начинает понемногу наполнять нас».

Здесь дело уже не в словах, которые все мы слышали, не в произнесении их с пафосом, но в их служении, в их

поручительстве. *Беседы* с патриархом Афинагором – не трактат для учителей праведности, но развернутый рассказ о том, как можно удивиться человечности Христа, которую можно открыть для себя в другом, ближнем и дальнем. Однажды я спросил Оливье Клемана, какие из своих книг (их было более трех десятков), он выбрал бы для себя как самые главные. «Пожалуй, *Беседы* и *Истоки*⁵», – ответил он сразу же. *Истоки* – это собранная им антология святоотеческих текстов. Верность наследию и общение в тайне жизни; и то, и другое, но взятое вместе, Оливье Клеман пронес в себе до последнего дня.

Brescia, Italia
Май, 2019

⁵ Клеман Оливье. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. Пер. с франц. М.: Путь, 1994. (Прим. ред.)

Брат Адальберто Майнариди

**ЭНЦО БЬЯНКИ – ОСНОВАТЕЛЬ
МОНАШЕСКОЙ ОБЩИНЫ В БОЗЕ
(ИТАЛИЯ)**

Обычно 3-е марта попадает на Великий пост. Но 3-е марта 1943 г., когда родился Энцо Бьянки, пришлось на Масленицу, которую жителям деревни Монферрато у подножия Альп на Северо-Западе Италии, было трудно праздновать в условиях войны. Отец ребенка, Джузеппе Бьянки, убежденный атеист, антиклерикал и коммунист, хотел назвать ребенка Лениным; мама, благочестивая католичка, человек глубоко веры, яростно сопротивлялась. В результате спора, отец согласился на имя Энцо потому, что нет такого святого... Но мать, ее звали Анжела, при крещении дает сыну второе имя – Джованни, «Иоанн», в честь св. Иоанна Крестителя. У Анжелы было больное сердце, и она умерла, когда Энцо исполнилось восемь лет. Перед смертью Анжела просит мужа пообещать ей не препятствовать христианскому воспитанию и образованию сына. Местный приходской священник дон Монтруккио взял маленького Энцо в алтарники, учил его латыни. Позднее, когда мальчику исполнилось 13 лет, дон Монтруккио попросил у епископа разрешения дать Энцо Библию на итальянском языке (до Второго Ватиканского собора, в Римско-Католической Церкви, мирянам было запрещено читать Библию без особого разрешения).

Энцо поступает на экономический факультет Туринского университета и, начиная с 1963 г. в его туринской

квартире стали собираться молодые люди из разных христианских общин, – католики, вальденсы¹ и баптисты, с одной целью – вместе читать Слово Божие. В эти годы Второго Ватиканского собора Католической церкви (1962–1965) вокруг Энцо Бьянки сплотилась группа из двадцати молодых студентов, они собирались в помещении, арендованном Энцо, на улице Пиаве, 8, каждый понедельник вечером для чтения Библии и для изучения и размышления над событиями, происходившими на Соборе и над его текстами. Католики собирались также каждый четверг для совместной Евхаристии.

Каждый вечер, в 19 часов в этом доме пелись Часы и часто приглашались на ужин другие студенты, друзья, священники, пасторы.

Группа, занятая поиском аутентичного христианства, живёт, возрастает, а также позволяет каждому созреть для собственного призвания. Приближался конец учёбы, и у многих спонтанно возникало желание продолжить эти братские опыты, в то время, как некоторые определились в монашеском призвании.

Так рождается необходимость найти бедное уединённое место для общинного дома. Выбор падает на Бозе, удалённую часть деревни Маньяно, на Серре², большом моренном холме между Ивреей и Бьеллой.

¹ Вальдэнсы — религиозное движение в западном христианстве, ориентированное на идеалы раннего христианства. В настоящее время в мире насчитывается около 45 тыс. вальденсов (в т.ч. в Италии, в основном в Пьемонте, – 20 тыс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вальденсы>

² Серра – протяжённый горный хребет, примыкающий к Бьелльским Альпам. Русский читатель знаком с Маньяно благодаря роману Евгения Водолазкина «Лавр».

Молодой Энцо открывает для себя призвание к монашеской жизни. Он находит полуразрушенную хижину в местечке Бозе – без каких-либо удобств, даже без воды и электричества. С друзьями начинает ремонт этой хижины и близлежащей древней брошенной церкви в романском стиле в честь святого мученика Секунда. 8 декабря 1965 г., в день закрытия Второго Ватиканского собора, Энцо окончательно переезжает в хижину, где в течение трех лет живет в полном одиночестве – в молитве, посте и чтении Писания.

...Что ты страдаешь порой от холода, от неудобств твоей бедной жизни, от того, что часто недостаёт пищи или нет того, от чего ты привык испытывать удовольствие, не унывай. Нехорошо, если такая обстановка становится привычной для общины. Но она должна быть возможной: суровая жизнь помогает обрести истинное покаяние.

Всё это не хорошо само по себе, но хорошо, как средство, укрепляющее тебя в твоей жизни и как источник требуемого в твоём призвании освобождения.

(Духовные наброски, с. 10)

В годы своего духовного становления Энцо совершает паломничества и проводит время в разных монастырях – католических (у ордена траппистов – строгого устава), протестантских (живет в Тэзе, когда эта община состояла только из реформатов) и православных (бывает на Афоне). В это время устанавливает дружеские связи с Туринским архиепископом Пеллегрино и с патриархом Константинопольским Афинагором.

К бремени одиночества добавляется и непонимание со стороны местного архиерея, который 7 ноября 1967 г.

запрещает любое богослужение в хижине по причине общения брата Энцо с некаатоликами. Энцо подчиняется и запрет был скоро отозван, после того, как Туринский кардинал лично послужил в Бозе 29 июня 1968 г. Сразу после этого заканчивается и одиночество брата Энцо: молодой человек Доменико Чьярди и девушка Маритэ Калони, католики, а также реформатский пастор из Невшателя (Швейцария) Даниэль Атингер просят об общежительной монашеской жизни. К ним присоединяется и реформатская монахиня – сестра Кристиана, испрошенная братом Энцо у игуменьи монастыря в Граншамп (Швейцария), матери Минке.

С того времени по утрам, в полдень и вечером совершается литургия часов и принимаются гости – преимущественно по субботам и воскресеньям, – изучающие Писание и занятые поиском монашеской традиции и жизни трудной, но плодотворной.

Слово Божие, читаемое, а также произносимое как молитва на богослужении и на *lectio divina*, занимает центральное место в повседневной жизни. Также читаются отцы неразделённой Церкви, монашеские отцы. Эти источники и создали ядро общины, воспитали его.

...Живи в бедности, также подчиняя себя работе, как все люди...

Работай, потому что отцы и апостолы работали для того чтоб жить своими руками, потому что тебе бесполезно принимать служение от других, потому что работа и творчество – часть замысла Божия, потому что ты должен свидетельствовать свою солидарность с людьми, работая среди них...

Поэтому не убегай от мира и людей, но живи как они, более-менее социализировано, насколько позволяют условия...

Если тяжёлый труд не позволяет порой сосредоточиться на молитве, знай, что так и должно быть: жизнь того, кто ищет Бога, должна отличаться от жизни привилегированных.

(Устав Бозе, 24 и 25)

Хотим быть прежде всего рабами Господа, детьми Церкви, любящими Господа в пространстве Церкви, но как все христиане. Никаких привилегий, никаких рекомендательных писем, только община. Мы в Церкви, в сердце Церкви, и хотим, чтобы она смотрела на нас с материнской нежностью, но как смотрит на каждого из своих чад. Монашество находится не среди обычных институтов, но в харизме; в той свободе Духа, которая вызывает различные призвания для созидания полноты Тела Христова. Для церкви хотим быть сынами, готовыми бодрствовать и молиться, часовыми, объявляющими зарю, чтобы свидетельствовать безбрачием и братством, что Солнце правды, Иисус Христос, скоро грядёт, чтоб собрать всех рассеянных чад!

Проповедь Энцо по случаю посвящения
в монашество первых семи (22 апреля 1973 г.)

Живя в общине некоторые её члены продолжали свою профессиональную деятельность вне монастыря – на компьютерной фабрике «Оливетти», в школе как преподаватели. Брат Даниэль, посвящённый в пасторы своей Церкви, получил пасторский мандат для общины вальденсов в Турине. Это был годы жизни очень бедной: в Бозе отсутствовало электричество. Дома разваливались, порой было невыносимо холодно, однако любовь восполняла всё.

Кардинал Пеллегрини по-отцовски поддерживал брата Энцо, наблюдал за ростом общины; Луиджи Беттацци, епископ Ивреи испытывал дружеские чувства к братии, часто посещал общину. Некоторые из тех, кто составили из себя начальную группу, через несколько месяцев уехали, но другие остались, и в 1972 году община насчитывала уже десяток членов. Брат Энцо составил устав общины, который был одобрен и принят на капитуле из первых семи членов. И так продолжалось до Пасхи 1973 года, когда на рассвете 22 апреля, произошло окончательное посвящение в монахи первых семи. Присутствовали о. Евгенио Коста (делегат кардинала Пеллегрини), пастор Гей, дон Чезаре Масса и многие другие друзья.

В последующие годы община растет количественно и ее духовный профиль вырисовывается. В 1973 г. Энцо пишет первый Устав (*Regola*), который получил благословение Туринского архиепископа; затем появляются и Правила (*Statuto*), которые неоднократно будут меняться, получая каждый раз одобрение священноначалия.

По Уставу 1973 г. принимают обеты первые семь братьев.

В Уставе общины мы читаем:

Прежде тебя по этой дороге и в призвании, подобном твоему, реализовываемом приемлемым для их времени образом, шли Илия Пророк и Иоанн Предтеча, отцы пустыни, Пахомий и Мария, Василий и Макрина, Бенедикт и Схоластика, Франциск и Клара, и многие другие. Итак, обрати внимание, что ты не одинок, что тебя окружает великое облако свидетелей...

(Устав Бозе, 8)

Монашескую жизнь нельзя придумать, или создать: ее можно лишь получить и принять, беря на себя иго послушания Евангелию и голосу Божиему, звучащему в истории человеческой. Это конкретно означает, что монах, в силу своего призвания, становится участником некой преемственности, получая харизму монашеской жизни от предыдущих поколений подвижников, которые посвятили свою жизнь Господу – от ветхозаветных пророков, древних христианских пустынных Египта и Сирии, отцов и матерей восточного и западного общежительного монашества, и до монашествующих всех времен и традиций.

Община Бозе вступает в эту богатую традицию. С самого начала, основатель и начинающая братия открыли для себя сокровищницу древнего монашества, стали изучать его и взяли как пример для подражания.

...Лишь одну конечную цель преследует избравший жизнь в этой общине: жить исключительно согласно Евангелию. Евангелие будет уставом, абсолютным и довлеющим. Ты вошёл в общину, чтобы последовать Иисусу. Твоя жизнь, будет вдохновляться и сообразовываться с жизнью Иисуса, описанной и проповеданной в Евангелии.

(Устав Бозе, 3)

Один очевидец, известный итальянский богослов и писатель, так изображал первые годы общины:

На одном холме, под Бьеллой несколько лет назад поселилась группа христиан различных конфессий, в нескольких хижинах, оставшихся пустыми после того, как их покинули немногочисленные обитатели, перебравшиеся в город. О таких домах говорят: ветер свистит

сквозь щели, а туман, обволакивающий их, можно смотать и унести. Здесь даже нет электричества. Есть только парадоксальная вера этих друзей, намеренных создать в абсолютной бедности христианскую общину завтрашнего дня.

(Ernesto Balducci, Дневник исхода,
1960–1970 (31 декабря 1969))

А так изображает жизнь в Бозе брат Доменико Чьярди в одном из своих стихотворений:

Были как младенец, только что рожденный, что с трудом делал свои вдохи; на окнах был снег и на тропках грязь. Мы знали горечь хлеба и его отсутствие в длинной тьме ночей. Но порой неожиданно лёгкий ворон прибывал, оставляя сладкий хлеб милосердия, что толкал усталые ноги вперед на один шаг.

Община, которая к концу 1973 года состояла из семи посвящённых членов и четырёх послушников (восьми братьев и трёх сестёр), решила основать подобное братство в Швейцарии, в Сан-Сюльпи, в кантоне Невшатель, – экуменическую общину католиков и реформатов. Были посланы братья Даниэль и Гвидо, и это братство осуществляло значительное служение до 1978 года, когда братья вернулись в Бозе.

Таковы начальные шаги монастыря Бозе. Сегодня община составляет около девяноста членов (братьев и сестёр почти поровну). Продолжая оставаться верной начальной интуиции и ответственности, католическая часть общины вошла в подчинение местной епархиальной власти.

Между тем родились ещё новые братства: в 1999 в Остунни в Аппулии, в 2009 в Ассизи, в 2011 в Сан Джиминиано, в 2013 в Civitella San Paolo, недалеко от Рима. С 1981 г. община присутствует так же в Иерусалиме, в составе маленького братства из трех монахов, для того, чтобы «углубить иудейские корни христианства и расширить свое понимание Писания, общего для христиан и иудеев».

...Ты призван следовать за Христом в общинной жизни и в безбрачии: живи в вере, в любви, в надежде, в молитве, в служении, как и все твои братья-христиане, но также в безбрачии, в общности имущества, в уединении, в усердном служении Богу, как именно от тебя ожидает Христос.

(Устав Бозе, 7)

...Ты живёшь в общении с братьями и сестрами: живи с ними в таком же доме, совместно с ними участвуй в таком же служении. С ними ты составляешь одну клетку тела Христова. Общинная жизнь означает всецелое единство в духовном и в материальном, в жизни, в действии, в надежде, для того, чтобы тебе действительно быть образом братолюбия...

Общинная жизнь требует единства и единения.

Как верующие первой христианской общины ты должен быть «единой душой», то есть оживотворяются от одного с твоими братьями источника – от любви Божией...

Ты бережёшь своих братьев не потому, что они тебе понравились, но потому что Бог тебе их дал как спутников на пути к Царству.

Люби твоих братьев любовью полной, честной, не давая место неприязни и холодности...

Бог так расположил тело для того, чтобы все члены проявляли взаимную заботу друг о друге.

Для этого ты должен носить бремена других, радоваться с радующимися и плакать с плачущими.

(Устав Бозе, 12-14)

Монашеская община не имеет другого дела, кроме того, чтобы верить и жить в Том, Кого послал Бог, в Иисусе Христе. Поэтому было бы напрасно пытаться найти формальную цель жизни, проводимой в Бозе: здесь просто мужчины и женщины, услышавшие в себе призыв Господа, оставившие всё – семью, землю, профессию, интересы – чтобы следовать за Агнцем, куда бы Он ни шёл, в безбрачии и общинной жизни, проводимой в бедности и послушании.

Что за жизнь у братьев и сестёр в Бозе? Это простая жизнь, устремлённая к главному: уединению в молитве и труде. Совместная жизнь устойчива. При примате кинонии обнаруживается «как хорошо и приятно жить братьям вместе» (Пс 132:1).

Монашеская жизнь устанавливается от простого сочетания общины, устава и приора. Но кто вдохновляет, устанавливает и руководит этой жизнью, должен сам находиться под абсолютным господством Евангелия.

Трудно подробно исследовать все, что делал Энцо Бьянки в течение последних 50-ти лет в Италии и в других странах, служа различным христианским общинам, единству Церкви, секулярному обществу. Но важно, что Энцо Бьянки (не будучи священником) является видным авторитетом в современной Католической

Церкви, пользуется уважением священноначалия и значительным влиянием среди епископата. Он автор многочисленных книг, сборников проповедей, лекций и выступлений, размышлений о Священном Писании, монашеской и духовной жизни, переведенных на большое количество языков (три из них вышли и в русском переводе – *Молитвенное чтение Священного Писания*, *Лексикон внутренней жизни* и *Читать жизнь*).

Много раз брат Энцо был приглашен Святым Престолом и лично папой Римским на Синод епископов в качестве эксперта и консультанта.

В то же время, он один из самых видных итальянских интеллектуалов, почетный доктор Туринского университета, с удивительной активностью участвует в диалоге с миром культуры, читает лекции в университетах, выступает в светских интеллектуальных сообществах. Популярный публицист, хорошо известный светской общественности, его мнения и суждения часто спрашивают крупные итальянские газеты, итальянские и европейские журналы, радио и телевидение.

Своими публикациями, статьями и выступлениями в дискуссиях и конференциях, Энцо Бьянки ведет диалог с секуляризованным обществом. Никогда не скрывая свой монашеский сан, в любой светской аудитории он

Брат Энцо Бьянки, 2016 г.

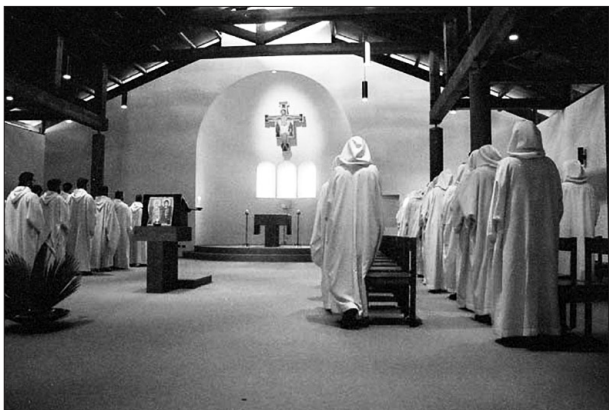
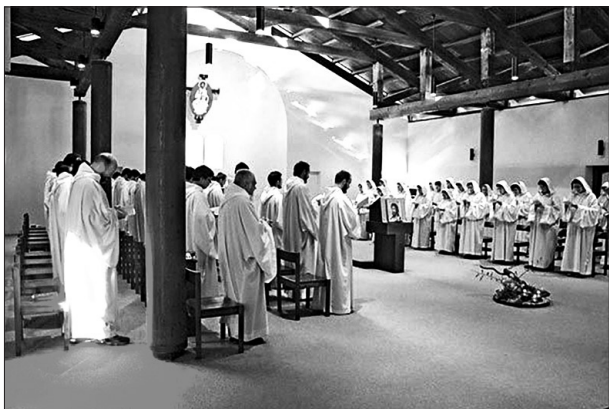
Брат Энцо Бьянки

выступает в пиджаке и галстукe, свидетельствуя о позиции церковного и глубоко духовного человека перед современниками, которые еще не нашли путь, ведущий в Церковь.

В 1983 году Энцо создал в Бозе издательство Qiqajon, для публикаций исследований монашеской общины в Библейской, патристической и духовной областях.

В 1993 брат Энцо начинает серию ежегодных международных межконфессиональных конференций по православной – греческой и русской – духовности. Эта инициатива в скором времени получила одобрение патриарха Московского Алексия II и активное содействие тогдашнего председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата и нынешнего патриарха Кирилла; было получено также и благословение патриарха Константинопольского Варфоломея I, а Папский совет по содействию христианскому единству благосклонно приветствовал эти конференции с самого начала и заверил в своей поддержке.

Со временем к данной инициативе, первоначально русско-итальянской, начали присоединяться представители всех Церквей, как православных, так и протестантских, а также представители ученых и церковных кругов других стран: Франции, Германии, Бельгии,

*Братья и сестры во время молитвы
в монастырской церкви Преображения*

Вид с дороги при подъезде к монастырю Bose

Великобритании, Греции, Румынии, Болгарии, Сербии, Чешской Республики, Норвегии, Украины, Беларуси, Соединенных Штатов, Канады... Первые семь конференций были посвящены отдельным значительным фигурам в истории русской духовности, распространению их идей и влиянию их личностей на весь христианский мир – вплоть до тематики мученичества Русской Православной Церкви в эпоху коммунистических гонений в XX веке³.

³ «Преподобный Сергей Радонежский и его время» (1993); «Преподобный Нил Сорский и исихазм» (1994); «Преподобный Паисий Величковский и его духовное движение» (1995); «Преподобный Серафим Саровский и расцвет русского монашества в XIX веке» (1996); «Великий канун. Святость и духовность в России от свят. Игнатия (Брянчанинова) до св. праведника Иоанна Кронштадтского» (1997); ««Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Преподобный Силуан

Член Международной академии религий, Энцо Бьянки в августе 2003 г. участвовал в делегации, отправленной в Москву папой Римским Иоанном Павлом II, чтобы преподнести в дар патриарху Алексею II икону Божией Матери Казанской.

Нынешний папа Римский Франциск назначил брата Энцо консультантом Папского совета по содействию христианскому единству.

С 2017 г., отказавшись от настоятельства, перестав быть приором, Энцо Бьянки продолжает быть духовным отцом, основателем монастыря; религиозным мыслителем, писателем и публицистом; участником диалога Церкви с обществом, а также с миром культуры, и председателем ученого совета международных богословских конференций, проводимых в монастыре Бозе.

Bose, Italia

Афонский: житие и поучения» (1998); «Осень Святой Руси. Святость и духовность в эпоху гонений: 1917–1945 гг.» (1998); «Русская Православная Церковь 1943–1999 гг.» (1999).

ЭПИЛОГ.
ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ
«ЧИТАТЬ ЖИЗНЬ»¹

В отличие от таких выдающихся мужей античности, как Цицерон, или нашего времени, как мой земляк Норберто Боббио, я не в состоянии написать трактат «*De senectute*», чтобы рассказать о старости. Однако, может быть, мне удастся сказать что-нибудь о самом ходе старения, поскольку вот уже несколько лет я сознательно осуществляю этот опыт: *senesco*, говорили латиняне, *a ven vegg*, «старею», говорю я...

Иногда появляется искушение говорить самому себе, что это не так, что я все еще здоров, как и раньше, что не нужно об этом думать слишком много... Однако затем накапливаются некоторые новые вещи, возвращающие меня к действительности. Становится трудно читать мелкие буквы в газетах, в Библии, в примечаниях внизу книжных страниц, затем возникает ощущение, что одним ухом я хуже воспринимаю резкие звуки, и, действительно, находящиеся рядом со мной иногда кричат: «Ты что – глухой?». Мы стараемся не признаваться себе в этом, пока заключение врача, к которому обратились за аудиометрическим анализом, не вынудит нас признать этот факт. По вечерам сон запаздывает, а когда, наконец, приходит, то длится всего несколько часов: мы просыпаемся и обнаруживаем, что можно еще долго лежать в постели до рассвета, но при

¹ СПб.: Алетейя, 2016. С. 179–185.

этом не спать... Затем, когда мы поднимаемся утром, день начинается уже без той решительности, с которой рассчитывали приняться за дело, мы не вскакиваем с кровати, резко высвобождая тело из-под простынь, ноги уже *reide*, негибкие, глаза открываются менее решительно, первые шаги от постели к традиционным «ритуалам» пробуждения – ванной комнате, чашечке кофе – уже медленные. Однако, если суметь задержаться на мгновение, чтобы посмотреть из окна или на подоконник, можно заметить растения, вазон с выращиваемой нами геранью, подаренный кем-то цветок, присланную нам записку или открытку, и тогда день может озариться.

При чтении Библии наше внимание привлекают слова, которые мы прежде оставляли в стороне, особо не задерживаясь на них: «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет»². Речь идет именно о крепости, которая начинает убывать, так что некоторые занятия, некогда совершенно обычные, требуют теперь дополнительных усилий. Динамизм, энергия, сопротивляемость ослабевают, иногда почти не приметно, а иногда небольшими скачками, словно при спуске по лестнице, возникает ощущение невозможности снова подняться по ней при желании. Таким образом, в течение нескольких месяцев все словно продолжается, как прежде, но затем внезапно мы оказываемся на ступеньку ниже: достаточно чуть более суровой зимы, банального гриппа и небольшого хирургического вмешательства, которое становится необходимым...

Старение, конечно же, не новость. В конце концов, если не умереть молодым, не остается ничего больше,

² Пс 89:10.

как стареть: одни пережили это до нас, другие будут переживать после нас. Однако для каждого старость, как и все фазы жизни, представляет собой нечто уникальное, некую неожиданную новость. Впрочем, не число лет дает ощущение старости, а уменьшение сил и утрата многих отношений: одни ровесники уже ушли, другие пребывают в определенной изоляции из-за болезни, еще другим слишком трудно преодолевать расстояние ради встреч. Эти истины, если принять их честно и трезво, препятствуют патетическому обращению к «ощущению внутренней молодости» или к еще более смешному обращению к эстетической реставрации, составляющей только последующую маску нашего изменения. Признаюсь, что уже несколько лет назад я принял свою старость без чувства ностальгии и безропотно, и думаю о ней, как о некоем уменьшении (*diminutio*), об отказе от многих вещей также и потому, что я стремлюсь к перемене в жизни: действительно, нужно научиться жить уже не так, как прежде, потому что сегодня возраст требует от нас других ритмов, форм существования, действий, занятий. Принять определенный отказ означает согласиться с изменениями, необходимыми для жизни в настоящем, здесь и сейчас, и таким образом приспособиться к скромным реальностям повседневности, продолжать соглашаться любить других людей и принимать любовь от других людей, даже если число их уменьшается.

Апостолу Павлу принадлежат слова, которые пребывают со мной, задавая направление: «...Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»³. Стало быть, новое бытие? Да, новая

³ 2 Кор 4:16.

форма жизни. Несомненно, борьба, внутренняя битва продолжается, как и прежде: искушения, конечно, изменились, но остаются сильны, а некоторые из них даже могучи, как никогда. Действительно, при старении ощущается тяжесть прошлого опыта, свершения собрани, а выстраданные раны ощущаются и вспоминаются более, чем неизменно краткие и скоропреходящие свершения красоты. Таким образом, речь идет, прежде всего, об искушениях цинизмом: перед тем, как принять на себя какую-либо ответственность, предпринимать любое дорогостоящее действие неизменно возникает вопрос: «А стоит ли?». До сих пор мне помогают столько раз повторяемые слова Пессоа⁴: «А стоит ли? Да, стоит, если душа не была мелкой». Чтобы противостоять ополчившемуся против нас цинизму, необходимы величие духа, способность «чувствовать великодушно», которая, если развивать ее даже в старости, является лучшим снадобьем против несомого цинизмом обнищания. Мы можем и должны культивировать в себе убежденность, уверенность в том, что есть вещи, ради которых стоит израсходовать или даже отдать жизнь, пожертвовать ею до крайних последствий. Оставаться верными этим реальностям, которыми жили или которым следовали, даже для стариков составляет смысл жизни в новой полноте.

Однако рядом с цинизмом пребывает также искушение себялюбия или, вернее, новый способ проявления этого искушения, которое столь же древнее, как и сам человек, будучи ровесником каждому из нас. С наступ-

⁴ *Фернандо Пессоа* (1888–1935) — поэт, прозаик, драматург, мыслитель, крупнейший представитель португальской литературы нового времени. Здесь цитируются слова из стихотворения «Португальское море».

лением старости мы чувствуем, как наше себялюбие использует новые, привлекательные слова: «До сих пор я думал о других, о семье, о детях... Теперь настало время подумать о себе самом!» Жалкие слова, которые нужно стараться не произносить и удерживать, когда они проявляются в виде мыслей: это, действительно, указывает, с одной стороны, на претензии постоянного альтруистического делания добра, а, с другой, на принятие в жизни поведенческой этики, продиктованной не тем, что мы считаем справедливым, а личным расчетом на настоящее или на будущее.

Стало быть, есть дело, к которому мы призваны и с наступлением старости? Возможно, ничего открывать здесь больше не нужно: нужно попросту научиться стареть так же, как мы научились быть детьми, затем молодыми, а затем и зрелыми мужчинами и женщинами. Да, учиться – это деятельность, сопутствующая нам в течение всей жизни не столько потому, что «экзамены никогда не кончаются», сколько потому, что каждый день, даже в шестьдесят, в семьдесят и позднее, мы постигаем, что значит жить, пока не научимся умирать. Чтобы любить осень жизни, нужно постичь *ars moriendi* искусство умирания, искусство расставания. И первое, что следует принять в связи со старением, это то, что у каждого есть что-то свое собственное, точно так же, как и для жизни. Старость – не архетип, не шлагбаум на дороге, но открывающийся перед нами путь: у каждого своя тропа, у каждого – свое изменение. Однако есть также нечто, объединяющее всех пожилых людей: наша пора может быть отмечена главным образом бескорыстностью, упражнением в способности изумляться во время часов созерцания. Остановиться,

чтобы рассматривать дерево, камни, на которые мы никогда не обращали внимания и которые теперь, словно неожиданно, являются нам, хотя они пребывали на том же месте десятилетиями, молчаливые и верные, рядом с нами, на нашем пути – это действие, которое старость преподносит нам в дар ежедневно. Упражняться в нежности, в ответах, которые являются с улыбкой, а затем посылают слова, которые желают стать доброй вестью для всех, дарить собственное присутствие, даже только молчаливое – вот что мы можем сделать, потому что у нас больше времени, потому что мы уже не вовлечены в водоворот работы, потому что мы желаем как можно больше наслаждаться настоящим временем.

Мы – старики? Но старики также и оставшиеся у нас друзья, состарились и книги у нас в библиотеке и на полках: перечитывать их теперь заново, обдумывать их заново означает не повторять жест, сделанный десятилетия назад, а прикасаться к ним новым взглядом, с изменившимся вкусом, но, прежде всего, с другим сердцем... Обдуманное, перечитанное, взвешенное, сопоставленное прошлое помогает нашей мудрости стать квинтэссенцией событий, чувств, действий, слов, прошедших через горнило существования, очищенных, ставших существенными: нужно установить то, что мы несем с собой и что не обречено умереть с нами, но должно остаться, потому что насыщенное прожитым, проникнутое жизнью оно уже сильнее смерти. Верно, что мы, монахи, лишены благодати людей, создавших семью: у них есть дети, а затем и внуки, которые своим рождением, подрастанием и уходом из дома помогают извне тем, кто стареет, принимать постепенно перемену. Мы, монахи, в этом беднее: извне к нам доходит

только вежливое обращение к нашей старости, когда кто-нибудь в автобусе поднимается, чтобы любезно уступить нам место...

Кроме того, в старости естественно размышлять о собственном прошлом, потому что оно более весомо, чем будущее, которого мало, и чем настоящее, которое стремительно уходит. Однако именно воспоминания составляют великое богатство стариков. Обращаться к памяти не для того, чтобы питать ностальгию, но для того, чтобы передать молодым то, чего они еще не знают, – задание, исполняемое потому, что это необходимо новым поколениям. Если же старики не делают этого, они оторваны от общения и обречены выносить только отрицательные суждения, сетуя на сегодняшний день: «Какие времена!»...

Однако если при старении упражняются в познании того, что такое быть стариком (тогда как в молодости о том не ведают!), если ощущение проходящего времени определяется вниманием, которое уделяют внутренним и внешним часам, чтобы сказать: «я существую здесь и сейчас», тогда можно обрести самого себя и изведать таким образом вкус старости. Само по себе в нас рождается особого рода бдение, различающее повседневные измены, небольшие унижения, возрастающие неспособности, однако оно умеет уживаться с радостью, происходящей от встреч, от связи с друзьями, от любви близких.

Стареть хорошо, значит, – стареть сознательно, продолжая заботиться о достойном стиле жизни, превращая в сокровище даже самые мрачные дни, когда следовало бы сказать, что старость сама по себе – это недуг, что «отвратительно становиться старыми», как

говорили уже «наши старики», когда мы не слушали их. Бывают даже моменты и ситуации, заставляющие воскликнуть: «Лучше уйти, чем оставаться здесь так!» И все же... Никакая идеализация старости, никакая попытка подсластить горькую пилюлю, но только ясное сознание того, что мужчины и женщины такие с рождения и до смерти, и что проходимый ими путь стоит преодолевать, если они делают это вместе с другими и если другие умеют разделять его.

В этом году я посадил липовую аллею вдоль дорожки, ведущей к моей пустыни, и задался вопросом, смогу ли я наслаждаться тенью деревьев и, прежде всего, ветерком, несущим благоухание их цветов, в мае. Но я посадил эти деревья, чтобы сделать красивее землю, которую покину, посадил их потому, что другие будут пьянеть от их благоухания, как пьянел я от благоухания деревьев, посаженных моими предшественниками. Жизнь продолжается, есть мужчины и женщины, которые появятся в следующих поколениях со всеми их грехами, чтобы придавать смысл земле, придавать смысл нашим жизням, сделать их достойными того, чтобы прожить их до самого конца. Старость – это закат, который может быть прекрасной порой! И потому я возглашаю с верой: *Nox mea obscurum non habet, sed omnia in luce clarescunt*, «Ночь моя мрака не знает, но все освещается ясно»⁵.

Перевод Олега Цыбенко

⁵ Святой Лаврентий (San Lorenzo), Литургия Часов, Вечерние молитвы (Vespri), ОК 10 августа. Святой Лаврентий (225 – 10 августа 258) был одним из семи диаконов Рима, где и принял мученическую смерть во времена гонения императора Валериана.

Лидия Кузнецова

Родилась в Сибири в 1945 году, в далеком таежном крае Кемеровской обл., п. Барзас. Школу-десятилетку окончила в 1962 году и поступила на исторический факультет Кемеровского педагогического института. В 1966 году, после окончания института поехала с мужем в Норильск. Работала в школе 13 лет. С 1986 года живу в г. Камышин Волгоградской области.

«МИР ВАМ!»

**Светлой памяти
архимандрита Виктора (Мамонтова)**

«Мир Вам, дорогая Лидия и всему Вашему святому семейству во Христе живущему!»

Лепту от Агафии получил и молюсь по ее желанию об упокоении Александра и о ее здравии. Сердечно благодарю ее и прошу Господа, чтобы Он воздал по сердцу ее и духовно укрепил на пути спасения.

Мы трудимся, молимся и с грехами боремся.

У нас теперь регент – Антонина из Риги. Окончила регентский класс в Питерской Духовной семинарии. Но многие бабушки не могут с ней петь, у нее чистый дискант, а они привыкли петь так, что крыша должна подыматься.

В воскресенье поем всей церковью, все молящиеся в храме поют.

Ведь Церковь – это собрание верующих, единомышленных. И сходить в церковь – это означает участвовать всем сердцем в таинстве Евхаристии, соединиться сердцем с Господом и с ближним. Если нет единения между верующими, это не церковь.

+

Милу Вам, дорогой Людмил
и всему Вашему святому
семейству во Христе жи-
вущему!

Летку об Агадрии получила и
маленько по ее прекрасному отцу Александру и о ее здравии. Сердечно
благодарю ее и всему Господу,
чтобы Он воздал по сердцу ее
и духовно укрепил ее к жизни спасения.

Мои трудности, мои и с
здравии божества.

У нас теперь регент - Антонина
из Риги. Антонина регентский класс
в Пиберева духовной семинарии.
Но многие бабушки не могут с ней
петь, у нее только диакон, а они
нужными к ней так, что кресты
должны подниматься.

В воскресенье всем всей церковью
все молящиеся в храме поют.
Весь Церковь - это сохранение веры.

Факсимиле первой страницы письма
отца Виктора Лидии Кузнецовой. 1990 г.

Священник в течение литургии много раз от лица Господа призывает к единению сердец молящихся.

Собираемся открывать Воскресную школу для детей, и сегодня Алла поехала в командировку в Москву, к отцу Михаилу Дронову, о котором было написано в Московском Церковном Вестнике как руководителе одной из многих теперь в Москве Воскресных школ. Не копировать, а посмотреть, что пригодится для нас, в наших нелегких условиях. Ныне очень важно начинать с детей, ибо они дичают с каждым днем, силы сатанинские одолевают многих и человек не умеет им противостоять: не знает ни молитв, ни поста. У нас на Рождественской службе на клиросе читали три отрока, в числе их был отрок Кирилл из Питера, правнук Серафимы Фёдоровны. Он очень хорошо читает. Но, к сожалению, такое общение с церковью в его жизни только счастливый момент, а теперь он опять в большом городе мучается в нашей общеобразовательной атеистической школе.

К нам из Риги приезжал хор Балто-Славянского общества «Перезвоны». Вечером я прерывал службу ради проповеди для них и их пения. Они спели 3 церковных песнопения. Рая наша присутствовала и нашла, что у них много хороших голосов.

В духовной жизни человека, если она настоящая, всё должно быть так, как и было. Дух Святой не меняется со временем, Он один и тот же, что в I веке по Рождестве Христове, что в 988 году, что в 1990. А стяжание его преподобный Серафим Саровский считал целью жизни человека: «Если один человек стяжет благодать Святаго Духа, возле него спасутся тысячи», – говорил святой старец.

В политике – массы, в религии – душа и в этом ее ценность. «Одна душа, - сказано в Евангелии, – дороже всего этого мира».

Может быть мы дождемся, когда из уст нашего правителя услышим не политическую речь, а молитву, как это было во времена равноап. князя Владимира и тогда Русь опять станет святой. Во всем мире люди возлагают духовные надежды только на Россию. (Лит. Россия 19.01.90 г. стр. 22. Беседа со священником Димитрием Дудко.) Вам надо обязательно прочесть это интервью.

Да хранит Вас Божия Милость.

[PS] Приезжайте все втроем к нам. Миша из Риги, с которым Вы тогда ехали – уже священник. Служит в кафедральном соборе пока. Очень доволен. Он избранник Божий».

[Архим. Виктор]

** * **

*Поминайте наставников ваших,
которые проповедовали вам слово Божие,
и, взирая на кончину их жизни,
подражайте вере их.
(Евр 13:7)*

Впервые моя встреча с отцом Виктором произошла в городе Карсаве (Латвия) летом 1986 года. Я приехала навестить приятельницу, Раису Авраамовну Моисееву, сестру о. Виктора, которая жила в одном доме с бабушкой. Была у них несколько дней. За обеденным столом встречались, но так как я была не знакома ни с церковью,

ни с батюшками, то стеснялась о чём-либо говорить за столом. Отец Виктор предложил мне зайти в храм в честь святой Евфросинии Полоцкой, где он служил, и я согласилась. Во время службы батюшка благословил пойти на клирос, и я потихоньку подпевала «Господи помилуй» – всё, что могла, хотя много лет пела в академическом хоре города Норильска. А когда мы пришли домой, отец Виктор вдруг сказал: «Раечка, Лида пела всю литургию». И эта фраза оказалась пророческой. Все последующие годы я пела на клиросе и несколько лет регентовала в небольшом храме.

В день отъезда о. Виктор рекомендовал мне съездить в Ригу и поисповедоваться в Рижском монастыре. Вместе со мной уезжал и монах Михаил. Вечером в день отъезда архимандрит Виктор помазал нас елеем и благословил с такой отеческой любовью! При этом сказал: «Не садись в автобусе у окна». Я, конечно, забыла об этой фразе. Наверно, внутренних впечатлений было так много, и мой ум не вмещал всё, что я приобрела в дни пребывания в доме приятельницы. Способности слушать и думать у меня не оказалось. Но Бог не оставляет своё чадо никогда, ни на минуту, и мой спутник Михаил проявил внимание и предложил пересесть, как просил батюшка. Я сразу же почувствовала, что как будто кто-то обернул меня тёплым пледом, и тотчас же заснула. Проснувшись оттого, что мой спутник разбудил меня и сказал, что мы уже приехали в Ригу (а это 300 километров от Карсавы), и, таким образом, я не почувствовала ни длинного пути, ни долгого времени, ни тряски. Как будто ангел мгновенно перенёс меня с одного места в другое.

Это осталось в моей памяти как первая встреча с архимандритом Виктором. По приезде домой я не могла забыть выразительных глаз батюшки, его доброй улыбки, аристократического поведения, и то и дело меня вновь тянуло из прекрасного южного края, где живу по сей день, на север, в Прибалтику, в места, которые я называю «Моя Карсавка». Поездки туда продолжались на протяжении почти четверти века.

Отец Виктор был настоящим аскетом. Жил очень скромно, не позволял себе лишней одежды, носил старенькую рясу. Скромность была заложена в нём изначально. В период его преподавания в Москве (отец Виктор имел учёную степень кандидата филологических наук), коллеги сетовали на то, что он не покупает себе более респектабельный костюм. В те времена в свободной продаже хороших готовых костюмов не было, и Виктор заказал его в ателье. Костюм ему сшили, но он так его и не надел, подарил племяннику.

В нём не было никакой фальши. Будучи неравнодушным человеком, отец Виктор был внимателен, открыт к людям, он принимал у себя дома всех, кормил, беседовал, и после таких душеполезных встреч люди выходили просветлёнными, счастливыми, окрылёнными.

Через своё сердце он пропустил много чужого горя, молился и в храме с утра до вечера, и дома поздней ночью. Вставал рано, в период всех четырёх православных постов совершал службы ежедневно. Молитвой облегчал духовную, душевную боль собеседников, поэтому к нему люди приезжали отовсюду – из Риги, Москвы, С.-Петербурга, из многих крупных и малых городов Латвии, России, Израиля, США. Учил молиться Иисусовой молитвой; в местной прессе выходили его

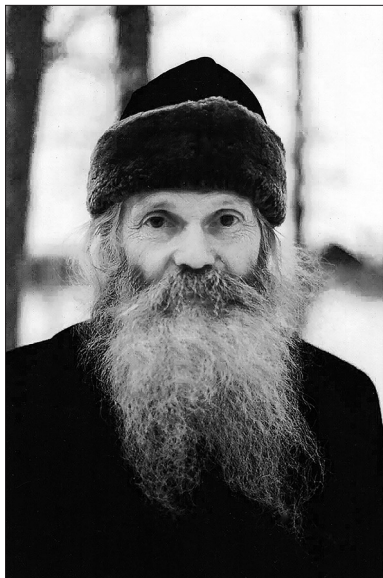
небольшие статьи и заметки на разные темы христианской жизни – о том, что нужна детская молитва, что необходимо передавать все свои чаяния Отцу Небесному, и т.п. Речь его была спокойной, негромкой, говорил он мало, но в этом малом было очень много ценных мыслей; ни с кем не спорил, но обычно его собеседники чувствовали истину в словах батюшки.

Шли годы. Его помощница Алла уезжала в Иерусалим на учёбу на год. В помощь батюшке оставался только псаломщик Илья с семьёй, но вскоре и ему нужно было уехать. Тогда я решилась оставить на время свою семью (мужа и сына) и поехала в Карсаву трудиться, – помогать батюшке, мечтая, как любой неофит, о подвиге служения Богу. прошло полгода, и архимандрит Виктор засобирился в Иерусалим. Я стала проситься домой, но батюшка не хотел отпускать меня, понимая, что вера моя слаба, а соблазнов и искушений – предостаточно...

Однажды я решилась на реставрацию его зимней шапочки, поскольку мех на ней скатался и выглядела она весьма скромно. Когда шапочка была уже готова, я подумала, что он её не наденет, так как она стала чуть меньше. Поделилась своим предположением с Володей (мужем Раи), с которым вместе шли в магазин, сказала ему, что «батя» (так мы его звали между собой) никогда шапочку не наденет... К моему удивлению, случилось обратное: по возвращении из магазина мы увидели о. Виктора в шапочке – как будто он слышал разговор и решил развеять все опасения. Чудеса, да и только!

Удивительным образом о. Виктор мог знакомить людей друг с другом, соединять их. Дружба между ними оставалась на всю жизнь. Такой, к примеру, была моя

встреча с Анной Качалиной, долгое время работавшей на московской студии звукозаписи и навсегда сохранившей для всех нас непередаваемый голос Анны Герман, которая была её близкой подругой. Будучи друг с другом не знакомыми, я и Качалина сидели в московском аэропорту и ждали самолёт из Сахалина. Разговорились. Выяснилось, что встречали мы одного и того же человека – отца Виктора. Мы

Отец Виктор (Мамонтов)

настолько увлеклись беседой друг с другом, что пропустили прилёт самолёта. Когда же опомнились, побежали на нижний этаж. А батюшка скромно стоял и ждал. Настоящий монах. С тех пор с Анной Николаевной Качалиной мы встречались ежегодно, когда я приезжала на конференции в Москву, где выступал о. Виктор. Он очень трогательно относился к Анне Николаевне. Всегда брал её на обед, во время конференции, вместе со всеми выступающими.

Он не смотрел на человека по его богатству или славе, никого не оценивал, всегда относился к каждому по-евангельски, как делал это Христос. Отношение о. Виктора ко всем присутствовавшим в храме было примером для молодых священнослужителей. Он не выделял «любимчиков», «хорошистов». Наоборот, кто

был укреплён в вере – к тому более серьёзный подход, а к тем, кто слаб – прощение и милосердие. У него глаза светились, когда появлялся новый человек, благодать Святого Духа была в действии, каждого заинтересованного после службы он приглашал на беседу.

С какой любовью о. Виктор совершал каждую службу! Не торопился, а когда причащал, то каждого называл сам по имени, обязательно произносил формулу таинства. Когда исповедовал, обычно служба затягивалась, чтобы успели паломники, приезжавшие на поезде. И таким образом, всё это служение продолжалось с 6-ти утра и до 2-х часов дня. Затем все шли на трапезу в сторожку, и каждый воскресный день был настоящим праздником Воскресения! Меня всегда поражало, как у о. Виктора хватало сил на всех. Удивляло ещё и то, как он на панихиде по памяти (без записок!) мог произнести сотни имён.

Когда приходили трудности, скорби – ответ на это у него был один – «С Богом потерь не бывает». Как бы у меня в жизни ни было трудно, вспоминая о. Виктора я постепенно успокаивалась, вразумлялась и утверждалась в вере.

Воспитывал меня он довольно жёстко, особенно в Великий Пост. Замечания делал деликатно и, вместе с тем, строго. Мне было трудно служить одновременно на клиросе и готовить обед для всех прихожан храма. Мне вспоминается моя любимая Серафима Фёдоровна. Она из Ленинграда, из Питера. До пенсии работала начальником отдела технического контроля. Освободившись от дел, приехала к о. Виктору и осталась служить при храме. В свои семьдесят лет кормила всех у себя – она купила в Карсаве часть деревенского дома на свои

*Паломники в г. Карсава (Латвия) у храма
прп. Евфросинии Полоцкой. Пасха 2000 г.*

*Паломники в г. Карсава (Латвия) у храма
прп. Евфросинии Полоцкой.
Крайняя слева – Лидия Кузнецова*

пенсионные сбережения. Когда я была на служении, нередко слышала от неё вопрос: «Чем же я накормлю всех? Запасов нет, да и денег нет!». Однако чудным образом Бог всё устраивал: летом выручали белые грибы, и карсавские бабушки не оказывались в стороне, приносили кто морковь, кто капусту, кто хлеб, картофель. А зимой приезжали москвичи и из своего «богатства» покупали в магазине всё для трапезы. Вечная память Серафиме Фёдоровне!

Со временем церковный приход о. Виктора становился всё больше и больше. Несмотря на то, что многие поумирали, кто-то уехал на заработки на Запад. Приезжали люди из других городов целыми семьями, с детьми, а летом собирались на детские лагеря, на конференции, которые проводил Илья Гриц и другие прихожане. В храме совершались венчания, в местном Дворце культуры проводили концерты: из Москвы и Питера, из Риги приезжали разные знаменитости – музыканты, поэты. Все они видели в о. Викторе доброту, любовь, одухотворённость. В нём ничего не было ложного, приземлённого, он был открыт, щедро отдавал себя каждому, хотя сам страдал от болезни ног и едва передвигался. Разговор с ним всегда обогащал, и каждую минуту беседы надо было впитывать, воспринимать со вниманием. Когда я приезжала в очередной раз, обязательно вступала в разговор, и он намёками, знаками хотел донести до меня то, чего следовало остерегаться, к чему быть более внимательной. Но грех легкомыслия не покидал меня.

Многое из того, что предсказывал о. Виктор, действительно, случилось. Так, он предсказал, что мы с духовными сестрами будем гонимы. В нашем городе мы

открыли действующий по сей день приход в честь Святой Троицы. Батюшка знал об этом, и перед самым отъездом домой я стала свидетелем, как несколько странно он повёл себя. С грозным видом вдруг соскочил со стула и начал бегать вокруг стола, приговаривая: «В окопы! В окопы! Сидеть тихо!». Я тогда ничего не поняла. Батюшка принёс из своей кельи изображение иконки Успения Божией Матери. Зачем он это сделал, я тоже не поняла, потому как это была не иконка, а иллюстрация на простой бумаге.

Через некоторое время нас действительно выгнал из храма новый молодой священнослужитель. Я перешла в храм Успения Божьей Матери. Но после смерти нашего гонителя я возвратилась в храм, который мы с сестрами создавали. Создавали по опыту и научению о. Виктора, видевшего в храме источник нравственности и благодати. И сам батюшка источал благодать, обаяние и доброту.

Вспоминаю наши совместные поездки в Беларусь, в г. Полоцк, в монастырь, где есть храм в честь прп. Евфросинии Полоцкой. По дороге заезжали в Аглону, в базилику – помолиться у чудотворной иконы Божией Матери Аглонской.

Так, по крупицам набирался опыт, шло моё духовное воспитание. О своей прошлой жизни о. Виктор мало рассказывал, но какие-то её эпизоды в моей памяти остались. Например, он рассказывал о своей маме, которая была верующей. Когда дети болели (а семья у них была большая), мама доставала из сундука, где была спрятана икона Николая Чудотворца, венчальное платье и укрывала им детишек. В результате они чудесным образом выздоравливали.

*Л. Кузнецова (слева) и Н. Большакова-Минченко в храме
прп. Евфросинии Полоцкой в Карсаве
у Рождественского вертепа (конец 1990-х гг.)*

И ещё, по моему мнению, — очень характерный для него эпизод. Несколько раз храм обворовывали. Во время моего служения произошёл такой случай. В храм мне нужно было прийти рано, часов в 5 утра. Всё сделать, что нужно для литургии: затопить печь, зажечь лампы, принести воду из колодца, приготовить горячую воду в термосе. Подхожу к иконе, чтобы зажечь в темноте лампаду, и вижу, что её нет на месте; ящик для пожертвований валяется на полу. В ужасном испуге бегу в сторожку, где жила, чтобы позвонить батюшке, сказать о случившемся, плачу. А он тихим, спокойным голосом мне отвечает: «Не волнуйся, я сейчас приду».

Вернулась в храм, на душе жутко, жду, а его всё нет и нет. Испытание сильное, но в голове остаётся его спокойный голос, и я преодолеваю себя. Когда он пришёл,

не стал разбираться в случившемся, а сразу же стал кадить храм и начал службу. Для меня это был настоящий урок выдержки и самообладания.

Отец Виктор очень любил детей, собирал их после службы вокруг себя, задавал интересные вопросы и получал порой забавные ответы. «Анечка, скажи, что такое пост?» В ответ – «Это мост». Другого спрашивает: «А как Христос любит?» В ответ – «Щёчкой».

Он любил дарить подарки. Первые духовные книги и иконы я получала из его рук, а изречения мудрых наставников, как правило, он старался размножить и раздать каждому. Особенно трогательно было, когда он раздавал подарки в Рождество Иисуса Христа. После службы о. Виктор и ещё несколько прихожан шли в дома самого бедного люда города Карсавы. Эти люди жили в старых домах, можно сказать, в трущобах. Когда заходили, то пели им тропарь Рождества. Нужно было видеть глаза этих стариков! У меня от умиления текли слёзы, это были воплощённые строки Евангелия в действии. Любовь Христа была безгранична – и к нам, и к тем людям, которые получали подарки из рук архимандрита.

Во вторую годовщину кончины о. Виктора мне рассказывали в Карсаве, что и после смерти он приносил подарки. Одна сестра пошла в бассейн и упала с крыльца. Её рука опухла, сестры из общины повезли больную за 35 километров в Резекне. Дорога проходила мимо кладбища, где батюшка похоронен, и все стали молиться и просить помощи у о. Виктора, у святых. Когда приехали и сделали рентген, оказалось, что опухоль спала, рука была совершенно здоровой, и всё закончилось благополучно.

Постоянно вспоминают о. Виктора мои духовные сестры Ольга и Надежда. 15 лет тому назад они вместе со мной приезжали из Камышина в Карсаву и сейчас, по благословению нашего духовного отца, мы вместе еженедельно читаем Евангелие и всегда о нём молимся.

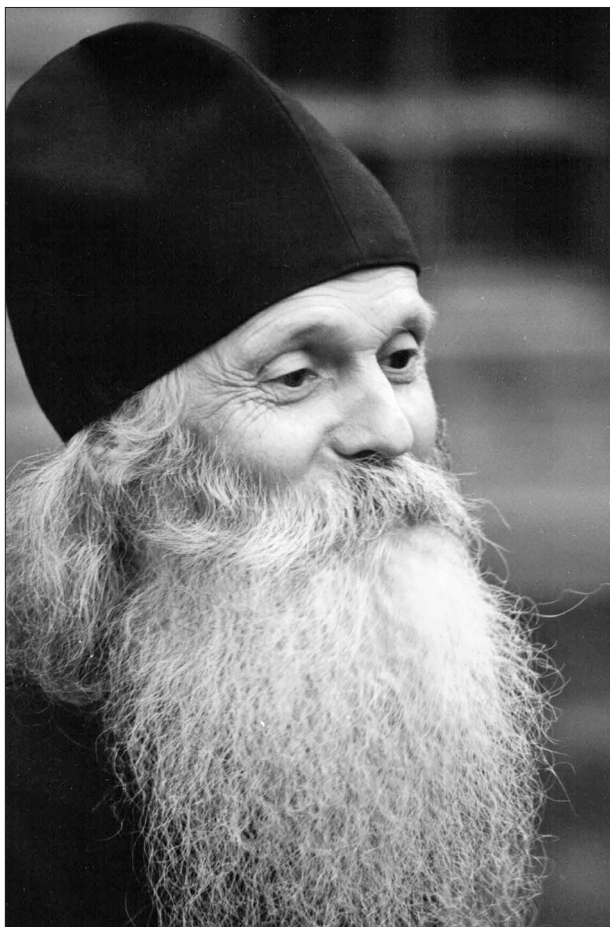
И моя настоящая жизнь началась с о. Виктора, с «Бати», со знакомства с людьми, которые мне до сих пор дороги, благодаря им я смогла путешествовать, ездить в паломничества, побывать дважды в Риме, посетить Францию, Словакию, Испанию и даже осуществить свою мечту – приехать в Иерусалим...

Апостол Павел в I Послании Фесалоникийцам говорит о том, что в Церкви должна быть атмосфера радости, и Иисус всегда будет эталоном для проверки и испытания всего. Отцу Виктору удалось создать такую церковную семью – все славили Отца Небесного едиными устами и единым сердцем.

«Как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис 62:5).

*Волгоградская обл., г. Камышин
Ноябрь, 2018*

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)
(1938–2016)
(Фото Вилниса Клинтсонса)

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПРОПОВЕДИ

Из гомилетического наследия

(Продолжение. Начало Христианос-XXVII)

20.05.1998. Литургия

Ин 6:5-14; Деян 13:13-24

Отдание праздника Преполовления Пятидесятницы.

Сегодня в Евангелии мы слышали про чудо насыщения пятью хлебами.

Зачем Христос совершает чудеса, и это чудо насыщения пятью хлебами? Христос видит всю неполноту жизни без Него, без любви, и чтобы явить жизнь в полноте, ту радость, тот мир, которыми должны быть исполнены сердца живущих людей, Он и совершает эти чудеса. И чудо должно явить полноту жизни и в то же время призвать к этой жизни, которую утратил человек по грехопадению.

Когда Христос исцеляет больных, то они радуются, и радуются окружающие люди. Потому что болезнь – это ущербность, это неполнота жизни; прежде человек не знал такого состояния, он жил полной жизнью, не-ущербной. Мы видим голодных людей, и Христос даёт им хлеб и утоляет голод, – и совершением этого чуда тоже дает людям радость и чувство полноты жизни. Т.е. Христос напоминает Своими чудесами о том, *что* человек утратил.

Дело не в насыщении пятью хлебами, а дело именно в этой полноте жизни. Не в насыщении хлебами смысл

жизни. Иисус Христос, «сотворив чудо и узнав, что хотят прийти и нечаянно взять Его и сделать царем, удалился от людей». Удалился, потому что Он не хотел быть земным царем и не к этому был призван, а говорил Он о царстве Духа, о жизни, в которой всё подчинено Духу и где Дух господствует. Если человек начнет жить такой жизнью, т.е. духовной, где Дух подчиняет материю и властвует над нею, он будет свободным, не будет ущербным, не будет больным, не будет ни в чем нуждаться. И чудо, таким образом, напоминает человеку об этой утраченной власти над стихиями.

Ведь человек был призван быть царем всего творения, ему Господь поручил возделывать и хранить рай. И человек утратил дар свыше, и через чудо он должен пробудиться духовно и восскорбеть об утраченной гармонии, об утраченной власти над стихиями.

Иисус Христос показывает, что такую жизнь создает не только Он, но в ней участвует и человек, соратник Бога. Иисус Христос мог и без пяти хлебов насытить всех людей, но эти пять хлебов понадобились для того, чтобы напомнить человеку о его доле, о его участии в собственном спасении; «без нас Бог не спасает нас, — говорили святые отцы, — отдай Богу то, что ты имеешь». И ученики отдают всё, что они имели.

Т.е. если бы они пошли купить хлеба на 200 динариев, то мы бы еще не думали об этой последней отдаче, ибо, наверно, у них ещё была какая-то возможность приобрести хлеб. Но когда отдаются последние пять хлебов (сказано, что там больше ничего не было: пять хлебов и две рыбки), это показывает, что человек отдаёт Богу всего себя, все своё имение, и материально,

и духовно. И только через эту отдачу он приобретает; и приобретает всё – Духа Святого.

И Духом Святым человек может творить такие же чудеса, какие творил Господь.

Он воскрешал, и ученики Его воскрешали, и от тени апостола Петра даже исцелялись больные. Он исцелял больных, и апостолы, Его ученики, тоже исцеляли больных. И ничего невозможного не было для тех, кто с Богом, в Боге, живет Богом. Ибо не своей силой творит человек чудеса, а творит Дух Святой, поданный Богом Отцом.

И об этом хочет сегодня напомнить нам Иисус Христос, совершая это чудо, – о том, чтобы мы возлюбили Его так, возжаждали Его так, чтобы уже ничто в нас не мешало жить Иисусу Христу и пребывать Духу Святому; чтобы Дух Святой действовал в нас и преображал нас и окружающую нашу жизнь, и всех наших близких, и всех людей, с которыми нас Господь сближает в этой жизни.

С Богом всё возможно, и чудо насыщения пятью хлебами говорит нам об этом.

Аминь.

24.05.1998. Литургия

Неделя 6-я по Пасхе, о слепом.

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Мы слышали с вами Евангелие от Иоанна, главу 9-ю, с 1-го по 38-й стих, об исцелении Иисусом Христом слепорожденного человека.

Иисус Христос исцеляет его в субботу, и это исцеление вызывает возмущение у фарисеев: они считают, что праведный человек не может нарушить субботу, и что действие это совершил человек грешный. И фарисеи приступили к слепорожденному и пытаются его склонить к тому, чтобы и он думал так об Иисусе Христе, Который его исцелил.

Но ещё не зная, что Он – Сын Божий, но видя в Иисусе Христе человека любви, человека милосердного, но отнюдь не грешного, он уклоняется от осуждения и говорит фарисеям следующее: «грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу». Он уклоняется от осуждения, потому что он прозревает и духовно. Он исцелился от физической слепоты, но Христос исцеляет и его душу, открывает ему сердце; а самое главное, что нужно было знать слепорожденному, это то, что пришел в мир Мессия, Спаситель, Сын Божий.

И мы видим, как постепенно совершается это прозрение. Оно не было мгновенным. Когда спросили у слепорожденного: «Кто тебя исцелил? – он сказал в ответ. – Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне...». Потом он Его называет пророком; и только в конце он, имея возможность сопоставить фарисеев с Иисусом Христом и увидеть всю неправду их поведения и правду поведения Иисуса Христа, сказал Ему: «Верую, Господи, и поклонился Ему» (Иисусу Христу). Т.е. он Его назвал своим Господом, тем, кто владеет его жизнью; значит, он увидел уже в Иисусе Христе не просто человека, благородного, доброго, милующего, но Живого Господа, Его любовь.

И благодаря этой любви прозревает слепой. Любовь имеет свойство исцелять. Грех делает человека слепым, духовно слепым. Самая страшная слепота не физиче-

ская, а — духовная слепота. Она приводит к тому, что человек живет сам по себе, без Бога, надеется на свои силы, отключается от Бога, от Источника жизни, — и духовно умирает; приобщается к животному миру. И душа черствеет, сердце каменеет, и человек становится невосприимчивым ни к чему духовному, и смысл жизни видит в том, чтобы есть, пить, размножаться, веселиться. И мир даёт все возможности человеку жить так; но это слишком мало для человека; такая жизнь не полноценна. Это то, что называют греки «био» — природная, растительная жизнь, а человек должен обязательно жить жизнью духовной (которую греки называют «зоэ»).

Такую жизнь может дать только Господь, если у человека есть желание получить ее, принять этот дар. Человек, который духовно ослеп, этот дар не осознает и потому не ценит. Но человек, который духовно прозрел, он, наоборот, стремится получить этот дар. Псалмопевец говорит: «Я просил у Тебя жизни», — и Господь просящему даёт её, — жизнь вечную. И просить жизни вечной — это значит, быть духовно зрячим, обрести смысл своей жизни, найти этот смысл.

Мы видим, как слепорожденный уклонился от осуждения Человека, который его исцелил, т.е. Иисуса Христа. Он очень мудро сказал: «Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп а теперь вижу». Судите по делам, судите не по словам, а по делам, — хочет он сказать, — а дело Его доброе.

И быть духовно зрячим для нас — это видеть человека глазами Христа, глазами любви. Как Христос видел людей? Он видел в каждом образ Божий, пусть поврежденный, но имеющийся в человеке, не утраченный совсем. И любовью можно этот образ возродить, воскресить.

Один верующий человек говорил о себе так: у меня нет зрения на грех человека, я, встречаясь с человеком, смотрю на его страдание. Да, я знаю, что страдания наши бывают часто из-за грехов. Пьёт, допустим, человек, разрушил свое здоровье, опустился, и на человека уже не похож. И если посмотреть на него не глазами Христа, то мы вообще не увидим человека; и это будет неправда, это будет духовная слепота. А если сосредоточить внимание не на грехе, а на страдании этого человека, мы тогда иначе отнесемся к нему, и у нас будет желание ему помочь, вытащить его из той ямы, в которую он попал, освободить его от тех сетей, в которых он запутался. И если у нас будет такое зрение, мы никогда не осудим, мы никогда не уступим злу, мы всегда будем стоять в правде и любви.

И дай, Господи, нам никогда не потерять такое зрение, не быть близорукими, а всегда иметь острое духовное зрение, чтобы не смешать добро со злом, отделить добро от зла, зло возненавидеть, а добро (хотя бы оно явлено в своей малости) своей любовью укрепить и взрастить! К этому нас призывает Господь Иисус Христос, милующий, любящий и Своей любовью возрождающий всякого человека, живущего в этом мире.

Аминь.

Слово после литургии

Подвиг равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских, которых мы сегодня вспоминаем, удивителен тем, что они имели веру и горение просвещать тех людей светом Христовым, которые, несмотря

на то, что прошло уже много веков со дня явления в мир Христа Спасителя, все ещё пребывали в язычестве. И чтобы благовестие было более успешным, они решили, т.е. имели дерзновение от Господа, перевести Евангелие на славянский язык, – несмотря на то, что это вызвало бурю возмущения. Считалось, что те языки, на которых была сделана надпись на Кресте Господнем, – греческий, латинский и еврейский – это три языка сакральные, которые могут передать нам (*только* они!) смысл и дух Священного Писания; а славянский язык казался варварским и недостойным, чтобы на нем Слово Божие распространялось. Но Кирилл и Мефодий, вопреки сложившемуся мнению, совершили великий труд, и перевели Евангелие на язык тех народов, которые жили в пределах наших и в пределах, в которых они проповедовали. И мы благодарны им за их труд, за их подвиг, за их любовь к ближнему: их сердце воспринимало иудея, и эллина, и язычника с любовью. И эта любовь сотворила чудо.

13.06.1998. Литургия
Мф 5:42-48

Иисус Христос призывает всех нас быть совершенными, потому что Отец Его (и наш Отец) совершен. Нельзя быть сыном Отца Небесного, не будучи совершенным, не имеющим любви, которую явил Отец Небесный. Что это за любовь? Она совершенная: если Господь говорит «будьте совершенными»; а совершенство – это, прежде всего, любовь, ибо совершенным нельзя стать, имея только подвиги, какими бы они трудными ни были. Апостол говорит о том, что если

мы любви не имеем, то мы как медь звенящая и, следовательно, самым главным для нас является стяжать любовь, а аскетические подвиги – это только средство стяжания любви.

Несовершенная любовь корыстна, она избирательна, она делит людей на добрых и злых, на приятных мне и неприятных. С приятными я буду общаться, с неприятными не буду общаться. С делающими мне добро буду добр, с делающими зло буду злым. И такая жизнь, которая есть разделение, она – несовершенна, она не христианская, она неполная. Чтобы её изменить, нужно постоянно размышлять о совершенной любви, чтобы понять её природу, и чтобы образ её запечатлелся не только в уме, но, чтобы она, эта совершенная любовь, стала нашей жизнью. Если мы и не достигнем её, то мы должны всеми силами стремиться достичь её.

В чем особенность совершенной любви? Она жертвенна. Т.е. когда человек забывает себя ради Бога и ближнего. Любовь к ближнему рождается из любви к Богу. Нельзя возлюбить ближнего, не полюбив Бога. И, как говорил преподобный Исаак Сирин, опьянённый любовью к Богу человек, может и ближнего возлюбить.

Почему мы не достигаем этой любви и спотыкаемся? Потому что не очищены сердца наши. И если в нас есть страсти, то мы, когда укоряем ближнего, осуждаем его, то обычно именно в том, что сами имеем. Значит, в нас оно сидит и нас это раздражает, но, когда мы видим воплощение этой страсти, нас это возмущает. А чистое око всё видит чистым.

Если бы мы учились жить так, чтобы видеть не грех брата, а его страдание, то у нас изменилось бы восприятие ближнего, изменилось бы отношение к нему. И тогда мы сможем, как сегодня вы слышали в слове

Исаака Сирина, – плакать с плачущим, радоваться с радующимся, сможем разделить участь ближнего. Это самое главное.

Это не значит, что мы должны быть слепы к злу и не видеть злого поступка. Чистое око видит злой поступок не так, как нечистое око, а именно вот так, как сказал этот человек: оно видит страдание, а не грех, хотя прекрасно знает, что страдание ближнего является чаще всего следствием его греховного состояния.

И Господь не делил людей на добрых и злых, Он видел человека, – больного или здорового; если видел больного, Он исцелял его, исцелял Своею любовью. Он говорил: «Не здоровому нужен врач, а больному».

И все наши немощи, все наши недуги духовные исцеляются только любовью. И эту любовь Господь нам дал, и она, эта любовь, живет в Церкви Христовой, в её Предании, в святом Евангелии, но важно, чтобы она жила в сердце каждого христианина. И мы должны не только знать об этой любви, но взыскать эту любовь, и взыскать её трудами своими, т.е. подвигом, постоянным очищением своего сердца. Но не будем думать, как уже было сказано, что за подвиги мы получим эту любовь. Она подается не за подвиги, она – дар, она – милость. Но подвиг тоже имеет значение, ибо нужно приготовить место этому дару, т.е. очистить свое сердце, потому что только чистым сердцем можно увидеть Бога, почувствовать и узнать Его любовь, и, познав Его любовь, возлюбить ближнего.

Аминь.

13.06.1998. Вечерня

Истинная цель жизни

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Первая неделя после Пятидесятницы посвящена памяти Всех святых. Мы сегодня прославляем тех, кто откликнулись на призыв Божий прийти к Нему и аскетическими трудами умерщвляли в себе страсти, чтобы быть свободными, чтобы ничто не препятствовало им прийти к Богу. Дух Святой излился в мир для того, чтобы Его приняли и изменились, преобразились; чтобы и жизнь изменилась – ибо без Духа Святого истинной жизни нет. А какая жизнь истинная? – Жизнь с Богом, в Боге, вечная жизнь.

И после излияния Духа Святого, Его присутствия в мире, Его действия в мире – всем, кто желал соединиться с Богом, нужно было Его взыскать и принять. И первые, кто приняли Духа Святого, были апостолы, ученики Христовы. Они приняли Его уже в новозаветной Церкви, ибо их собрание в день Пятидесятницы явилось рождением Церкви Христовой. Когда Дух Святой снизошел на них, они преобразились и стали другими. Какими – подробно описывает евангелист Лука в Деяниях Святых Апостолов.

И Церковь является тем местом, где действует Дух Святой, она – Церковь Духа Святого. И через церковные таинства мы получаем Духа Святого. Находясь вне Церкви, не участвуя в таинствах, невозможно человеку принять Духа Святого и жить Им. Ибо таинства Церкви совершаются соборно, когда мы предстаем пред Господом как народ Божий; и Дух Святой действует там, где двое-трое собраны во имя Его. И все, кто получают

Духа Святого, присоединяются к этому народу Божьему и становятся Телом Христовым.

И вот, частицей этого Тела Христова является каждый из нас, ибо христиане названы святыми, и те, кого мы сегодня почитаем, они такие же как и мы христиане; но они сугубо выделены церковным сознанием как те, которые настолько приблизились к Богу, что Дух Святой уже говорил за них, действовал в них, – т.е. они обожились, одухотворились. Они уже не могли уклониться от Божьего пути, их решимость отстать от греха, возненавидеть его, была настолько непоколебима, что жизнь их стала путем восхождения.

Путь Христов есть снисхождение, кенозис, умаление. Человек в своем пути к Богу поднимается вверх, т.е. это путь вперед и выше. И святые отцы прошли такой путь, так обожились, одухотворились, и достигли такой ступени святости, что уже в них не было тех чувств, которые могли повернуть их назад, от Бога. Они не оглядывались на свои грехи. И щитом их, как в сегодняшнем паремийном чтении вы слышали, была святость: т.е. непричастность злу, ненависть ко греху. И эта непричастность злу, святость была их щитом. А «награда их – в Господе». Какая может быть награда? – как говорит в книге Премудрости Соломона Божий человек. – Вечная жизнь, жизнь с Богом.

Здесь важно отметить, что путь к Богу святые проходили в сотрудничестве своем с Богом. Т.е. они были избраны, они призваны были, и они ответили на этот призыв; затем начались испытания. И в сегодняшнем паремийном чтении тоже было сказано об этих испытаниях, что «они были испытаны в горниле (уничуждения)»; и эти испытания они не отвергли, а согласились

на них, и понимали, что испытания должны сделать их крепкими и твердыми в вере. Ибо неутвержденный в вере колеблется, а утверждает в вере испытание, искушение. Святые познали пользу испытаний, благодарили Господа за них.

Я помню, один святой, когда поправилось его здоровье, удивлялся этому и молился Господу так: «Господи, Ты меня забыл...» Потому что, когда он болел и преодолевал в связи с этим многие трудности, дух его закалялся, он бодрствовал; тело было немощно, а дух бодр. И отсутствие болезни он воспринял духовно: ему хотелось страдать ради Господа. Это было не самоистязанием, а желанием возвысить свой дух и достичь совершенства.

В жизни святых, как мы видим, присутствует Дух Святой и их свободная воля. Свободная воля человека, которая избирает волю Божию, что и дает душе мир и радость, устраняет все препятствия на пути к Богу.

Меру святости, меру одухотворения определить чрезвычайно трудно, но она очевидна. «Иная слава солнцу, иная слава луне», — сказано, и — «у Господа обителей много». И святые, видя подвиги друг друга, благодать, какую кому отпустил Господь, никогда не искушались высокой мерой, а радовались ей и стремились эту меру почитать и на нее ориентироваться и вдохновляться ею.

Святые отцы-пустынники посещали друг друга и, видя высокую степень совершенства своего брата, изумлялись ей, радовались ей, смирялись в прах перед нею, себя почитая ни за что, ни за кого. Эту степень дает Господь, не по нашим заслугам, по Своей милости; но необходим и труд святого, ибо только в сотрудничестве рождается святость, и только в сотрудничестве человека с Богом он одухотворяется.

Сегодня мы вспоминаем всех тех, кто прошел путь обожения, но он не завершился еще с окончанием земной жизни, ибо полнота святости, благодати будет дана по кончине времен, когда Господь будет всё во всем. И нам, еще живущим в этом мире, имея примеры святых, нужно стремиться к тому же, – к обожению, к одухотворению, к стяжанию Духа Святого; ибо без стяжания Духа Святого, по слову преподобного Серафима Саровского, мы и не будем иметь истинной цели нашей жизни. Аминь.

14.06.1998. Литургия
Мф 10:32-33, 37-38; 19:27-30
Неделя все святых.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы празднуем память тех людей, которые, услышав проповедь Христа из уст Его Самого или от Его последователей, пошли за Ним, ибо поверили, что это есть путь жизни, обретение вечной жизни.

Для того, чтобы идти за Христом, нужно оставить всё, как говорит сегодня Сам Божественный Учитель. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». Здесь имеется в виду любовь природная, любовь естественная, любовь, которой и звери любят своих детенышей, но Иисус Христос говорит о любви сверхъестественной, которая поднимает человека, выводит его из животного мира, земного – в мир небесный. Ибо только во Христе, через Его любовь преобразаются отношения, через любовь Христову очищается любовь к жене, к матери, к отцу, к детям, к

друзьям. Ибо любовь человеческая несовершенна, она корыстна, она ищет своего. Любовь Божественная бескорыстна, она всеохватывающая, она не выбирает, она любит всех, милует всех; и в этой любви нет добрых и злых: все Божие, все – возлюбленные. И если человек грешит, то Господь смотрит, как вчера уже говорилось, не на его грех, а на его страдание, и старается ему помочь выйти из его тяжелого состояния.

И святые были такими людьми, которые имели сострадание к каждому человеку; если они удалялись в пустыни, это не означало презрения к людям, желания самоспасения. Они творили великую внутреннюю милостыню – молитву за весь мир, которая вмещала в себя всех живущих на земле.

Как стать святым? Мы все призваны к святости. И мы сегодня почитаем тех, кто уже совершил подвиг святости; этот подвиг нелегкий, потому что требует самоотвержения, отдачи своей жизни, отдачи своей души. Взамен же приобретает человек Христа, Его жизнь, живет Его жизнью и руководится Его умом, умом Христовым. Это не означает потерю личности и индивидуальных свойств личности; святые были очень разные люди по своему характеру, но их всех соединял друг с другом и с людьми Дух Святой. А Дух Святой един и Тот же всегда, Он неизменен.

Мера благодати у святых может быть разная, и эту меру каждый получает в зависимости от своих трудов, подвигов по воле Божией. Но каждый, потрудившийся для Господа и пошедший за Ним, не оглядываясь назад, сподобляется быть названным сыном Божиим, усыновляется. Такого человека привлекает только небесное отечество, и он живет в нем, ибо оно внутри его: «Царствие Божие внутри вас есть».

Путь к Богу, путь к совершенству начинается с покаяния и завершается совершенством. Покаяние – это внутреннее делание, без которого невозможно очистить себя, очистить свое сердце и увидеть Бога, увидеть Христа. Мы все призваны к покаянию Иисусом Христом, а как мы каемся, это уже дело совести каждого из нас. Никто не может нас принудить к покаянию, к нему приводит наша совесть, наш внутренний судия. И образ жизни святых судит, обличает нас.

Божественная любовь нестерпима для грешника, и грешник или прячется от нее, или она его так уязвляет, высекает такую искру в его сердце, что он пробуждается. Слава Богу, если сердце пробуждается: тогда начинается путь восхождения. Ибо стать святым можно только путем восхождения. Христос избрал путь нисхождения. Он, Сын Божий, Сын Небесный, снисшел в этот мир для того, чтобы нас уврачевать. «Бог стал Человеком, для того чтобы человек стал богом», – говорил святитель Афанасий Великий. И этот путь восхождения начинается, как я уже сказал, с покаяния.

Нужно очистить ум, очистить сердце, и привести их в согласие. Бывает так, что человек живет только сердцем и отключает ум; это плохо, потому что ум всегда нас трезвит. И люди, которые не хотят рассуждать, часто совершают поступки опрометчивые, глупые. И святые отцы призывали себя и всех нас к трезвению, к бодрствованию: чтоб ум был всегда начеку, чтобы он был епископом нашего сердца, наблюдал, что происходит там. И когда возникает согласие в жизни ума и сердца, – душа обретает покой, мир; и тогда уже внешние события окружающей действительности не могут взять в плен человека, обретшего душевный мир.

Святые отцы победили мир. Что это означает? Мир, в понятиях святых отцов, – это человеческие страсти: похоть очей, похоть души, похоть тела. И человек должен бороться со своими страстями; если он им уступает, рождается грех. Грех разобщает человека с Богом, и тогда человек страдает. И в этом страдании он должен обвинить самого себя. Не Бог причина его страданий, а он сам – тем, что он уступил греху, соблазнился. И ум, который дан человеку для того, чтобы наблюдать его сердце, был отключен от своей службы. И это очень опасно – безрассудно окунуться в мир, открыть глаза, уши, свое сердце всем страстям; и наши глаза хотят всё видеть, уши – всё слышать, язык – много говорить; и мы разоряем себя и оскверняем себя.

Святость – это непричастность злу; пусть мы видим его разливание в мире, пусть многих это повергает в уныние, и они начинают обвинять тех, кто во зле, в том, что они делают нас злыми. Святые поступали не так. Они не обвиняли никого, они причину находили в самих себе. И когда один брат пришел к старцу с жалобой на своего собрата в том, что он расстроил его, вывел его из мирного состояния, старец дал ему урок трезвости. Он сказал ему: разве он вложил в тебя страсть? он только показал ту, которая была в тебе; снаружи ты был хлебом хорошим, тебя разломил, а там – гнилье. Т.е. нет зависимости человека от обстоятельств, безусловной зависимости, фатальной зависимости.

Святые на понижение нравственной, духовной жизни отвечали всегда только её повышением, и удалялись они в пустыни только ради этого – чтобы сохранить духовную жизнь в чистоте, чтобы явить образцы такой жизни, всегда вдохновляющие слабых и помогающие им выйти из духовных тупиков.

И святые отцы в своей жизни стремились быть и деятельными, и созерцательными. Деятельность их была в том, что они трудились над очищением своего сердца; они все пребывали в покаянии. Нельзя покаяние воспринимать как нечто, имевшее место в нашей жизни однажды и затем ушедшее. Покаяние никогда не оканчивается, так же, как и совершенство не имеет границ и пределов. Если в «Лествице», – пути восхождения к Богу, вначале стоит покаяние, и завершает этот путь совершенство, то это не значит, что мы возводим какие-то границы и ставим пределы; и у покаяния, и у совершенства нет пределов. В Боге жизнь не имеет никаких границ. И святые отцы считали себя самыми несовершенными. Они никого никогда не осуждали, потому что смотрели на всё чистым оком.

Один монах, когда приходил в келью своего собрата и видел там большой беспорядок, говорил: как он любит Бога, ему некогда даже заниматься внешними делами. А когда он приходил в келью монаха, у которого было всё очень чисто и аккуратно, он говорил похвальное слово и ему: какой образцовый монах, он успевает все! И Бога любит, и трудиться умеет, и все содержит в чистоте. Это великие уроки жизни, которые дали нам святые отцы! И в наше время есть подвижники, прошедшие путь от земного к небесному, ибо Господь в каждый период земной жизни человечества воздвигает тех, которые могут нам быть примером истинной жизни в Духе Святом, т.е. в любви.

Мы все тоже названы святыми. Мы все призваны быть сынами Божиими. Мы должны это сознавать и в то же время чувствовать, что мы святые по призванию, а не по исполнению. Иногда мы, совершая внешние подвиги, т.е. ходя в храм, исполняя все обязанности

христианина, думаем, что этого достаточно. Но Господь говорит нам о том, что важно, имеем ли мы любовь в своем сердце, сочетается ли в нашей жизни делание с созерцанием. Если этого сочетания нет, наши дела, наши подвиги, по слову преподобного Исаака Сирина, это нечто мертвое, словно истукан. И можно закоснеть в обряде, во внешних делах, на них надеяться и ожесточиться сердцем, и не быть святым вовсе; потому что самое главное в нашем восхождении к Богу это стяжание Духа Святого, а Дух Святой – это любовь.

Преподобный Серафим Саровский стяжал Духа Святого, стяжал любовь, поэтому его сердце открывалось и Богу, и всякому человеку, живущему на земле. И он всегда радовался ближнему и любому человеку, с которым встречался, и люди ему не мешали, люди его радовали. И даже в разбойниках, которые хотели его убить и сильно покалечили, он увидел своих братьев; и сердце его отпустило им грехи, и он всё им простил, не воздал злом за зло.

И такое милующее сердце, такая любовь и есть святость. Бог свят, Он свят Своей любовью, и мы, призванные к святости, должны стремиться стяжать эту любовь с помощью Духа Святого, Который излился в этом мире в Святую Пятидесятницу и Который живет в Церкви Божией, в Церкви Духа Святого, в ее таинствах.

И мы приходим в храм для того, чтобы участвовать в этих таинствах, чтобы укрепиться в нашем подвиге борьбы с грехами, в подвиге восхождения к Господу. И только в нашей решимости никогда не оглядываться на грех, в постоянном трезвении, мы можем принести плод достойной жизни во Христе – любовь, которая спасает нас и поможет спасти наших ближних.

Аминь.

14.06.1998. Слово после литургии

Перед началом Петрова поста (о предписаниях Устава мы говорили уже) хочу напомнить, что, если люди больны и немощны, если трудятся физически, то пост уже устраивается в согласии со своим духовным отцом, и мы учитываем все обстоятельства жизни человека – внешние и внутренние. Потому что самое главное не воздержание от еды, а самое главное – воздержание от зла. Но это вовсе не отменяет физический пост, ибо мы знаем, как тело, порой, мешает молиться, как тело всегда хочет взять верх над душой; нужно всё привести в гармонию и согласие: чтобы тело было послушно душе, а душа – духу.

Сейчас поблагодарим Господа за святое Причащение.

Помолитесь о здравии болящих: старосты нашего храма Анатолия, Пелагеи, старейшей прихожанки Феодоры. Мы её причащали и соборовали два дня назад. Она плохо себя чувствует уже физически, и нужно молиться, чтобы Господь ей дал силы в эти дни, когда идет борьба у нее внутренняя, и борьба за жизнь физическую; чтобы Господь ей дал силы духовные и телесные.

И просим помолиться о болящей бывшей старосте Спасо-Преображенского храма в Полоцке Татьяне. Она приезжала несколько раз в наш храм, всегда поддерживала с нами молитвенное общение, и ныне, послужив Господу – а она подняла монастырь, и её трудами реставрирован в Полоцке разрушенный собор, который хотели превратить в планетарий, и все силы она отдала на это служение.

Июнь, 1998. Слово на погребении

...Новопреставленная Феодора была человеком глубокой веры, молитвы, и труженица, и помощница во всех наших добрых делах; она никогда не была равнодушной к тому, что происходило в жизни прихода, всегда участвовала, и до последних сил она старалась быть в храме. Уже когда немощи одолели её, – ведь ей было 104 года, она с трудом шла в храм. Продвинется на несколько шагов, сядет, отдохнет и опять идет в дом молитвы, дом Божий, который любила больше всего на свете. И мы это чувствовали и, конечно, нам будет не хватать такого человека.

Она воспитала трёх дочерей: Марию, Анну, Таисию; и Анна, поскольку всегда почти была при матери, она постоянно приходила в храм и приводила Феодору для причащения. Ну, а Господь сподобил Марию доглядеть свою мать: и она преданно ухаживала за матерью, очень заботливо, бережно, как за малым ребенком, перевязывала ее раны.

И недавно мы Феодору поисповедовали и причастили; она ушла из этой жизни подготовленной, она принесла Господу исповедь за всю свою жизнь и сподобилась таинства соборования. И в этом таинстве участвовала ее дочь Мария и другие прихожане нашего храма. Мы видели, что уже дни её земной жизни сочтены, и видели, что у нее глубокий мир, покой, что она смерти не боится – и дело не в возрасте; есть люди её возраста, панически боящиеся смерти, неготовые к ней. А поскольку она была человек верующий, она знала, что смерть это исход, и знала, что она не уничтожается, что она переходит туда, куда всё время стремилась её душа

– в Отчий дом, где душа её обретет покой, о котором мы сейчас все молились и которого все ей желаем.

Пусть Господь примет её душу и поможет ей очиститься там, ещё за гробом, потому что в это предварительное время жизни души до Страшного Суда, молитвы тех, кто остается жить и помнит об усопшей – могут помочь ей. Такая молитва будет твориться в церкви в течение 40 дней, эта церковная молитва называется сорокоуством; и те, кто шел сегодня за гробом, думаю, тоже будут в своих вечерних и утренних молитвах поминать новопреставленную Феодору. Она же имела ревность молиться за многих и за всех.

Нормально, когда христианин молится за весь мир, вбирая в себя всё человечество. Нельзя кого-то любить, кого-то не любить, какую-то нацию любить, какую-то не любить. Христос любил всех. У христианина должно быть сердце Христа.

И Феодора стремилась к такой жизни, к такой молитве, и молилась за всех.

Она всегда благодарила Господа. И когда мы её причащали, слышали из её уст после причащения множество молитв, которые она знала наизусть. Уже она не могла читать, но память её сохранила эти молитвы, они были в её сердце и она постоянно молилась. Молясь о нас, она желала бы, конечно, чтобы и мы за нее молились, это нужно её душе.

Сейчас из Церкви уходит уже старое поколение: умерла Мария Яковлевна, Феодора, уходят люди. Важно, кто придет в Церковь, кто займет их места в нашем храме. Займут ли их места другие? Конечно, если люди далеки от Бога, в храме эти места будут пустыми, а нужно, чтобы как в лесу: лес не уничтожается,

старое дерево валится, новое растет, — так и в Церкви. Церковь должна пополняться теми, кто начинает жить во Христе и кто хочет жить в вере. И пусть, по молитвам Феодоры и нашим молитвам, Господь приведет в нашу общину достойного преемника её молитвы, её жизни, чтобы он был таким же трудолюбивым, таким же любящим Бога, какой была новопреставленная Феодора.

Сегодня мы много раз просили Господа о помиловании её души: чтобы Господь взял её в Свою любовь и упокоил. Ибо душа её нуждается в этой любви и может жить только этой любовью.

Аминь.

21.06.1998. Слово перед исповедью

Почему мы не благодарим Бога? Потому что только смотрим на Его дар, а самого Бога и видеть не хотим, поэтому никакого желания благодарить Бога нет. А как можно не благодарить Его, если утром встаём, видим этот дар жизни во всей его красе, в этом чувственном свете, который Господь нам дал, и в этом невещественном Свете, Который мы прославили сейчас в конце утрени, когда было сказано: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!» Как же не благодарить?! Но мы не всегда способны благодарить; поэтому, рассматривая себя, свою жизнь, своё сердце, скажем: «Господи, мы ещё неблагодарны. Мы ещё не умеем Тебя благодарить не только словом, но и всей своей жизнью».

А поблагодарить Господа всей своей жизнью, — это значит, не роптать на Него, не испытывать Его, принять

всё, что от Бога, спокойно и без рассуждения о том, зачем это и почему дано или не дано. Это нельзя понимать абсолютно, – но в таком испытании мы порою уходим от самого главного и лишаемся трепета жизни и благоговения пред Богом. Когда благоговеют, не испытывают, ибо в благоговении вся полнота жизни, и никаких вопросов уже не рождается. Сердце принимает эту полноту и радуется ей, и эта полнота есть жизнь.

Помоги, Господи, нам всем научиться любить Тебя бескорыстно, без всяких условий, потому что такова любовь Божественная, – по своей природе, она бескорыстна.

Вспомним свою жизнь за прошедшее время со дня последней исповеди: как мы общались с ближними, видели ли мы в них людей, был ли ближний для нас человеком, на которого мы смотрели с изумлением, восхищением или с состраданием. Приходит к нам человек пьяненький, грязный – что он может вызвать в нас, восхищение, изумление? Наверное, сострадание. Если вызывает чувство отвращения, то мы не Божьими глазами посмотрели на него, а глазами гордого человека, который вот не грешит, не пьет и не хочет общаться с таким противным человеком.

Или мы встретим праведного человека. Мы можем порадоваться тому, что Господь живет в нем и поблагодарить Господа за эту радость, которую Он дал нам.

А в первом случае мы должны понять, что эта встреча не случайна, с этим человеком: в такой странной оболочке стучится к нам Христос, а мы не узнаём Его. Разве можно узнать Христа в облике вот такого человека? Мы смотрим на внешность, а в глубине этой нечистоты и внешнего неприличия таится тот образ Божий,

который не уничтожается грехом, но который нужно увидеть сквозь коросту этого греха и постараться этот образ очистить. Допустим, кому-то известно, что на дне какого-то очень грязного места, затонула некая очень ценная вещь, очень дорогая – они бы полезли искать эту вещь. Лезут даже в могилы, чтобы найти золото, не брезгают ничем, лишь бы достать это сокровище земное. А как же мы должны быть старательны, чтобы найти вот это сокровище в человеке, увидеть его подлинный образ. Но мы бываем слепы, ленивы, горды, самодостаточны, мы живем для себя, «мой дом моя крепость».

Часто человек, выходя на пенсию, считает, что отработал свое, отдал обществу часть жизни, а теперь, наконец, пора пожить для себя. Жизнь на пенсии – это не жизнь для себя. Старость это прекрасное время, когда каждый человек должен увидеть плод духовной жизни и не жить для себя, а продолжать отдавать. В старости должна быть преизобильная полнота духовной жизни. Иссякание физических сил не влечет за собой, как вы понимаете, иссякание духовных сил, наоборот – тело немощно, а дух бодр. И дух побеждает эту немощь.

И поэтому проклинать старость и говорить, что это самое ужасное время в жизни, когда ты никому не нужен, одинокий, заброшенный, нельзя. Так случается с нами, когда мы отрываемся от людей. Когда мы сохраняем связь, живую связь, сердечную с людьми до конца своей жизни, – такого настроения, таких слов никогда не будет ни в сердце, ни на устах наших.

Поэтому для верующего человека с Богом потеря не бывает, а без Бога – одни утраты, одно поражение. Поэтому верующий человек всегда стремится жить с

Богом, во что бы то ни стало; никаких препятствий для этого не может быть, ни во внешней жизни, ни во внутренней. Святые отцы говорили: Бога не мешают нам любить никакие дела. Мы спотыкаемся о самих себя; поэтому с собой нужно побороться крепко, чтобы понудить идти туда, куда нужно идти, а не в другую сторону.

Очень легко идти в другую сторону. В воскресенье колокол звонит и зовет: к нам, к нам, к нам! Чтобы пойти в храм, старому человеку нужно преодолеть много трудностей: болезни прежде всего, нужно побороться с немощью физической, с сомнениями – дойду ли я до церкви, вдруг закружится голова и упаду на тротуаре; и всякие прочие страхи. Для старого человека дорога – это уже страх, он боится дороги; но он, если верит, то дойдет до храма. И сегодня в храм пришли такие люди тоже: больные, немощные, и Дух Божий их подкрепил и еще более подкрепит в таинстве Евхаристии, и человек обретет ту силу, которая ему нужна, Божественную силу, что есть Жизнь.

Необходимо побороться с собой, не остаться дома спать. Человек выбирает: святое дело или наоборот, – идет ли человек к Богу сегодня, или он от Бога уходит.

Конечно же, эта природная жизнь нас захватывает, мы уступаем этой природной жизни; и нас обманывают наши чувства, и мы идем у них на поводу, а тихий голос Господа, который нас призывает идти к Нему, мы не слышим. Сегодня будет читаться Евангелие на литургии о призвании апостолов, как раз об этом: как Господь нас призывает к Себе. И вот, Он призывает нас быть постоянно с Ним; мы забывчивы, но Он через обстоятельства, через людей всегда нас побуждает

идти к Нему, чтобы мы не сбивались, чтобы не шли назад.

И помощи, Господи, каждому из нас иметь эту жажду жизни; не природной только, но жажду жизни духовной! Природная жизнь не может эту жажду утолить. Духовную жажду мы утоляем иным способом. Духовная жизнь начинается через участие в таинствах Церкви. Их совершитель Дух Святой, и Он – Жизни Податель, как сказано в молитве Духу Святому. И когда мы принимаем в таинствах Духа Святого, мы реально ощущаем, что мы ожили, что мы живые; ибо только Господь может дать жизнь. Смерть Он уничтожает, Он побеждает ее ради жизни. И этот дар Жизни мы имеем – нужно только этого дара жаждать, взалкать, и по нашей жажде, по нашей вере мы получим желаемое.

Помоги, Господи, нам всем очиститься в таинстве исповеди! Наше покаяние начинается дома еще. Когда согрешим, мы уже сразу должны каяться; когда мы говорим о своем грехе, это происходит в прошедшем времени, т.е. мы уже согрешили, это было. И кто-то сразу оплакал свой грех, кого-то запнул лукавый: не кается; особенно, когда поссорятся люди: нет, я не буду мириться первым, – гордость мешает, лукавый хочет, чтобы мы упорствовали. Но потом, по зрелому размышлению, человек начинает умягчаться в сердце своем и все же просит прощения; а если такой возможности нет, тогда заочно просит прощения перед человеком (против которого согрешил) и перед Господом. Т.е., всё это уже произошло, и мы пришли на исповедь, чтобы Господу сказать об этом и получить отпущение наших грехов.

Грех – это приведенная в действие страсть. У нас очень много страстей, они бушуют, но важно не дово-

дить до действия, не соглашаться на то, чтобы совершилось то, что хочет лукавый.

Всегда, когда к нам приходят желания, мысли, мы должны их проверять Иисусом Христом, Его жизнью, и сказать себе: Христос мог бы так подумать о человеке, как я думаю? Христос мог бы так сделать, как я поступил с ближним? Христос мог бы сказать такие скверные слова, которые я произношу, а вслед за мной мои дети, потому что они учатся от меня? И нам станет стыдно перед лицом Христа. Нам бывает не стыдно перед человеком, потому что мы говорим: да, я не хуже его, — но это неверная мера, и никто нам не советует такой мерой проверять себя. А вот, когда мы поставим себя в присутствие Божие, в присутствие Иисуса Христа, вот тогда мы подтягиваемся, тогда мы понимаем, что такое христианская жизнь, что такое чистота, что такое любовь. Ибо в Иисусе Христе нет никакой скверны, только чистота и любовь, — и мы все призваны к такой жизни: к чистоте и любви.

Святые отцы говорили: чистотой всё победимо.

21.06.1998. Литургия

Мф 4:18-23; 4:25-5:12

Путь святости

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы отмечаем память Всех святых, в земле Российской просиявших. Два евангельских чтения говорили о тех, кто начал жить во Христе, кто были первыми, облекшимися во Христа и пошедшими за Ним.

А те, которых мы сегодня вспоминаем, святые, которые жили в пределах нашего богоспасаемого Отечества, это святые уже позднего времени, жившие спустя много веков после тех, первых учеников Христа, кто благовествовал о Нем всю свою жизнь, короткую или длинную. И благодаря этому свидетельству, Христос жив в мире сем; хотя есть и другой путь приобщения к вере – не через свидетельство кого-то, а через откровение, явление Самого Христа и Бога тому, кому Они захотят явиться, как это было в случае с апостолом Павлом. Он не ходил за Христом, не был Его учеником, но стал им, потому что любовь Божия призвала его к высокому служению, без всякого насилия, потому что она имеет свойство преображать человека, когда коснется глубин его сердца, его души.

И вот, простые рыбаки, Петр и Андрей, Иаков и Иоанн, которые уже два месяца тому назад встретились с Иисусом Христом на Иордане, – на Него им указал их учитель, Иоанн Креститель, – уже побывали в том «доме» Христа, куда Он их пригласил (у Христа дома Своего не было, как мы знаем). И встреча первая со Христом произвела на них сильное впечатление, но об этом Евангелие подробно не рассказывает. Мы помним свидетельство Нафанаила, который сказал Иисусу Христу после общения с Ним: Ты – Сын Божий; т.е. он исповедовал Его как Мессию.

И после беседы с Петром, Андреем и Иоанном (и прочими), Иисус Христос отправляет их назад, в Галилею, трудиться; а Сам уходит в пустыню. Предстоит сорокадневный пост, искушение. И после пустыни Христа, и после их пустыни, будущих апостолов, они встречаются на берегу Галилейского озера. Занимаясь своим обыч-

ным промыслом, закидывая сети в море, они вдруг слышат шум, видят толпу народа и слышат чей-то кроткий голос: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним».

Удивляет эта решимость Петра, Андрея сразу же последовать за Призвавшим их, без сомнений. Петр, мы знаем, был семейный человек, и ему нужно было кормить семью, добывать средства к существованию, но он как бы забывает всё в этом мире и поступает выше всех обстоятельств жизни, поднимается выше природной жизни. И в нем отзывается на голос Христа то, что выше природной жизни. Слова Христа призвали к лучшей жизни, и сердце поверило, что это голос той жизни, которую они жаждали. Поэтому они и идут за Христом. А голос Христа имел такую живительную силу, такую благодать, которая пленяла их – не лишая вовсе той свободы, которая позволяла им не откликнуться на этот зов. Потому что многие и не услышали этого Голоса даже, а услышав – и не откликнулись на него. Но эти люди были духовно чуткие и имели смирение, которое открывало слух и сердце для принятия Того, Кто станет их жизнью.

И затем Иисус Христос призывает и других учеников, а перед этим объясняет цель служения; Он говорит: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». В этих словах открыта цель их будущего служения. А таинственная цель, мистическая, их призвания – это призыв к обожению, к одухотворению, к воплощению во Христа. Ибо Он есть Жизнь, и Путь, и Истина, и облекшись в Него, они получают полноту жизни.

И апостолы пошли за Христом, оставив всё, т.е. «последовали за Ним», сказано. И теперь Иисус Христос

ходит уже по Галилее, учит в синагогах, проповедует Евангелие Царствия и исцеляет всякую болезнь, всякую немощь в людях, – со Своими учениками, теми, кто пожелал принять Его как свою жизнь.

Самое ценное (о чем уже было сказано) в поступке апостолов, в духовном их поведении, – это решимость пойти за Христом. И без этой решимости невозможно стать святым. Ибо решимость дает крепость душе и всё уже определяет в жизни, она – основание пути. И тот, кто не колеблется, тот и преуспевает духовно. И апостолы пережили все муки следования за Христом, все страдания этого трудного пути, который оказался очень нелегким. Потому что лично нужно было подтверждать то, во что уверовало твое сердце, подтверждать своей жизнью, не словами только, а запечатлевать эту веру своей кровью, своими страданиями, своими мучениями.

Нельзя сказать, что апостолы как уверовали во Христа, пошли за Ним, так и стали сразу святыми и безгрешными. Мы видим их падения, большие и малые. Мы помним об отречении того, кого Иисус Христос призвал здесь, на Галилейском озере, первым – Петра; как он трижды отрекался от Иисуса Христа, не по расчету, а по слабости, потому что поверил в свои силы и вскоре убедился, что эти силы – ложь и нужно уповать только на Иисуса Христа, на Бога. И ни на какие свои заслуги, ни на какие свои дела не надеяться, сколько бы их ни было совершено и сколь бы они ни были славны и высоки.

Иисус Христос предлагает Своим ученикам идти по воде. Это было предложено Петру и, следовательно, всем ученикам, и нам. Действительно, самый надежный

путь святости – это идти по воде; жить без расчета. Это не исключает рассудительности; святые отцы призывали к рассудительности: чтобы мы добро творили с рассуждением.

Хождение по воде означает, что я не уповаю, не надеюсь, вернее, ни на что, ни на кого, кроме Христа.

Посмотрите, как поступили апостолы: они не стали оглядываться на свои лодки, на своих родителей, не стали сомневаться здесь: а как они будут жить? Он же нищий, Христос, чем Он их будет кормить? и где они будут жить? Никаких таких материально-практических размышлений в их головах не было. Действительно, они пошли за Христом как по воде.

И идя за Ним, нужно только соблюдать единственное правило. Оно простое, но вмещающее в себя всю полноту жизни во Христе: не надо смотреть по сторонам, только – на Христа. Если мы смотрим только на Него, мы не утонем в той воде, по которой идем, а это пучина нашей жизни и мир, лежащий во зле. Но если мы начинаем смотреть и говорить: как страшна жизнь, зло надвигается, и оно сгущается, и у меня не хватит сил противостоять этому злу и т.д., – то мы уже смотрим на жизненные обстоятельства, а не на Самого Христа, и мы начинаем тонуть.

И вот, святые, память которых мы празднуем, они и были такими людьми, которые всё упование возложили на Господа; они оставили всё. Как и преподобная Евфросиния, игумения Полоцкая, покровительница нашего храма, которая в 12 лет уже преодолела все внешние препятствия, чтобы они не могли помешать ей следовать за Тем, Кого она возлюбила всем своим существом. И только во Христе она могла осмыслить

правильно заповедь о почитании родителей своих; и не было дерзостью, что она покинула родительский дом, и слезы родительские, которые должны были её остановить, не были препятствием для неё. Эти слезы потом утёр Христос, и родители поняли правду её поведения и не осудили её, и благословили на этот путь жизни во Христе, поняв, что Жених, Которому она отдала свое сердце, это и есть та жизнь, выше которой нет.

Одна молодая монахиня в Иерусалиме, японка, рассказывала мне о своем пути ко Христу; о тех препятствиях, которые были у нее лично. Она, из семьи или синтоистской, или буддистской, точно не помню. Её отец был возмущен тем, что она стала христианкой, – и писал ей письма, в которых обвинял её в предательстве веры своих предков, его веры, веры семьи. Она много молилась за него и пыталась просветить его разум и сердце. Наконец, он познакомился со Христом, прочтя Евангелие. И после встречи с Иисусом Христом, он написал ей те строки, которые были его отцовским благословением: «Если бы ты полюбила кого-то в этом мире, я бы мог говорить ещё о его достоинствах или недостатках, но ты полюбила Христа – и что я могу сказать об этом? Я умолкаю».

Так вот, выбор Христа созидает личность, творит личность, и создает ту полноту жизни, которая дает человеку радость и мир.

Если в творении образа Божия участвовала одна воля – воля Божия, то в творении подобия Божия участвовать должны уже две воли: и наша человеческая воля, и воля Божия. И мы должны не только откликнуться на призыв Божий, но и хранить верность Тому, Кто нас полюбил, и Кто нам дал жизнь.

За дар нужно благодарить; а мы получаем через Христа дар Жизни, выше которого ничего нет, – не имея его, мы мучаемся. И святые, память которых мы сегодня празднуем, неустанно благодарили за этот дар. Они всем своим существованием, которое было сплошным благодарением, прославляли Бога.

И мы должны быть похожи на наших предшественников именно этой решимостью, этой верностью Тому, Кто возлюбил нас больше, чем мы сами себя любим; за то, что Он дал нам Жизнь вечную.

Аминь.

28.06.1998. Литургия

Мф 6:22-33

Неделя 3-я по Пятидесятнице.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Псалмопевец Давид говорит о том, что человек должен возложить все заботы свои на Господа: «Возложи на Господа заботы Твои, и Он поддержит тебя». Вслед за ним, Иисус Христос в Евангелии от Матфея, которое мы только что слышали, говорит: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться; душа не больше ли пищи и тело – одежды».

Ну как же, спросим мы, не заботиться о том, что нужно для души и для тела? Разве мы не должны трудиться; разве сам кусок хлеба появится на нашем столе без наших усилий? И ведь апостол говорит: «Тот, кто не трудится, тот и не ест». А почему Иисус Христос ставит в пример человеку птиц небесных и полевые

лилии? «Посмотрите на полевые лилии, как они растут; не трудятся, не прядут... Посмотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их».

Человек не может не сеять, не жать, и не собирать в житницы, он трудится, его труд нужен. Потому что в труде он добывает себе пропитание, хлеб, и без работы человек жить не может. Даже пустыnnики, которые уже имели малую потребность в пище, благодаря тому, что тело своё подчинили душе и духу, – работали, плели корзины, допустим, рогожи, продавали их и кое-что покупали для пропитания. А если не для себя, то для кого-то, и чтобы не быть праздным.

Человек не может не трудиться – чтобы не быть праздным; ибо праздность разлагает человека, а труд даёт нам и телесные силы, и подкрепляет нашу душу, и умножает земные блага, которые нужны для человека. Мы не можем жить как ангелы, как бесплотные духи, жить так, как будем жить в Царствии Небесном, где нет ни пищи, ни питья в их земном виде, образе.

О чем здесь речь? Здесь речь идет о том, чтобы мы возложили всё упование на Господа; чтобы мы не были маловерными; чтобы мы не надеялись только на себя, на свой труд, на те блага, которые приобретаются этим трудом; и чтобы мы не думали, что это мы сделали и что это наше.

И Господь говорит нам о том, чтобы мы, работая, заботились только о малом на потребу и не стремились к тому, чтобы богатство завладело нами. «Не можете служить Богу и мамоне». Это раздвоение и гибель для человека. Нужно избрать Бога, а не мамону, потому что Бог – жизнь, а мамона это то, что поддерживает эту

жизнь, то, что приложится. И когда мы просим у Господа дать нам хлеб насущный, мы имеем в виду прежде всего Небесный хлеб, имеем в виду Евхаристию, евхаристическое таинство, которое нас подкрепляет и вводит в Царство Небесное. А остальное – то, что приложится. Бог и без нашей просьбы нас питает, дает нам пищу. Ведь очень много есть неверующих людей, которые не молятся Богу, и Господь их питает, даёт им пищу.

А мы молимся, и в нашей молитве мы, прежде всего, просим Господа о надсущном хлебе, т.е. хлебе Жизни. И сегодня мы пришли в храм, на Евхаристию, на таинство преломления хлеба, – для того, чтобы получить этот Хлеб надсущный и быть живыми.

Если мы возлагаем все надежды только на себя, на материальное, мы отключаемся от Бога, мы уже неправы пред Богом, потому что без Него мы не можем жить; и без Него мы увидим, как то, на что мы надеемся, превращается в прах, в пыль, ржавеет и уничтожается. Всё временное имеет начало и конец, и строить свою жизнь на этом основании материальном – это ошибка, т.е. в таком основании нет жизни.

Поэтому Господь говорит: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и это всё приложится вам». Пусть будет у вас на первом месте, говорит Господь, духовное, Царство Небесное, а не что-либо иное.

Можно себя самого сделать целью жизни, самоутверждаться и сказать, что я могу стать сильной личностью, каким-то сверхчеловеком; и, как одна женщина нам сказала, что она всё может, потому что так воспитала себя, воспитала как сильную личность. Но, когда мы спрашиваем себя: можешь ли продлить себе жизнь земную; знаешь ли ты достоверно, что с тобою

случится завтра точно в такой-то час, в такую-то минуту, – то наша уверенность в своих силах, возможностях тут же уходит. Мы «не можем, – как говорит Господь, – прибавить себе росту хотя на один локоть»; не можем. Потому что не мы творцы этой жизни, не мы создали себя, и мы не можем себе молиться и просить у себя силу жить. Сила вне нас; и, по зрелому размышлению, человек приходит к Источнику этой силы, к Господу, и тогда чувствует себя пред Ним малым беспомощным ребенком, который не живет своим умом, а живет умом родителей, и ничего не собирает, не копит и не надеется на это – и даже мысли у него такой не возникает потому что его питают, его любят, его ласкают и его всем обеспечивают.

И когда мы будем иметь такое же упование на Господа, исключим себя, будем верить в Бога и в милосердие ближнего, верить в милосердие брата, т.е. – в жизнь в любви. Если мы любим друг друга, милосердны друг к другу, заботимся друг о друге – о чем нам тогда беспокоиться? Если мой ближний заботится обо мне так, как я бы сам о себе позаботился, зачем мне заботиться о себе? Когда мы заботимся друг о друге и помогаем друг другу, это и есть жизнь в вере в Бога и в вере в милосердие брата.

В нашей общине были случаи, когда христиане имели такую надежду, упование на Бога, и мы видели, как Господь по их вере воздал им. Когда человек, не имея ни родственников, ни каких-то связей в обществе, а имея только тех, кто его любит, молится с ним, тех, которые могут заботиться о нем как о себе, – в этом случае человек получал утешение и получал всё, что не мог бы получить человек, надеющийся на деньги и на богатство.

Примеров тому есть немало. Вот одна старушка собирала деньги на свои похороны; так принято – что-то подкопить на смертный случай, чтобы не обременить материальными заботами ближних. При том же храме (это в Псковской области было) жила другая старушка, которая не отходила от храма, прислуживала там, безвозмездно, всё делала: и мыла пол, и затепливала свечи, лампадки, и готовила батюшке еду. И когда ей кто-то давал что-либо: копейку или какие-нибудь продукты, – никто не видел, чтобы она пользовалась ими; всё уходило от неё, она ничего не хотела копить и иметь при себе. Она понимала, что её богатство внутри неё, – это Господь, Которого она любит; и этой любовью она и жила.

И вот, когда умерла та прихожанка, что собирала деньги на погребение, то её сокровища малого не обнаружили в её комнатке: кто-то знал, видимо, об этом её сбережении и украл его. Позже умерла эта старушка, у которой ничего не было, – община похоронила её похристиански: и отпели бесплатно, и устроили вскладчину поминальный стол, и началось бесплатное поминовение на сорокоустье и т.д. Т.е. всё было сделано бесплатно, без денег. И все радовались, что так Господь устроил; но это всё было по вере, упованию этой христианки, которая всё возложила на Господа. Не понадеялась ни на какую копейку, ни на какое малое богатство; она знала, что всё от Господа. И в этом уповании она прожила всю жизнь, и таков был итог этой земной жизни; она умерла в нищете внешне, и в богатстве необыкновенном, если понимать это духовно. Она обрела, через нищету материальную, Иисуса Христа и Бога Отца, в покой Которого вошла, когда её душа разлучилась с телом.

Дай и нам, Господи, не быть «беспокойниками» в этой жизни, не надеяться на свое богатство, малое или

большое, а уповать только на Господа, всем своим сердцем, всей своей жизнью, чтобы жить в Боге и с Богом!

Аминь.

17.07.1998. Вечерня

Память прп. Сергия Радонежского.

Преподобный Сергей вписал особую страницу в историю нашей отечественной святости, ибо был великим святым; избранником Божиим, которому открылись тайны Пресвятой Троицы – поэтому он один из, пожалуй, первых мистиков в сонме русских святых. И в своей обители он устраивает храм в честь Пресвятой Троицы, взирая на который, как гласит летопись, люди должны были преодолевать страх розни мира сего, познав Тайну единения Пресвятой Троицы.

Преподобный Сергей в своей жизни воплощал ее в братской любви к ближним, в созидании монашеской общины и в желании эту Тайну открыть тем, кто пребывал в разделении, во вражде и в братоубийственной борьбе.

Преподобный Сергей, как мы слышали в тропаре, уединился в пустыне; т.е. он ушел на Маковец, в глушь лесную, чтобы там, как говорил известный поэт, «в уединении выплавить свой дух и выстрадать великое познание», ибо жизнь в пустыне чревата многими искушениями, и там лицом к лицу встречается молитвенник с врагом мира сего, и борьба происходит мучительная, и нужно иметь мужество и великую веру, чтобы устоять в этой борьбе.

Он начинал созидание обители с молитвы – в планах его не было здесь устраивать общежительный мо-

настырь. Но человек предполагает, а Бог располагает; и как город не может укрыться на горе, и свет не ставят под спудом, а на свещнице, так и святость преподобного Сергия Бог открыл многим людям, и первые, кто потянулся к нему, это были такие же, как он, люди, жаждущие уединения и молитвы.

И преподобный Сергий их не отверг, и так вокруг него возникло братство монашеское, возникла обитель. И преподобный Сергий тем самым возрождает общезначительный тип устройства монашеской жизни, который разорился после татаро-монгольского нашествия на Святую Русь. И Сергий живет уже во времена иные, но – в условиях междоусобной борьбы, его уединение не означает, что он непричастен к жизни страдающего мира. Скорби этого мира как волны притекают к его обители; и митрополит Алексий просит его однажды идти в Нижний Новгород, чтобы покончить с междоусобной борьбой княжеской, и дает повеление преподобному Сергию опечатать все церкви этого города в случае неповиновения, что и было сделано. Таким образом, монах, молитвенник, аскет, мистик, человек созерцательной жизни выходит в этот мир, приобщается к политике.

Преподобный Сергий не оставил после себя никаких духовных сочинений, которые бы открыли тайны его внутренней жизни, его аскетики. Она открывалась частично через его действия, через его служение, что запечатлено в его Житии, которое написано на основании биографических фактов, а не вымыслов, и не путем какого-нибудь житийного клише, под который подгонялась жизнь святого. И когда мы читаем Житие преподобного Сергия, мы чувствуем живо и реально его жизнь в Боге; а глубины её знает только Господь.

Он удостоился видений Божией Матери. До преподобного Сергия мы не встречаем в житиях святых упоминаний о таких видениях. А ему однажды после молитвы у иконы, когда он читал благодарственный канон Богородице, было открыто, что сегодня он сподобится необыкновенного посещения. И к созерцанию этой тайны, этого видения он призвал некоторых из своих учеников-сотаинников. Но вполне это видение мог созерцать только он; а Михей, как вы помните, сотаинник его, упал ниц, укрылся, ибо не мог видеть по нечистоте своей и несовершенству то, что открылось чистому сердцу и уму преподобного Сергия. Только конец этого явления видел Михей: множество птиц в свете, которые символизировали процветание обители и говорили о том, что монастырь преподобного Сергия никогда не оскудеет людьми и молитвой.

Божия Мать в видении сказала преподобному Сергию о том, что Её Покров всегда будет над этой обителью. И мы верим, что через Неё Господь действует в этом мире, что Богородица предстает как Заступница за всех нас. И покров Пресвятой Троицы тоже всегда пребывает над обителью прп. Сергия.

Мы видим, что преподобный Сергей в своей молитве дошел до таких вершин и до такого состояния, когда ум уже молчит и созерцает премирные вещи. Этот опыт молчальников-исихастов, афонских монахов, уже в XIV-м веке распространялся в монашеском мире. Преподобный Сергей имел тесные связи с Константинополем и принимал у себя в обители монахов, живших на Афоне, которые делились с ним своим мистическим опытом, подтверждая тем самым опыт преподобного Сергия.

С миром изыдем.

18.07.1998. Литургия

Мф 9:18-26

Обретение мощей прп. Сергия Радонежского.

Мы слышали Евангелие от Матфея об исцелении кровоточивой женщины и воскрешении дочери начальника синагоги.

Некий начальник, находящийся в толпе вокруг Иисуса, обратился к Нему с просьбой исцелить его умирающую дочь: «Возложи на неё руку Твою, и она будет жива», – т.е. он приглашает Его к себе в дом. Иисус Христос принимает его просьбу, откликается на неё, идёт за начальником синагоги. За ними последовали и ученики Его. Но на пути Иисус Христос совершает чудо; оно, как бы, не по Его воле совершается, а дерзновением больной женщины, которая 12 лет страдала кровотечением, и истощила все свои средства (видимо, она была богата, если имела средства на лечение). Женщина не решалась открыто обратиться к Иисусу Христу с просьбой об исцелении, ибо об этой болезни не принято было говорить, и те, кто страдал ею, считались в нечистоте (а в нечистоте и прикасаться нельзя было ни к какой святыне). Поэтому женщиной владел страх; и в то же время желание исцелиться и вера в Того, Кто пред нею, превозмогли её страх, – и она всё же прикоснулась к одежде Спасителя, прежде сама в себе говорила об этом: «если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею». «Иисус же, обратившись, увидев её, сказал: дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова».

Почему Иисус Христос отвлекается на происшедшее – Ему, казалось бы, нужно было спешить к одру

умирающей дочери начальника синагоги, а Он, как и в случае с воскрешением Лазаря, медлит? Он медлит затем, чтобы девица умерла. И чтобы совершить не исцеление болящей, а совершить воскрешение – т.е. большее чудо, которое должно вразумить окружающих и усилить их веру.

Иисус Христос мог бы утаить происшедшее, но Ему важно было объявить веру женщины – ради окружающих, прежде всего, ради начальника синагоги, ибо в сравнении с этой женщиной он маловернее и грубее. Он дерзает пригласить к себе в дом Иисуса Христа, а сотник, вы помните, слуга которого был при смерти, просит Иисуса только сказать слово, чтобы исцелился его отрок – т.е. он имел великую веру, какой у начальника синагоги нет. И нет такой веры, какая есть у женщины, которая не просит Христа ее вылечить, а только хочет слегка прикоснуться к Его одежде, веря в благодатную силу исцеления, исходящую от Иисуса Христа.

И вот, ради укрепления веры начальника синагоги, Иисус Христос, обратившись и увидев её, сказал: «Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя». Т.е. Он объявил о её вере всем окружающим и этим явил ещё одно чудо: показал, что Он знает тайны сердца человеческого, того, что внутри нас, в душе нашей. И укрепив в вере начальника синагоги, и похвалив веру женщины, и, назвав её уже дочерью («дерзай, дочь»; т.е. такие люди, как она, усыновляются Богу), Он приходит в дом начальника синагоги и видит здесь тех, кто его дочь уже оплакивает: свирельщиков и народ, они в смятении. И Он просит их всех выйти, объявляя им о том, что девица не умерла, но спит, что вызывает всеобщий смех («и смеялись над Ним» – говорит евангелист). И Христос

воскрешает девицу; «об этом чуде, разнёсся слух по всей земле той». Иисус Христос взял её за руку, тем самым хотел сказать, что всё совершенное не призрачно. И здесь важно обратить внимание на поведение народа, который не понимал, что происходит, и не понимал Того, Кто перед ними.

Здесь Христос является победителем смерти, Тем, Кому подчиняется смерть. И Он хочет сказать, что смерти нет, и являет чудом воскрешения ту силу, которая оживотворяет человека, мертвое делает живым. Это относится не только к телесному нашему составу, это относится и к нашей душе, ибо мы часто бываем мертвы душой: и про себя говорим, что мы мертвы, и о других говорим, что они безнадежны. Особенно о людях, утопающих в грехах, не кающихся, — мы молимся за них, порой отчаиваемся и говорим: безнадежный человек и бесполезно о нем молиться, — и считаем его мертвым.

Но наше сомнение покрывает голос Христа: «Не умерла девица, но спит»; не умер человек, но спит; умерла его душа, но спит; скажите ему живое слово, дайте ему поддержку: моральную или материальную, позаботьтесь о нем, усильте свою молитву, и тогда увидите чудо воскрешения его души. Ибо любовью человек исправляется, любовь воскрешает души человеческие. Поэтому будем помнить об этом и укорять себя в маловерии, и не будем смеяться над Иисусом Христом, потому что когда мы смеемся над человеком падшим и считаем, что он уже погиб, — Христос смотрит на него иначе, Он смотрит с надеждой и любовью.

И здесь же Иисус Христос нас учит тому, чтобы мы смерти не боялись, зная, что она побеждена, и чтобы мы не прилеплялись к этой жизни и не проливали тех

страстных слёз, у гроба усопшего, которые у нас от маловерия. При гробе усопшего нужно радоваться, веселиться, а не безудержно плакать, ибо, как однажды сказал Иоанн Златоуст: «Может ли скорбеть мать, видя своего сына в царских чертогах? Скорбеть о нём – это безрассудно! – И нужно ли ей вызывать его оттуда в эту жизнь?... Изучи, – говорит он, – эту жизнь, временную, и ту жизнь, вечную, – и если ты познаешь вечную жизнь, то никогда не променяешь вечное на временное, лучшее на худшее».

Аминь.

ВЕРА И КУЛЬТУРА

ИЗУЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА И ВОПРОСЫ ВЕРЫ

*Из личного опыта
российских искусствоведов-медиевистов
Анны Пожидаевой и Марины Заиграйкиной*

Анна Пожидаева родилась в 1969 году в Москве, в 1990 г. окончила отделение истории искусства исторического факультета МГУ. В 2008 г. защитила там же диссертацию на тему «Цикл Творения в западноевропейском искусстве XI – начала XIII вв.: опыт иконографической генеалогии». С 1995 года преподает историю искусства Западного средневековья и христианскую иконографию (РГГУ, МГУ, ВШЭ¹). Занимается иконографией Дней Творения в искусстве Западной Европы VIII–XIII веков. Прихожанка московского храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражке.

1. Почему вы выбрали в качестве профессии изучение искусства Средних веков и как это связано (и связано ли) с вашей верой?

Анна Пожидаева: Интерес к средневековью и интерес к христианству появились в моей жизни одновременно – в старших классах, незадолго до крещения, но как-то независимо друг от друга. Во время подготовки к поступлению (а мы сдавали экзамен по истории только отечественного искусства) стало внезапно понятно, что все, что до Петра I – искусство Древней Руси, искусство церковное – интересует гораздо больше, чем все остальное, причем дело совсем не в эстетике. Здесь

¹ Российский государственный гуманитарный университет; Московский государственный университет; Высшая школа экономики.

явно не работало сравнение «красиво-некрасиво». Скорее – важно, интересно, именно, что кажется настоящим, серьезным, то, к чему тянет, о чем хочется узнать больше. И во время подготовки к вступительному экзамену, и потом мне очень повезло с учителями, которые во мне это убеждение только укрепили. Но надо сказать, что изучать христианское искусство тогда, 30 лет назад так, как мы это делаем сейчас, было просто невозможно. До конца 80-х советские искусствоведы-медиевисты (а большинство их занималось, конечно, Древней Русью или Византией, западников было очень немного – в силу малой доступности материала, прежде всего) по понятным причинам могли говорить и писать преимущественно о стиле икон и фресок, практически не имея возможности уделять внимание тому, что касалось религиозной *функции образа*, тому что именно изображено на фресках и иконах, как это соотносено с текстом Писания, комментариями на него, с богослужением. В воспоминаниях Ванеева о лагере в Абези есть трогательный и весьма показательный для эпохи эпизод – один заключенный, ученый-искусствовед, приходит в соседнюю камеру «побеседовать о выражении глаз Владимирской Богоматери». Но недостающую информацию (не о том, *как*, а о том, *что именно* и *зачем* изображено на иконе или фреске), бесконечно для нас интересную, приходилось искать между строк, ее очень не хватало, особенно когда многие из нас, студентов 1–2 курсов, уже начали ходить в церковь, что-то узнавать о богослужении. Слушать на лекциях и читать о выразительности ликов, трактовке формы, светотеневых моделировках, эмоциональной окраске образа было интересно, но при этом не оставляло ощущение, что

за этим стоит нечто гораздо более важное, основное, настоящее – именно для этой области искусства. Эстетическая разница между искусством Средневековья и искусством Нового времени колоссальна, особенно в том, что касается Запада. Считать большинство этих произведений прекрасными, с точки зрения зрителя, привыкшего к искусству Нового времени, очень трудно. Еще труднее подходить с критериями формально-стилистического анализа к средневековому изображению, не знающему ни иллюзии глубины, ни иллюзии объема, ни натуроподобного колорита, словом, ничего, присущего искусству XVI–XX вв. – зачастую это просто неоправданно. Христианское искусство уже в катакомбах начинается со знаковости, условности, и дальше, вплоть до Возрождения, эту условность, в большей или меньшей степени, сохраняет. И даже самый неискушенный зритель понимает, что анализировать книжную миниатюру 1000 года как эстетический объект по тем же законам, по которым анализируют картину, скажем Моне или даже Боттичелли, не получится. Деревянный крест XII века с полностью симметричной фигурой Христа, одетого в священническую одежду, лист каролингского Евангелия, расчерченный на сегменты с фигурами евангелистов и апокалиптических животных, окружающих престол Судии, золотофонная византийская икона Благовещения с плоскостными силуэтами Богоматери и архангела Гавриила предназначены не только и не столько для любования, сколько для какого-то иного, очень важного, процесса, который пока был для нас, студентов, непонятен.

Вместе с тем нам очень повезло – наши преподаватели-медиевисты были все люди верующие и этого практически не скрывали (на дворе уже была «Перестройка»,

в Московском университете читали спецкурсы Аверинцев, Биbihин, Гаспаров, Мелетинский), и ощущение бесконечной значительности *смысла*, стоящего за этими изображениями, до нас вполне доносили. А когда я была на 4 курсе, в 1990 году, на факультете читался первый спецкурс по иконографии (то есть правилам начертания и смыслам образов) раннехристианского искусства, поточная аудитория была переполнена, и у многих, в том числе у меня, ощущение было такое, словно в комнате наконец свет зажгли или окно открыли, наконец вещи названы своими именами – вот оно, то, что так хотелось знать – наука о том, как возникали пластические способы передавать новое, принципиально иное, чем в античности, содержание образа, как адаптировались античные изобразительные схемы, подобно устойчивым выражениям в языке, к передаче новых, христианских смыслов (как, например, изображение Гермеса, несущего душу-овцу, становится источником иконографии Доброго пастыря и т.п.). Это было ново не только для нас, тогдашних студентов – прежде всего, для традиций отделения истории искусства это абсолютно было непривычно, и годом позже, когда я уже защищала иконографический диплом о ранних изображениях Франциска Ассизского и их связи с текстами его житий, одним из серьезных замечаний комиссии было «это не про искусство», то есть не про прекрасное.

Сейчас, почти через 30 лет, это уже не так. Советский стереотип давно сломан. Иконография перестала быть «анфан террибль» в российском искусствознании. Появились многочисленные курсы – в ВУЗах и для вольнослушателей – по христианской иконографии, они вызывают большой интерес. Мы закончили универси-

тет и многие из нас сами начали преподавать. И здесь перед нами, передо мной и моими коллегами, уже не как перед изучающей, а как перед преподающей стороной, встает другой вопрос – не «почему мне это нравится», а «что от меня должны услышать эти люди». Мне приходилось преподавать только в светских учебных заведениях, где христианская иконография – часть общеобязательного курса или курс по выбору, и главная проблема в данном случае – как в ситуации, когда половина аудитории не понимает, кто изображен на картинке и что делают все эти люди, не сбиться на: а) пересказ евангельского сюжета с картинками, б) на проповедь (ведь приходится по мере сил пояснять значение, например, притчи, или комментировать действия фарисеев, Пилата, поведение учеников, скажем, при Взятии под стражу). Такие комментарии бывают необходимы и неизбежно отражают личную позицию. Всегда ли это корректно? Думаю, что в складывающейся в нынешних учебных заведениях ситуации, когда студент очень чутко относится к любому «эмоциональному давлению», попытке его агитировать, посягнуть на его внутреннюю свободу – не всегда. Если в 80-е годы прошлого века самым важным для преподавателя действительно было просто свидетельствовать о Евангелии, называть сюжеты, показывать свое серьезное отношение к церковному искусству, и тогдашний студент, слыша рассказ о христианском искусстве от верующего преподавателя, ловил его слова как драгоценный жемчуг, теперь в России это совсем не так. Оскомина, набитая официальными СМИ и дежурной проповедью, звучащей из каждого телевизора, очень сильна. И это совсем не значит, что люди стали больше знать о Христе.

Просто у них испортился ассоциативный ряд. И вот в этой ситуации для меня остается всегда открытым вопрос, где грань между тем, чтобы не покривить душой и честно «дать отчет в своем уповании», и превращением лекции в проповедь.

2. Есть ли, на ваш взгляд, противоречие между верой и научным исследованием? Обязательно ли, по-вашему, быть верующим, чтобы осмысленно заниматься изучением средневекового искусства?

А. П.: Я могу судить только о своей области, которую большинство людей и наукой-то не назовет. Вместе с тем изображения для историка – один из источников знания об определенной эпохе, наряду с археологическими данными, письменными источниками, памятниками материальной культуры. Язык изображения имеет свои особенности и законы, но это один из языков, которыми эпоха доносит до нас специфику своих взглядов (классический пример тут – потрясающая разница в отношении, скажем, к сюжетам Страстной недели в период Раннего христианства и Поздней готики, насколько бесстрастно и нейтрально трактованы они в первом случае, настолько же эмоционально и натуралистично – во втором).

Особенности художественного языка Средневековья создают массу сложностей как для восприятия зрителем, так и для изучения специалистом. Здесь много подводных камней. Начну с самого распространенного в нашей области современного научного перекоса – попытке оценивать явления вне исторического контекста, выносе оценочного суждения «с современной колокольни», в системе ценностей современного человека. Есть такая опасность современного научного подхода

(и она довольно часто встречается как в западной, так и в отечественной науке) – отказаться от научно корректной позиции историзма и воспринимать Средневековье и его искусство исключительно как набор неполиткорректных, нетолерантных, совершенно для нас недопустимых высказываний. Мужеложцы, горящие в дантовском Аду, истории о злых евреях, похищающих гостию с целью колдовства, неуважение к женщине – все это всерьез травмирует многих исследователей, которые, доказывая и показывая, как ужасно, вопиюще нетолерантно Средневековье, на мой взгляд, напрасно тратят силы, ломаясь в открытую дверь – накладывая рамки современной (и очень недавней) нормы на период, когда понятия «равенство в этом мире» попросту не существовало. Это, если привести какой-то самый простой пример, столь же бессмысленно, как бессмысленно недоумевать, читая «Ромео и Джульетту», почему они не могли просто пренебречь мнением родителей, уехать из Вероны и свободно пожениться в соседней Мантуе. Ответ прост – вопрос этот наивен и обличает незнание исторического контекста. Мир был другим. Такое отсутствие исторического подхода, нарочитое «осовременивание» проблем Средневековья – серьезная трудность, и для науки и преподавания в этом есть, на мой взгляд, явная некорректность. Нельзя насиловать материал, применяя к нему метод, в основе которого лежит ценностная система доминирующих сегодня в западных гуманитарных исследованиях дискурсов – и прежде всего *minority studies*. В начале каждого курса мне в последнее время приходится оговаривать заранее, что мы будем говорить об эпохе, когда плохо относились к меньшинствам и т.п. и мы сейчас,

до начала курса, заранее признаем, что тогда так было, и с точки зрения современного человека это *очень* плохо, и дальше будем говорить уже не об этом, а о другом, в рамках этого курса более важном – о том, из чего складывается целостная картина мировоззрения эпохи. Нельзя подходить к эпохе с чужими для нее критериями. Но здесь есть опасность еще большая – воспринять эпоху *только* как набор чудовищных несправедливостей, такой Арканар братьев Стругацких в жутком фильме Германа, царство темноты, невежества, предрассудков и неравенства. Термин «Средневековье» в том смысле, в котором его используют сейчас в политическом дискурсе и использовал дон Румата в романе Стругацких – это Средневековье очень усеченное, без главного его содержания, Средневековье без Христа. Те примеры нетолерантности, что так волнуют нашего современника, были лишь частью (и не очень большой) общей картинкой, ее, так сказать, побочным эффектом (и, кстати, в большинстве своем они пережили Средние века и считались нормой до очень недавнего времени). В одной из фресок XIV века в капелле Таинства в соборе в Орвьето злой еврей сжигает сына в печке за то, что он причастился с христианскими детьми (а тот не сгорает, потому что в нем – Святые дары!), но это совсем не единственная и уж точно не главная тема росписи. Программа фрескового цикла – о силе Таинства Евхаристии, и рядом – множество других чудес, и величественных, и наивных, так, Христос с креста говорит с Фомой Аквинским о Таинстве Своего тела и крови, скромный священник на мессе в Больсене сомневается в присутствии в хлебе и вине Тела и Крови и видит, как в момент пресуществления Даров кровь

Христова пятнает алтарный покров-корпорал, и здесь же, рядом – еретик в виде эксперимента скармливает гостию рыбе, а та оказывается умнее его и отдает облатку в руки случившегося рядом священнослужителя. Следующая часть ответа – о необходимости и возможности восстановления этой общей целостной картины эпохи, этой структуры средневекового мировоззрения в ее полноте. Ради чего это все создавалось? – вот вопрос, который требует ответа от медиевиста, анализирующего материал этого исторического периода, будь то текст, изображение или археологический объект.

Корректный анализ изображения, его соотнесение с текстом Писания, богословским комментарием, особенностями богослужения конкретного периода и другими практиками, например, влиянием народного театра или мистики не требует формально от исследователя факта личной веры. Но принципиальная разница, на мой взгляд, между изучением церковного искусства и искусства светского в том, что *значительность* изучаемого изображения разная – не для зрителя-исследователя, но для зрителя-«потребителя», современника. То, как прихожанин в XII веке смотрит на романский портал со Страшным судом, совсем не похоже на то, как посетитель салона в XVIII веке смотрит на картину «Поцелуй украдкой». Конечно, есть разница и более тонкая – византийский монах-исихаст начала XIV века смотрит на икону иначе, чем францисканец XIV века на Распятие, но это вопрос уже второстепенный. Отсюда, из осознания этой принципиальной разницы в удельном весе, значимости для зрителя образов заведомо религиозных и заведомо светских, и проистекает специфика изучения искусства Средневековья – что-

бы понять, чем оно было для зрителя, его необходимо принимать всерьез и воспринимать как часть целостной системы мировоззрения. Для современного зрителя условности средневекового искусства, все эти летающие рядом с персонажами крылатые львы и быки, отрезанные части тел в руках у святых, разной формы нимбы и сияния славы часто превращают его в набор забавных курьезов и нелепостей (отсюда местами невероятно смешное интернет-сообщество «Страдающее Средневековье»). Для исследователя эта мера условности также представляет собой серьезное искушение воспринимать язык искусства Средневековья именно с точки зрения его нелепости для современного зрителя. Уже в раннехристианском (и очень важном для всего Средневековья, особенно для готики, трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» говорится о том, что не следует знаки-«тени» истинных вещей принимать за реальность: «Быть может, иной в самом деле подумает, что небо наполнено множеством львов и коней, что там славословия состоят в мычании, что там стада птиц и других животных, что там находятся низкие вещи и вообще все, что Св. Писание для объяснения Чинов Ангельских представляет в своих подобиях, которые совершенно несходны и ведут к неверному, неприличному и страстному. А по моему мнению, исследование истины показывает, что святейшая Премудрость, источник Писания, представляя небесные умные Силы в чувственных образах, и то и другое так устроила, что сим и Божественные силы не унижаются, и мы не имеем крайней необходимости привязываться к земным и низким изображениям. Не без основания существа, не имеющие образа и вида, представляются в образах и

начертаниях... причиной этому... то свойство нашей природы, что мы не можем непосредственно возноситься к созерцанию духовных предметов и имеем нужду в свойственных нам и приличных нашему естеству пособиях, которые в понятных для нас изображениях представляли неизобразимое и сверхчувственное; с другой стороны, то, что Св. Писанию, исполненному таинств, весьма прилично скрывать священную и таинственную истину ... под непроницаемыми священными завесами и чрез то соделывать ее недоступной для людей плотских ... А тем, которые стали бы порицать несходные образы и говорить, что они не приличны ... довольно отвечать, что Св. Писание двояким образом выражает нам свои мысли»².

Мы должны понимать, что для художественного языка Средневековья истинная реальность – именно невидимый мир, а мир видимый – неуклюжие и несовершенные тени той, высшей реальности. Образ и слово, особенно образ и слово в богослужении, обладают для человека Средневековья настоящей, реальной, убедительной силой как проводники этой высшей реальности. Сильнейший двигатель церковного искусства – мистика, особенно с XIII века и далее. Есть такой потрясающий пример из францисканской мистики – священник служит мессе и, вознося Дары, произносит «Приимите, ядите, сие есть...», и при этом так плачет, что не может договорить «Тело Мое», и воочию видит, что Сам Христос рядом с чашей медлит и не входит в Дары. И в конце концов он, скрепившись, договаривает «сие есть Тело Мое», и тут уже видит, что Христос вошел в Дары.

² *Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии.* М.: Издательство «РМ», 1994. С. 24–26.

Сделать усилие и понять, что человек Средневековья не был просто обскурантом, верившим в присутствие благодати в носовом платке Фомы Кентерберийского (см. прекрасный диалог «Паломничество» из Эразмовых «Разговоров запросто») и молившимся перед смешными уродливыми картинками, смысла которых он не понимал, можно только с одним условием – признать, что все это было всерьез. Что за этими изображениями стоит не темнота и неумение правильно (читай – как у Репина и Сурикова) изображать реальность, а внятно и последовательно переданная идея, которая потому и условна, что она *больше* видимой чувственным взглядом реальности. И поэтому как-то само собой получается, что огромное большинство искусствоведов-медиевистов – христиане. Искусство Средневековья, как мы уже говорили выше, в большинстве случаев трудно рассматривать чисто эстетически, оно с традиционной точки зрения обычно «некрасиво», и если еще и не относиться к нему всерьез, то есть не признавать за ним опыт передачи высшей реальности, то его, в общем-то, и изучать незачем. Так что получается, что тут факт личной веры не то чтобы необходимое условие, а что-то вроде мотива, толкающего к исследованию материала, который атеисту просто не будет интересен, и на второй вопрос у меня с моей сугубо личной колокольни получается ответ: «Нет, не обязательно, но иначе зачем?».

3. Как воспринимает современный человек церковное искусство? Что в нем интересно? Какие вопросы и трудности у него возникают?

А. П.: Наверное, нужно провести границу между современным церковным верующим и его отношением, скажем, к иконам или другим изображениям в хра-

ме, и человеком, стоящим вне Церкви, который видит христианское искусство со стороны – из любопытства зайдя в храм, на лекции, в туристической поездке. Для первого – это как бы привычный, знакомый фон, ему многое может быть непонятно в деталях, что-то нравится больше или меньше, но у него, как правило, не возникает вопросов о том, зачем эти изображения находятся в храме. Мы сейчас не говорим о богословии иконы и о том, как сложилась практика иконопочитания в Византии, и, тем более, не о том, как почитание образов было воспринято на средневековом Западе. Сегодняшний прихожанин православного храма (даже совсем необразованный) легко преодолевает те вопросы, которые горячо волновали человека тысячу лет назад – они для него в большинстве случаев уже не актуальны. Он, конечно, знает, что мы «поклоняемся не естеству дерева и красок» в иконе, он не сомневается в том, что образы важны, как это постулировали на Западе и для «наставления и священных воспоминаний». Ему не надо объяснять, что такое «священная условность», почему изображения в храмах так непохожи на современную живопись. При этом его отношение к образу очень «домашнее». Оно мало отличается от истории XI века о школяре Бернаре Анжерском, который сначала не хотел поклоняться золотой статуе-реликвию св. Веры в Конке, считая ее идолом, «Венерой и Дианой», а потом, увидев, как народ падает перед ней на колени, передумал и стал молиться: *«Святая Вера, реликвия которой лежит в этой статуе, будь ко мне в день Страшного Суда милостива»*. Это не отменяет каких-то эстетических предпочтений, но главное – *функция* образа – не вызывает вопросов. Конечно, речь идет именно о постоянных прихожанах, неслучайных в Церкви людях,

по-домашнему привыкших к церковному интерьеру. Современного прихожанина может интересовать какая-то подробность в иконе или фреске, но гораздо больше ему интересна связь образа с богослужением, особенности устройства храма, функция иконостаса, отличие восточного богослужения от западного и проявления этих отличий в храмовой архитектуре. Приходилось слышать истории о православных, впервые выехавших за рубеж и увидевших готические соборы – они были потрясены, для них стало откровением, что «на Западе тоже есть духовность», они, будучи людьми очень далекими от истории вообще и истории искусства тем более, сразу смогли почувствовать значительность этой архитектуры, то, *для чего* собор строился. Это же правило действует в обратную сторону – общаясь в Тэзе с христианами разных конфессий, я почти никогда не слышала вопросов о том, зачем нужны иконы – им как христианам это и так понятно. Зато очень интересуется связь православного богослужения с церковной архитектурой, строение иконостаса, разные иконографические типы в иконописи и тому подобные *практические* вещи. Моя аудитория – это преимущественно студенты-искусствоведы и посетители открытых курсов, люди, в большинстве своем, очень далекие от Церкви. В их восприятии все обстоит с точностью до наоборот. Помимо многолетних наблюдений за среднестатистической аудиторией, я воспользуюсь здесь результатами опроса 15 студентов-искусствоведов 2 курса, очень по-разному оценивающих свое отношение к вере (не христианин, агностик, «христианин, но не фанатик» и др.) и слушающих курс христианской иконографии по выбору (стало быть, изначальный интерес к предмету заведомо есть). Особенности восприятия цер-

ковного искусства этой аудиторией можно разделить на такие группы вопросов:

1) Что здесь изображено? Кто все эти люди и что они делают? Этот вопрос исходит от человека совсем неосведомленного и подразумевает, в сущности, пересказ Писания с иллюстрациями. Перипетии сюжета такому слушателю очень интересны и воспринимаются как живая история. «Почему история сложилась именно так и что произошло бы, если изменить один из моментов библейской истории?» – пишет один из моих респондентов. Для этого и предназначены лекционные курсы типа «Библейские сюжеты в мировом искусстве», в начале которых обязательно нужен обзор разных этапов развития христианского искусства – от каткомб до современности (ну, или до конца XIX века). Как правило, за ним следуют вопросы, связанные с особенностью интерпретации сюжета – какова роль традиции? Насколько свободен мастер в построении композиции, выборе подробностей? Как по картинке понять, положительный персонаж или отрицательный? Как понимали и толковали тот или иной сюжет в разное время? И совсем из другой области – как высшая награда для преподавателя – замечание в одной из анкет: «Пришлось задуматься, есть ли Бог».

2) Почему художники Средневековья так плохо, непохоже рисовали? Как трудность восприятия церковного искусства один из респондентов называет «отсутствие эстетического наслаждения». Ответ на этот вопрос подразумевает очень длинный разговор о том, что такое условность образа и как она сформировалась в средневековом искусстве, о знаковой функции образа, о различии подходов Запада и Востока. Отдельная тема – надо ли называть упадком отход от изобразительной си-

стемы античности? Отдельный вопрос – как языческая античность вообще могла повлиять на христианское искусство и что такое преемственность образов?

3) Вопрос совсем другого рода – а Вы правда верите, что все так и было? Этот вопрос редко, но встречается и отсылает нас к предыдущему разделу. Как правило, его задают люди, совсем далекие от проблем веры, те, кто считает, что человек здравомыслящий и образованный, в принципе, не может серьезно относиться ко всему «божественному». Есть какие-то главные вопросы, на которые ответа «Да» достаточно – верите ли Вы, что Бог родился человеком, умер и воскрес? Очень беспокоит вопрос о Богочеловечестве Христа, о приснодевственности Богоматери. Этой второй теме посвящены целые ряды символических изображений в искусстве Востока и Запада, а на Западе есть еще и масса изображений, связанных с темой Непорочного Зачатия, свободы Марии от первородного греха. Ответ на такого рода вопросы предполагает две вещи – во-первых, несомненно серьезное к ним отношение, а во-вторых, длинный разговор о противоречиях синоптиков, о том, что такое Писание и Предание, канон и апокриф, чем отличается факт веры в Бога от народной традиции, того, что Л. П. Карсавин называл «вульгарной догмой». Эта группа вопросов имеет мало отношения к искусству, но очень важна по двум причинам – это и есть единственный момент, когда действительно приходится «дать отчет в своем уповании» слушателю, и когда спрашивающий слышит на вопрос об истинности Воскресения ответ «да» из уст человека, во-первых, светского, по роду деятельности (да и по полу) не призванного к проповеди, а во-вторых, в какой-то степени независимо ему интересного (если уж он добровольно пришел слу-

шать лекции) и владеющего небезразличной для него информацией – это может быть для слушателя важно.

4) Самая глубокая и интересная группа вопросов – *зачем* создавались эти изображения? *Где* они должны были находиться? Кто их создавал? Кто решал, какими они будут? Как их воспринимали зрители? Это волнует большую часть аудитории и предполагает ответ комплексный и очень сложный, к которому мне за всю историю опыта преподавания лишь немного и частично удалось приблизиться – что есть та среда, то пространство, для которого создавались эти образы? Как воспринималось здание церкви и как в нем функционировали в *богослужении* скульптурный рельеф, фреска, богослужебная книга или свиток, украшенный миниатюрами?

Впервые поставил себе целью описать церковное искусство не с эстетической, а именно с этой функциональной точки зрения в конце XIX века отец иконографического метода – Эмиль Маль в своей книге «Религиозное искусство Франции в XIII веке». Его друг и собеседник Марсель Пруст в статье «Смерть соборов» описал богослужение как грандиозное действо, подобное величественному спектаклю, в котором участвуют все виды искусства, и роль каждого элемента исполнена глубочайшего смысла. Оба автора опирались на тексты XIII века – «Великое зеркало» Венсана из Бове и «Изъяснение богослужения» Гийома Дуранда, в которых вся Вселенная (ее история, природа, каждый момент жизни человеческой и, в том числе, богослужение) предстают как отражение Божественного замысла о мире. Роль христианского искусства для человека XIII века – наглядная проповедь и пояснение структуры мироздания и Священной истории. Частью Божьего замысла и своеобразной моделью мироздания является и богослужение

что его окружает – архитектура, скульптура, живопись, богослужебные предметы. Маль и Пруст нашли очень точную ноту, и мне она представляется верной в отношении средневекового материала до сих пор. «Конечно, только те, кто изучал искусство Средних веков, могут до конца осмыслить красоту мессы, – пишет Пруст. – ... но поспешим добавить: те, кто как в открытой книге читают средневековые символы, далеко не единственные, для кого живой собор – поющий, расписанный, полный скульптур – есть величайшее из зрелищ».

Этот последний тезис должен подтвердить все сказанное прежде – современный зритель, интуитивно чувствуя значительность и серьезность средневековой образности, ждет, чтобы ему объяснили, что именно означает для участника богослужения каждая деталь, заранее ждет, что она будет значимой. В посильном выполнении этой роли посредника между произведением отдаленной и специфической эпохи и современным зрителем и хочется мне видеть свою миссию – в попытке *изнутри*, как участник богослужения, и одновременно *извне*, как исследователь визуальных источников, совместив в себе две эти функции, пытаться свидетельствовать о *целостной* картине назначения и смысла христианского образа.

Москва
Май 2018

Марина Заиграйкина родилась в 1971 году в Москве, в 1997 г. окончила отделение истории искусства исторического факультета МГУ. В 2015 г. защитила диссертацию на тему «Художественные особенности мозаик в капеллах Сант Аквилино и Сан Витторе ин Чьел д'Оро в Милане. Проблемы эволюции стиля искусства V века» в Государственном институте искусствознания. Работала научным сотрудником в Музеях Московского Кремля и Музее им. Андрея Рублева, редактором в издательстве «Православная энциклопедия». Читает публичные лекции по истории византийского и древнерусского искусства. Прихожанка московского храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражке.

1. Почему вы выбрали в качестве профессии изучение искусства Средних веков и как это связано (и связано ли) с вашей верой?

Марина Заиграйкина: Интерес к восточно-христианскому искусству возник у меня еще до того, как я поступила учиться на исторический факультет МГУ. И был он только отчасти связан с поисками веры. Скорее, сформировался при стечении нескольких неслучайных обстоятельств. Произошло так, что в первый год после окончания школы при поступлении в университет, я не набрала нужного количества баллов и устроилась на работу в Музеи Московского Кремля на должность стрелка ВОХР. Фактически я исполняла обязанности музейного смотрителя. Моим рабочим местом попеременно становились разные залы Оружейной палаты и кремлевские соборы: Успенский, Благовещенский, Архангельский, церковь Ризоположения. Так что время на работе проходило в окружении предметов, преимущественно,

богослужебного назначения, или же непосредственно внутри храмового пространства. Церковные службы в соборах Московского Кремля на тот момент еще не возобновили.

В течение несколько часов до открытия музея (мы должны были приходить к 7.30 и до 10 часов дожидаться открытия музея), я с интересом рассматривала экспонаты в витринах, а днём слушала рассказы экскурсоводов и расспрашивала научных консультантов в соборах. Мне было все интересно, но, откровенно говоря, малопонятно. Мои представления о христианстве и церкви, обо всем, что с ними связано, были смутными. Тогда в музее, кажется, впервые в своей жизни я соприкоснулась с церковным искусством, явно ему удивилась и серьезно заинтересовалась. А уже год спустя я поступала в университет с твердым намерением заниматься изучением древнерусского искусства, в частности, иконописи. Со временем мой выбор изменился в пользу Византии. На него во многом повлияла встреча с О. С. Поповой, которая читала лекции по византийскому искусству и вместе с Э. С. Смирновой вела годовой семинар «Проблемы византийского и древнерусского искусства».

Вообще программа второго курса была насыщена лекциями по христианскому искусству. За год нам прочли курс древнерусского, византийского и западного средневекового искусства. Сейчас сложно даже представить, но я хорошо помню, что мы студенты, испытывали затруднение в определении сюжетов, представленных на иконах, мозаиках и фресках. Преподавателям приходилось уделять время на их объяснение, они призывали нас читать Евангелие, чтобы элементарно по-

нимать смысл изображений. Невольно, таким образом, они становились катехизаторами; благодаря им многие мои однокурсники и я тоже в 90-е годы прошлого века воцерковились.

Первые годы в церкви были строгими, даже суровыми по отношению к себе и окружавшим меня людям. В какой-то момент мне даже показалось, что заниматься изучением христианского искусства и быть церковным человеком — вещи несовместимые и даже противоречащие друг другу. Наука представлялась занятием опасным; она требовала подвергать критическому анализу и ставить под сомнение «непреложные», как тогда я думала, истины веры. Вопросы о вере и науке мы часто обсуждали с такими же как я, только что воцерковившимися моими университетскими друзьями. Мы сомневались в необходимости подвергать анализу произведения церковного искусства, в первую очередь, икону. Принадлежность иконы церкви делала её в наших глазах святыней, которой должно было поклоняться, а уж никак не анализировать. На тот момент у меня не было понимания того, что икона — это, одновременно, и предмет культа, и историко-художественный факт, и реализованный творческий акт художника-иконописца. Оно пришло позднее, и было, честно говоря, отрезвляющим.

Важным, поворотным моментом оказался выбор темы дипломной работы, переросшей потом в диссертацию. Я сделала его осознанно. Тогда меня особенно волновала история ранней церкви, формирование ее институтов, отношения между людьми в социуме, в семье, где один из членов, например, делал выбор в пользу христианства. Когда на четвертом курсе наступило время определяться с темой диплома по специальности, то из

всех возможных периодов христианской истории я выбрала самый ранний – позднеантичный, а для изучения искусства взяла раннехристианские мозаики IV–V веков в Италии, то есть наиболее ранние, сохранившиеся до нашего времени, образцы христианского творчества. Хронологически эти мозаики созданы одновременно или чуть-чуть позже, чем росписи римских и неаполитанских катакомб. В тот момент жизни мой личный и профессиональный выбор счастливо совпали.

2. Есть ли, на ваш взгляд, противоречие между верой и научным исследованием? Обязательно ли, по-вашему, быть верующим, чтобы осмысленно заниматься изучением средневекового искусства?

М. З.: Для меня в настоящее время никакого противоречия между верой и научным исследованием не существует. Более того, именно изучение искусства помогло мне разобраться в вопросах, которые для церковных, но незнакомых с изобразительной традицией, людей, могут стать камнем преткновения, вызвать удивление и даже смущать. Между тем, в самом начале занятий по изучению раннехристианского искусства у меня было множество вопросов. Потребовалось некоторое время и усилие для того, чтобы узнать и потом согласиться с фактом, что христианское искусство не явилось с неба, не было дано свыше, как откровение. Оно сформировалось постепенно, выкристаллизовалось из предыдущей античной языческой изобразительной традиции, с которой оно глубоко генетически связано. Христианская иконография, то есть графический способ представлять евангельские события и их участников, во многом опиралась на уже существовавший античный опыт и способы представлять сюже-

ты и персонажей мифологической истории. Некоторые античные схемы буквально были заимствованы христианами художниками и приспособлены для изображений евангельских сюжетов и святых. Так, например, сцена Рождества Христова с мотивом омовения Младенца создана по аналогии с рождением Александра Македонского, образ св. Христофора с младенцем Христом – по типу изображения силена³, несущего на плечах Диониса. В основе, так называемого, исторического типа Христа, представляющего воплотившегося Господа в облике средовека⁴, лежат образы античных богов Асклепия или Зевса; иконографическим прототипом изображения Богоматери на престоле, питающей грудью Младенца, стал образ египетской богини Исиды с младенцем Гором. В тех случаях, когда не было возможности использовать старую изобразительную формулу, художники создавали ее заново. То же самое в полной мере относится к языку христианского искусства, который в раннюю эпоху был единым с античным, и только со временем стал от него значительно отличаться. Христианское искусство не сразу создало собственный условно-символический язык, свою систему знаков и выразительных приемов, которая в совокупности является характерной особенностью, отличающей его от искусства античного, ренессансного и Нового времени.

Относительно того, нужно ли быть верующим, чтобы заниматься средневековым христианским искусством: по-моему, эти вещи между собой напрямую не

³ Силен – существо из греческой мифологии; спутник Диониса, с конскими или козлиными ногами. (*Прим. ред.*).

⁴ Средовека – образ тридцатилетнего Христа в терминологии древнерусского искусства. (*Прим. ред.*).

связаны. Чтобы быть профессионалом в любой сфере необходимо владеть специальными знаниями и уметь их применять на практике. Для историка византийского искусства обязательно знать факты искусства, то есть художественные произведения, памятники, желательно не только византийского времени, нужно уметь их анализировать, сопоставлять между собой, объединять в группы, разбираться в сюжетах, в иконографии живописи и архитектуры, понимать изменения, которые происходят в стиле. В силу того, что византийское искусство, преимущественно, церковное – светское византийское искусство мало сохранилось – важно знать историю византийской церкви и богослужение, разного рода исторические и литургические тексты, которые могли использовать авторы-составители системы росписи храмов и художники при создании отдельных произведений больших и малых форм. Быть христианином при этом, мне кажется, необязательно. Другое дело, что когда исследователь начинает задумываться над смыслом и содержанием византийских произведений, над вопросами их назначения и функцией, то перед ним открывается совсем другая перспектива. Такой подход к искусству сложнее, но намного интереснее и осмысленнее. Существует большая разница между тем, чтобы просто отмечать, фиксировать различия в архитектурных формах храмов, и тем, чтобы за этими различиями увидеть особенности богослужебной практики конкретных территорий или отражение исторических реалий определенной эпохи. Колоссальные размеры первых христианских базилик и их роскошное убранство в виде облицовок разноцветным мрамором и мозаики, например, соответствуют моменту официального

признания христианства и возведению его в ранг государственной религии. От осознания произошедших с церковью в тот момент перемен христианин во мне скорее содрогнется, а вот историк христианского искусства, несомненно, будет торжествовать.

3. Как воспринимает современный человек церковное искусство? Что в нем интересно? Какие вопросы и трудности у него возникают?

М. З.: Мой опыт преподавания церковного византийского и древнерусского искусства относительно небольшой; у меня нет постоянного места и регулярной лекционной практики. В течение последних десяти лет я читала разные по продолжительности и по тематике курсы о христианском искусстве в разных аудиториях: в музейных лекториях, в государственных и церковных учебных заведениях, в выставочных залах и культурных центрах. Это были и академические курсы, и лекции, рассчитанные на, так называемый, широкий круг слушателей. Возраст, интересы, уровень и характер образования, степень воцерковленности приходявших на лекции людей были различными. От этого зависели их вопросы.

В церковной среде часто спрашивали о том, насколько иконописный облик Христа соответствует Его исторической внешности. Ответ для кого-то становился неожиданностью. Приходилось сталкиваться с очень разными реакциями: удивлением, недоумением и даже негодованием. Дело в том, что история не сохранила нам ни описания внешности, ни прижизненного изображения Иисуса Христа. Различные христианские народы – копты, эфиопы, эллины, армяне, жители северных русских земель представляли Христа по-своему,

придавали Ему черты сходства с преобладающим на этих территориях этническим типом. Таким образом, они приближали, в хорошем смысле присваивали себе Христа, что по-человечески невероятно трогательно и понятно. Требовало объяснений, что эти изображения, с одной стороны, являются иконами Христа, поскольку передают христианское богословие, но с другой, – не имеют отношения к Его историческому облику. Эту разницу не всегда оказывалось возможным донести. Кого-то объяснения не устраивали, и в качестве аргумента защиты мне приводили историю о нерукотворном образе. Согласно легенде, сложившейся не ранее VI века, первая икона Иисуса Христа, получившая в византийской иконографии название «Мандилион», была создана Им самим. Она возникла чудесным нерукотворным образом на платке – после того, как Христос омыл лицо водой и вытер его чистой тканью. Изобразившийся на платке лик имел черты портретного сходства со Христом. Все последующие изображения на иконах и в монументальной живописи воспроизводят этот нерукотворный образ. Возможно, данная легенда возникла небезосновательно и имеет под собой какую-то историческую основу. Тем не менее, надо признать, что след самого нерукотворного образа утерян. Ничего достоверно неизвестно ни о его прежнем, ни о его нынешнем местоположении. Самое раннее воспроизведение нерукотворного образа в иконописи относится к X веку. Существует, правда, гипотеза, согласно которой, плащаница, хранящаяся в соборе Иоанна Предтечи в Турине, и есть тот самый плат, которым Господь вытер лицо. Но это всего лишь гипотеза. Мне представляется, что нет смысла заниматься ее доказательством или опро-

вержением. Гораздо интереснее задаться вопросом, почему современный человек нуждается в том, чтобы икона Христа передавала Его портретные черты? Как это связано с верой? Укрепляется или ослабевает она от знания того, что икона Христа – это не Его портрет? Что это меняет для христианина?

Вопрос портретного сходства, кажется, совсем не занимал первых христиан. По крайней мере, они не уделяли ему большого внимания. В росписях катакомб и в ранних мозаиках встречается много непривычных для современного человека и неузнаваемых изображений Христа. В силу того, что отсутствуют сопроводительные надписи, некоторые сюжеты и фигуры до сих пор не поддаются идентификации. В представлении событий священной истории и изображении святых художниками допускалась большая свобода, которая позднее будет устранена или в значительной степени регламентирована. Иконография святых оставалась неустойчивой вплоть до X–XI веков. И это не смущало; святых не переставали почитать и подвиг их веры не умахался. Довольно долго, приблизительно в течение пяти веков, отсутствовали «обязательные» элементы христианской иконографии, например, нимб, и, так называемая, обратная перспектива. Однако по какой-то причине ни исполнители росписей, ни их заказчики не придавали этому принципиального значения.

Связана ли эта особенность раннехристианского искусства с более высоким, чем у современного человека, градусом веры первых христиан, или объясняется отсутствием строгих правил в церковном творчестве? Существует ли вообще зависимость между изобразительной традицией и верой? Отражает ли изобразительное

искусство и, в частности, икона, «дух времени», мироощущение общества, эпохи? Полагаю, да. Может быть, не всегда прямо. Возможно, такой зависимости больше подвергнута сюжетная сторона искусства. Примеров тому достаточно, но приведу один, который меня когда-то особенно поразил, а именно – историю, так называемой, шапки Мономаха, золотого венца, который использовался во время церемонии венчания на царство русских царей с 1547 до конца XVII века. Согласно легенде, которая сложилась во второй половине XV столетия, этот венец передал киевскому князю Владимиру Мономаху (1113–1125) византийский император Константин Мономах (1042–1055), как знак родства и преемственности власти. От киевских князей венец перешел князьям владимирским, а затем князьям московским. В реальности этот древний венец датируется временем не ранее XIV столетия, то есть никакого отношения к XII веку не имеет. Легенда, сложившаяся вокруг этого, предположительно византийского происхождения, предмета, – родилась в определенных исторических обстоятельствах, в России, когда после падения Византийской империи происходило формирование идеологии «Москва – третий Рим». В XVI веке эта легенда, проиллюстрированная двенадцатью рельефами, была помещена на боковых стенках царского моленного места царя Ивана Грозного, установленного в главном соборе Российского государства. Таким образом, произведение искусства стало визуальным манифестом политической концепции той эпохи, суть которой в утверждении идеи о преемственности власти русского царя, его права на роль христианского правителя от византийских императоров, через киевских и владимирских князей.

Неизменно вызывает интерес история богородичных икон, которых великое множество. Каждый раз кто-то из слушателей приносит и показывает изображения, привезенные из паломнических поездок. Просят рассказать, к какому иконографическому типу они относятся, когда и при каких обстоятельствах эти иконы появились. Тот факт, что многие поздние, начиная с XVI века русские и современные греческие, иконы имеют западное, то есть католическое происхождение, сейчас уже воспринимается без сопротивления. Семьдесят лет назад эта информация могла вызвать недоверие. Католические корни православных икон иногда смущали.

История и устройство иконостаса, типы икон (мерные, пядницы, аналойные), система росписи храма и как она связана с богослужением и посвящением церкви, – все эти вопросы интересуют людей, для которых церковное искусство – часть их жизни. Находясь в храме, они хотят понимать смысл участвующих в службе изображений.

В последние годы люди стали заметно больше путешествовать, это видно по их реакции. Появились уточняющие вопросы: хотят знать, где и какие средневековые памятники находятся, в чем их ценность; спрашивают о мелких деталях изображений, даже о том, как со временем менялось, эволюционировало средневековое искусство. Кругозор слушателей явно расширился.

Случается, что ко мне обращаются за разъяснениями современные иконописцы, получающие заказы на росписи новых храмов. Один случай особенно запомнился: меня попросили подготовить историческую справку о том, как часто в росписях алтарных частей

в византийском искусстве помещались женские образы. Оказалось, что ктитор новой росписи – женщина, и она заказала написать в алтаре изображение своей патрональной святой. У иконописца возникли затруднения: он задумался над тем, позволительно ли поместить в недоступной для женщин части православного храма изображение святой. Византийская изобразительная традиция дала положительный ответ на этот вопрос. Однако дальнейшая судьба этой росписи мне неизвестна.

Возможно, за последние несколько лет, самый живой и содержательный разговор об иконах, о богослужении, о реликвиях состоялся у меня с одной итальянской художницей, которая в своих работах постоянно обращается к средневековой восточной и западной изобразительной традиции. Ей 26 лет, она человек христианской культуры, но далекий от церкви. Тем не менее, вопросы, которые ее волнуют и которые мы обсуждали и продолжаем обсуждать, потому что наше общение продолжается, очень глубокие и касаются они, прежде всего, вопросов веры в широком понимании. Даже в церковной среде мне не часто встречались люди, которые так серьезно задумывались бы о смысле иконы, пытались бы проникнуть в суть переданного живописными средствами события или образа. Образ Богородицы с Младенцем, который постоянно находится в центре ее внимания, стал для нее отправной точкой для размышлений о подлинности человеческих отношений, о доверии, об искренности, о поиске собственной идентичности, т.е., по сути, о познании самого себя. Другие темы, которые обсуждали, – это иконы, реликвии и мощи, как объекты поклонения и почитания; христианский храм и оклады, как исполнение обета Богу (*ex voto*) и знак

благодарности Ему за исцеление, за спасение от разного рода опасности. Для нее христианская изобразительная традиция – предмет интереса, удивления, восхищения, источник вдохновения и творчества. Ее работы ориентированы на иконы и даже воспроизводят известные иконографические схемы, но не претендуют на роль предметов культа. Это другой «потусторонний» взгляд на икону. Такой непривычный способ смотрения на церковное искусство «чужими» глазами меня лично обогащает. Мне кажется, что современное церковное творчество, в таком, несколько отстраненном, восприятии средневековой традиции могло бы получить новый импульс развития.

*Москва
Май 2018*

Протоиерей Евгений Горячев

Евгений Горячев родился 16 сентября 1967 г. в г. Челябинске. В 1984 году окончил среднюю школу.

С 1985 по 1987 гг. проходил службу в Советской Армии в составе ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан, артиллерист. Награжден медалями «За отвагу» (1986 г.) и «За боевые заслуги» (1987 г.).

С 1988 по 1990 гг. учился в Дальневосточном государственном университете (японист). В 1990 г. поступил в Санкт-Петербургскую православную духовную семинарию и закончил ее в 1994 г.; в 1998 г. закончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Кандидат богословия; доцент.

В 1994 женился на Амбарцумовой Екатерине Алексеевне (в браке родилось 6 детей).

В 1995 рукоположен в сан диакона, а в 1997 – в сан священника.

С 2000 г. по настоящее время является настоятелем Благовещенского собора в г. Шлиссельбурге (с марта 2013 – Тихвинская епархия РПЦ).

С 1997 по 2007 преподавал библеистику и богословие в Институте Богословия и Философии (ИБИФ).

В 2013 г. назначен Председателем Отдела образования Тихвинской епархии.

Круг научных интересов – гуманитарно-культурологический, библеистика, миссионерство и катехизация.

ВМЕСТЕ ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБЕС

*«Вы друзья Мои...»
(Ин 15:14)*

В 2011 году французские режиссеры *Эрик Толедано* и *Оливье Накаш*, вдохновленные подробностями реальной дружбы двух совершенно непохожих людей, написали сценарий и сняли по нему фильм «Неприкасаемые». Трогательная психологическая драма, в которой превосходный юмор оказался под стать замечательному содержанию, не оставила безучастными зрителей во всем мире. На российские экраны картина вышла спустя полгода под названием «1+1».

Сюжет. Жизнь сводит вместе две диаметрально противоположности. Что общего у француза Филиппа и сенегальца Дрисса, белого и чёрного, богатого образованного аристократа, живущего в собственном особняке в элитном районе Парижа и бывшего преступника, выходца из городских трущоб, ближайшие планы которого связаны с получением пособия по безработице? Что общего у пожилого разбитого параличом инвалида, «который ничего не чувствует от шеи до кончиков пальцев ног» с молодым здоровяком, который больше всего на свете любит флиртовать с красивыми девушками и виртуозно танцевать под современную музыку? Ничего, кроме одной детали, – оба этих человека умеют дружить, и в этом их глубинная таинственная совместимость...

Отношения, начавшиеся совершенно случайно и сугубо прагматически, спустя некоторое время переходят в стадию заинтересованной симпатии, которая, в свою

очередь, становится лишь ступенью к новым высотам. Доверие и откровенность возрастают с каждым днем, с каждой совместно прожитой ситуацией. Постепенно Филипп и Дрисс начинают позитивно влиять друг на друга. Оба делятся тем, что у них есть, но, в особенности, – самым лучшим. Могучий атлетичный Дрисс в буквальном смысле взваливает на себя физическую немощь Филиппа. Инвалид оказывает своему помощнику такую же услугу в области культуры. Варварские манеры сенегальца рядом с ненавязчивым интеллектуальным наставничеством француза постепенно смягчаются, облагораживаются. Дрисс открывает в себе таланты, о которых не подозревал. Разбуженные творческие силы заставляют молодого человека искать в этом мире другого, теперь уже совсем не криминального самоопределения. Но история на этом не заканчивается. Вскоре Дрисс благодарит своего просветителя лучшим из возможных способов.

Личная трагедия Филиппа является причиной его частых депрессий, делает его крайне неуверенным в отношениях с дорогой ему женщиной, отравляет общение с близкими, рождает суицидальные мысли. В этой ситуации старое окружение француза, включая его родню и прислугу, не в силах ему помочь. Они только раздражают его и увеличивают степень отчуждения. Дрисс всё меняет. Он словно Ангел Хранитель внушает и помогает осуществить своему страдающему подопечному то поведение, которое превратит экзистенциальную западню в новое увлекательное путешествие. В последней сцене фильма избавленный от нарастающего отчаяния аристократ смотрит на своего чуткого помощника признательными лучезарными глазами. На-

ступает равенство их обоюдной самоотдачи. У этих двоих больше нет секретов, больше нет недопонимания и тупиковой самонадеянности. Они навсегда друзья.

Дружба как божественный манифест. Сюжет фильма дает нам возможность поразмышлять на затронутые в нем темы с точки зрения богословия.

Преп. Серафим Саровский говорил, что цель христианской жизни «в стяжании Духа Святого». Если мы спросим, а для чего христианину это «стяжание», то любой квалифицированный православный богослов уверенно скажет, что оно необходимо для обожения. А оно зачем? Чтобы ответить на этот последний вопрос необходимо обратиться к догматическим положениям Священного Писания.

Бог сотворил этот мир по любви, без всякого внешнего или внутреннего принуждения, для того, чтобы всё сотворенное, так или иначе, приобщилось бы к Его гармонии и блаженству (кустарник по-своему, кузнецик по-своему). Но среди всего этого тварного многообразия только человек задуман и создан сообразным своему Создателю, качественно похожим на Него. Зачем? Затем, чтобы подражать Богу, – «хранить и возделывать» сотворенное, оберегать тварь, вести ее к абсолютному и всецелому богосоединению (*ср. 1 Кор 15:28*). Человек призван стать доверенным лицом своего Создателя, – пастырем этого мира. И даже после грехопадения, беря пример с воплотившегося Пастыря Доброго (*Ин 10:16*), мы христиане обязаны осуществлять те же первоначальные задачи.

Но доверенное лицо и полномочный труженик – это только функции, возвышенные благородные обязанности человека, но не его конечная цель. Суть челове-

ческого призвания гораздо значительней его временных, и потому внешних рабочих функций. Оказывается, мы созданы и предназначены для Высшей Дружбы (*Ин 15:14-15*). Мы созданы для того, чтобы стать освящённой человеческой частью Божественного целого, людской составляющей таинственного мира Пресвятой Троицы. Мы созданы для того, чтобы занять своим обоженным человеческим естеством четвертую часть престола, вокруг которого от века восседают Отец, Сын и Святой Дух (*Ин 20:17*). Поразительно, но мы люди – в своих лучших поведенческих устремлениях – действительно интересны Создателю! (*ср. Иак 2:21; Мф 15:8; Лк 23:43*). И все же остается вопрос: а как возможны равные дружеские отношения в столь очевидном природном, и поэтому иерархическом неравенстве?

«Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты царь миров, а я убог!
Бессмертен Ты – я прах могильный,
Я краткий миг – Ты вечный Бог!»

И. Козлов

Основное препятствие. Парадокс, но богочеловеческой дружбе мешает не различие природ (об этом мы еще скажем), а лишь рассогласованность этических ориентиров. Это особенно выражается в грехе властолюбия, – врожденном и опаснейшем последствии грехопадения. В данном пороке сконцентрировано много разноликого зла, однако, для реализации названной богочеловеческой идеи это самое главное препятствие. Любоначалие – есть древнейшая, чрезвычайно устойчивая к любым лекарственным средствам, болезнь,

противостоящая божественным замыслам о земной и небесной дружбе!

Природа агрессивной верховной власти, бесспорно, падшая, тёмная, неблагоприятная, причем не только потому, что об этом сказано в Библии (*ср. Быт 10:8-11*), но и потому, что это достаточно очевидный эмпирический материал. Чтобы в этом убедиться, нам незачем вспоминать Навуходоносора, Александра Македонского, Ирода Великого, Тамерлана, Ивана Грозного и пр. Достаточно вспомнить самого себя (или кого-то из своего ближайшего окружения): дворовым мальчишкой, школьником, спортсменом, солдатом срочной службы, студентом, должностным лицом, священнослужителем, наконец, семейным человеком. Соревновательный дух, стремление к лидерству довольно скоро из мелких ребяческих противостояний трансформируется у наследников падшего Адама в навязчивое желание хоть где-то, хоть в чем-то вращать этот мир вокруг себя и по своей воле. *«Сначала власть привлекает нас, затем она нас затягивает, потом пожирает».*

Стремление к превозношению над ближним порочно и теоретически, и по факту, ибо предполагает незаповеданное Богом своевольное господство одного человека над другим, точно таким же как он божественным созданием. Страсть же к единовластию и вовсе уподобляет людей Люциферу, поскольку охваченные ею лица желают гордого возвышения уже не над одним своим ближним, а сразу над многими; в пределе над всеми, включая самого Творца (*«чтоб служила мне рыбка золотая, и чтоб была у меня на посылках»*).

Противоядие. Известно, что Спаситель мира Иисус Христос предложил в качестве лекарства от этого злого

древнейшего недуга два средства: любовь и дружбу. Оба они, в реализованном виде, преодолевают именно грех властолюбия, дьявольский зов безграничных персональных амбиций.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:34-35).

Но если с любовью и самоуничижением в новозаветном служении ближнему нам многое понятно (об этом, согласимся, все уже давно сказано-пересказано), то вот с идеей, предложенной нам Спасителем, дружбы христианскому сообществу еще предстоит разбираться.

Начнем с того, что дружба не может быть вынужденной, к ней нельзя обязать или приговорить, она свободна по определению. Она возникает вследствие духовного родства и взаимных жизненных целеполаганий. Она – гармоничное сочетание заинтересованности и самоотдачи (то есть когда я не только искренне и щедро делюсь своим собственным целостным миром, но и живо интересуюсь чужим). Другими словами, в дружбе нельзя только рассказывать о себе, так же точно, как нельзя в ней единственно слушать другого. Должен быть гармоничный баланс взаимности, паритет многоаспектных личностных связей.

Равенство – вот слово незаменимое для понимания дружбы. Настоящая дружба возможна только между теми, кто заранее (и, как правило, по умолчанию) согласился на то, что в своих личных отношениях они будут абсолютно равны. Равны безоговорочно, даже если в какой-то внешней иерархии их разделяет целая пропасть. Например, не только герой нашего фильма

сенегалец Дрисс, но и библейский еврей Давид по своему происхождению не был ни богачом, ни аристократом (ср. 1 Цар 18:18), однако, для подружившегося с ним израильского царевича Ионафана разница в их социальном статусе не имела никакого значения...

И какой же из этого вывод? Он удивительный! Христос говорит, что такая равноправная дружба между ослепительным в добродетели Богом и несовершенными в благодеяниях людьми возможна! Более того, Он нам ее предлагает: *«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего»* (Ин 15:15).

В этом тексте много тематических подсказок. *«Я уже не называю вас рабами»*, — значит, в человеческой истории был момент, когда наименование «рабы» полностью соответствовало тогдашнему человеческому развитию, и в этот период человек совершенно не догадывался о замыслах своего Небесного Владыки: *«ибо раб не знает, что делает господин его»*. Но вот наступила «полнота времён», после Боговоплощения всё изменилось (ср. Гал 4:4), и теперь Христос называет учеников Своими друзьями, *«потому что сказал им всё, что слышал от Отца»*. Что же это значит, именоваться другом Божиим в Вечности и в истории?

В эсхатологической перспективе странники земного мира, чье странничество однажды благополучно завершится, станут в преображенной реальности во многом похожими на своих тварных предшественников — ангелов, — младших хозяев Небес; поскольку именно дружба — «единственный вид любви, лишенный возделения» — уподобит людей ангелам (Мф 22:30).

В восстановленной райской реальности дружба полностью очистится от всех случающихся в падшем мире недостатков и коллизий дружеского общения; например, от тех неблагоприятных способов расслабиться, которые Дрисс простодушно предлагает Филиппу... И в итоге, как бы безрадостно, нереализовано или одиноко не сложилась наша жизнь на земле, один несравненный настоящий Друг, а точнее целое троическое Содружество, обязательно восполнит все наши земные пустоты, горести и ошибки.

В этой дружбе с главными Верховными Именами и Лицами – блаженным земным избранникам уже не потребуется поступаться собственными убеждениями ради вызволения друга из глупой или греховной ситуации, потому что там не будет ни того, ни другого.

В этой дружбе одна из сторон, в силу своей Высшей природы, будет всегда давать другой гораздо больше, нежели будет получать от неё взамен (в том числе и в смысле позволения соучаствовать в самом дорогом и священном); но при этом сторона от вечности Благодатная будет трепетно дорожить своей дружбой со стороной по дару облагодатствованной (*ср. Ин. 17:11; 20-21; 23-24; 26*), и наоборот. Поскольку обе стороны принципиально совместимы и сообразны друг другу, постольку они и взаимоприятельны.

Естественно, можно спросить, а как эта витиеватая метафизика соотносится с жизнью современных христиан? Напрямую! Воплотившийся Бог назвал учеников Своими друзьями, продемонстрировал пример того, как Он эту дружбу понимает (*Ин 13:12-17*), освятил все сказанное и продемонстрированное Своей Крестной Смертью, не отменил звания «друг» и после Своего

Воскресения. Наконец, Он создал Свою Церковь, в пространстве которой Его ученики были призваны повсеместно реализовывать заповеданные Им отношения дружбы и любви, вплоть до Его Второго пришествия. В этих немногих словах сконцентрирована вся суть христианского отношения к отдельному человеку, человеческому обществу и земной истории.

И что же нам с этим знанием делать, учитывая реалии настоящего времени? Неужели отвергнуть церковную иерархию, допустим, в той же приходской или епархиальной жизни? Ни в коем случае! И вместе с тем, будучи призваны к иерархическому служению, мы просто обязаны вновь и вновь напоминать себе о том, как Христос расставляет акценты в этом важнейшем вопросе: *«Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий...»* (Лк 22:24-27; Мф 20:25-28).

Как видим, Спаситель желает любви и дружбы, а также таких иерархических отношений в Церкви, которые должны принципиально отличаться от обычаев мира сего; но главное – Он все это являет! В отношении учеников Он демонстрирует не власть и силу, а именно чуткую заботливую дружбу. И это идеал подлинного христианства до конца времен. И наоборот, властный абсолютизм – светский ли, церковный ли, – на протяжении всей земной истории будет стремиться подчинить себе всё самостоятельное, всё инаковое, всё твор-

ческое; будет хотеть сделать любое неподобострастное мнение и поведение либо ничего не значащим, либо недозволенным, либо невозможным.

Эпилог. После окончания духовных школ православные семинаристы, как правило, становятся приходскими священниками, затем настоятелями, некоторые епископами; при этом все они становятся иерархическими лицами. И это значит, что в общественной церковной жизни будущим пастырям и архипастырям придется непременно выбирать между дружбой и ее отсутствием, между дружелюбием и его дьявольской антитезой.

Неограниченная власть и вправду вожаделенна, но дружба отраднее... И поэтому христианам любых эпох в своей иерархической статусности следует стремиться не к прогрессирующему личному превосходству, но к общему во Христе содружеству. Если мы верим Спасителю, мы просто обязаны двигаться в нашем общении с единоверцами к гармоничному балансу самоотдачи и заинтересованности, к минимализации собственных властных полномочий, к тому, чтобы создавать в своей общине или епархии климат взаимного доверия, а также равенства людей в их человеческом достоинстве и в свободе личной евангельской инициативы. Без этой создаваемой новозаветной сердцевины любая поместная Церковь, любая самостоятельная епархия или отдельно взятый приход, – есть только грустные пародии на великий замысел Божий (*ср. Откр 3:17*).

P. S. Возможно, название «Неприкасаемые» (фр. *Intouchables*) связано с самой первой сценой, которая затем повторяется в конце фильма. Суть в том, что даже репрессивная власть государства не в силах повлиять

на то, что создали в себе и вокруг себя эти двое настоящих друзей. Вот почему тоталитарные властители любых эпох так не любят дружбы. Каждая дружба – для них почти заговор, вызов их безграничным диктаторским планам, поскольку настоящая дружба создает как бы государство в государстве, а значит, потенциальный оплот сопротивления. Дружьями труднее управлять, труднее склонить их к чему бы то ни было. «И, если нас когда-нибудь просто лишат частной жизни и свободного времени, и создадут мир, где все – соратники, а друзей нет, мы предотвратим немало опасностей, но потеряем самую сильную защиту от полного рабства» (К. С. Льюис). И наоборот, то, что создается богоподобным образом здесь на земле, в конечном счете, бессмертно, ибо является частью Божественной Вечности: *«И Радости вашей никто не отнимет от вас...» (Ин 16:22).*

*Санкт-Петербург
Август 2018*

СОДЕРЖАНИЕ

Легкое бремя Христово	5
-----------------------------	---

ВЕСТНИКИ СВОБОДЫ

Сергей Серов

Небесный огонь

<i>Памяти Зои Александровны Крахмальниковой</i>	11
---	----

«Я вел себя в тюрьме как свободный человек»

Беседа с Александром Огородниковым	42
---	----

Ирина Языкова

Сандр Рига – поэт и апостол единства	68
--	----

Роман Перельштейн

Костер Померанца и Миркиной	93
-----------------------------------	----

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

Ив Аман

Мост, соединяющий берега (Пер. с франц.)

К 20-летию со дня кончины

<i>Анастасии Дуровой</i>	119
--------------------------------	-----

Коста Каррас

Живая епархия в служении Богу живому

(Пер. с англ.)

<i>Митр. Антоний (Блум) и Сурожская епархия</i>	133
---	-----

Евгений Рашковский

Недосказанный Сергей Аверинцев 162

Сергей Аверинцев

Различение знаков времени: христианское
отношение к истории 171

Алла Калмыкова

Счастье и боль Василия Сидина 185

Священник Павел Левушкан

«Спасай взятых на смерть...»

Подвиг Бруно Розенталса 210

Священник Владимир Зелинский

Богословие изумления

О книге Оливье Клемана

«Беседы с патриархом Афинагором» 217

Брат Адальберто Майнард

Энцо Бьянки –

основатель монашеской общины

в Бозе (Италия) 235

Энцо Бьянки

Эпилог (Пер. с итал.)

Из автобиографической книги

«Читать жизнь» 250

Лидия Кузнецова

«Мир Вам!»

Светлой памяти архим. Виктора

(Мамонтова) 258

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

Проповеди275

ВЕРА И КУЛЬТУРА

Изучение христианского искусства и вопросы веры.

Из личного опыта российских искусствоведов-медиевистов **Анны Пожидаевой и**

Марины Заиграйкиной321

Прот. Евгений Горячев

Вместе от земли до Небес352

SOMMAIRE

Le fardeau léger du Christ.....	5
---------------------------------	---

LES MESSAGERS DE LA LIBERTÉ

Serge Sérov

Le feu du ciel

<i>À la mémoire de Zoya A. Krakhmal'nikova</i>	11
--	----

« En prison je me comportais comme un
homme libre »

Entretien avec Alexandre Ogorodnikov	42
---	----

Irina Yazykova

Sandr Riga, poète et apôtre de l'unité	68
--	----

Roman Perelchtein

Le feu de joie de Pomerants et Mirkina	93
--	----

FIDÈLES À LEUR VOCATION

Yves Hamant

Un pont qui relie les deux rives (Traduit du français)

Pour le vingtième anniversaire de la mort

<i>d'Anastasia Dourova</i>	119
----------------------------------	-----

Costa Carras

Un diocèse vivant pour servir un Dieu vivant
(traduit de l'anglais)

Le Métropolitain Antoine (Bloom) et le diocèse

<i>de Souroge</i>	133
-------------------------	-----

Eugène Rachkovsky

Serge Averintsev tel qu'on ne le connaissait pas 162

Serge AverintsevDiscerner les signes des temps: Une attitude chrétienne
envers l'histoire 171**Alla Kalmykova**

Le bonheur et la douleur de Vassili Sidine 185

Prêtre Pavel Lévouschan

« Sauvez ceux qu'on assassine... »

L'exploit héroïque de Bruno Rosentals 210**Prêtre Vladimir Zelinsky**

Théologie de l'étonnement

*À propos du livre d'Olivier Clément**Dialogues avec le Patriarche Athénagoras* 217**Frère Adalberto Mainardi**

Enzo Bianchi : le fondateur de la Communauté

Monastique

de Bose (Italie) 235

Enzo Bianchi

Épilogue (traduit de l'italien)

Extrait de son ouvrage autobiographique« *Lire la vie* » 250**Lydia Kouznetsova**

« La Paix soit avec vous »

*À la mémoire lumineuse de l'Archimandrite Victor**(Mamontov)* 258

LA PAROLE DU PASTEUR

Archimandrite Victor (Mamontov)

Homélie 275

FOI ET CULTURE

En étudiant l'art chrétien : les questions de la foi

D'après l'expérience personnelle des historiens

de l'art médiéval en Russie Anna Pozhidaeva

et Marina Zaigraikina 321

Archiprêtre Eugène Goryatchev

Ensemble de la terre aux Cieux..... 352

CONTENTS

The light burden of Christ.....	5
---------------------------------	---

THE MESSENGERS OF FREEDOM

Sergey Serov

Heavenly fire

<i>In memoriam of Zoya A. Krakhmal'nikova</i>	11
---	----

“I behaved as a free man in prison”

Conversation with Alexander Ogorodnikov	42
--	----

Irina Yazykova

Sandr Riga – the poet and apostle of unity	68
--	----

Roman Perelshtein

The bonfire of Pomerants and Mirkina	93
--	----

FAITHFULNESS TO ONE'S CALLING

Yves Hamant

The bridge connecting the shores

(Transl. from French)

<i>To the 20th death anniversary of Anastasia Dourova</i>	119
--	-----

Costa Carras

A living diocese to serve a living God

(Transl. from English)

<i>Metropolitan Anthony (Bloom) and the Sourozh Diocese</i>	133
---	-----

Eugene Rashkovsky

Untold Sergey Averintsev 162

Sergey AverintsevTo discern the omens of time: Christian attitude
to history 171**Alla Kalmykova**

Happiness and pain of Vasily Sidin..... 185

Priest Pavel Levushkan

“Rescue those, who are being put to death...”

The feat of Bruno Rosentals 210**Priest Vladimir Zelinsky**

Theology of wonder

*About Olivier Clement’s book**“Conversations with Patriarch Athenagoras”* 217**Brother Adalberto Mainardi**

Enzo Bianchi –

the founder of Bose Monastic Community (Italy) 235

Enzo Bianchi

The Epilogue (Transl. from Italian)

From his autobiographic book “To read Life” 250

Lidia Kuznetsova

“Peace be upon you!”

*In blessed memory of Archimandrite Victor
(Mamontov)* 258

PASTOR'S WORD

Archimandrite Victor (Mamontov)

Sermons 275

FAITH AND CULTURE

Studying of Christian art and the issues of faith.

*From personal experience of art experts and medievalists
from Russia* **Anna Pozhidaeva**

and Marina Zaigraikina..... 321

Archpriest Eugene Goryachev

Together from earth to Heaven 352

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2019)**

**Альманах «Христианос» – выпуски I–XXVIII
Альманах «Отчий Дом»**

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция))

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Фессалоникийцам,

Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение

епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Филиппийцам,

Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,

Послание к Ефесеям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Титу,

Послания к Тимофею,

Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»

Статьи. Проповеди. Беседы

Alexander Men' International Charity Society
Riga, Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com